

Литературный Иерусалим

49

ИЕРУСАЛИМ
2025

УДК 821. 161. 1-1
ББК 84 (2 Рос=Рус)

Литературно-публицистический журнал

Выпуск № 49

**Издание Международного Союза Писателей Иерусалима
при
Федерации Союзов Писателей Израиля**

Главный редактор:
Евгений Минин

Редакционная коллегия:
Ефим Гаммер, Владимир Френкель

Издательство «*Evgarm*»
e-mail: evgarm@gmail.com

ISBN 978-965-7209-40-19

*В некоторых случаях сохранены особенности
авторского написания, и авторы несут ответственность
за достоверность предоставленных материалов.*

© Все права принадлежат авторам

Ариэла Марина Меламед

МЫ УЛЕТЕЛИ ИЗ ПУСТЫНИ

Я поздравляю вас с событием,
Вернее даже с забытием...
Чтоб написать незримой нитью
О том, как мы тут заживем...

Бежать ручьем по небосклону,
И щебетать, как стая птиц,
Устроить сад не по сезону,
Погладить кончики ресниц...

Построить дом из палых листьев,
Из ожиданий и мостов,
Кого и чем к чему почистив,
Добавить стайку нежных слов.

И в терем, словно понарошку,
Чтоб веселее было впредь,
Мы позовем собаку, кошку,
Придет танцующий медведь

И крышей, столь неповторимой
Укроет терем всех и вся.
А если гад придет голимый,
Мы скажем – накось, выкуся!

* * *

Там дети играют, там горы и ветер
Болтают под солнцем себе о своем,
Что черною меткою кто-то отметил
И метки растут, не вздыхая о том,
Что дети болтают, что ветер играет,
Пустыня сияет прозрачным песком.

А лифт постоянно до неба летает,
Теряя ключи на привале другом...
И если ходить и смотреть, как снаружи
Толкается радость всю ночь напролет,
То рядом – все стужи, и стужи, и стужи...
А песню о детях туман допоеет...

* * *

Весь мир плывет куда-то в небо,
Мы улыбаемся нелепо
И уплываем вместе с ним,
Забыв столетий прежний грим.

Весь мир плывет куда попало,
Там, где ему не перепало,
Где начинания бегут
На новый солнечный редут.

Уйти негромко, по-английски,
Молчать под перекрик сорок,
Не оставляя ни записки,
Забить на веник и венок.

Дорогу, небо с облаками —
Пиши широкими мазками,
Автобус, пирс и корабли
Давно куда-нибудь ушли...

Мы улетели из пустыни,
Оставили слова пустые,
Где ветер в спину и в лицо...
И дружно вышли на крыльцо.

* * *

В этом доме, что спал и мечтал, появился сверчок.
Ну, конечно, пока никому, и об этом — молчок.
Я, конечно, молчу, только он все поёт где-то тут,
Я живу, как трава, расцветаю, как желтый грейпфрут...

Он поёт о своём, он ни ночью, ни днем не молчит,
Мы живем тут вдвоём, и идиллия эта горчит...
Что кричишь ты, мой друг и куда мне пророчишь уйти?
Я устала опять или вдруг постоянно расти...

Но пока я такой Буратино такой высоты —
Деревяшка из пыли и неба земной красоты...
Так что книжку возьму, и подушку, и, может, свирель,
Каплю, ладно, надежды на май или даже апрель.

Утром в школу такую, где сны и деревья растут,
Перейду этот лес, этот парк, этот мой институт...
Говори мне, сверчок, говори, только лучше с утра...
Вот в руке пятачок — и вот-вот наступает пора.

* * *

Есть и люди, что любят Москву,
не во сне – наяву.
Продолжают все то,
что включает и эту главу,
их напрасно зову...

Что им тот Nevermore?
Что поется и пляшет с тех пор?
Этот мир, этот мор...
И живут, как ни в чём не бывало,
ну да, и друзья...
Этот город берется заканчивать
соль бытия.
Там и Сретенка, да. и Арбат,
там гуляла и я.

Что пломбир, что над площадью летней
прозрачный дымок?
Кто-то только что начал ходить,
что им Запад-Восток?
Как же так, этот город взрывает
и зиму, и осень-весну.
Да и лето закончило жизнь
не одну, не одну...

* * *

Да, конечно, это осень, что ли,
Трудно выползать из этой роли,
Не видать мне век неволи,
Ой ли...
Новые мозоли...

А слова забудутся едва ли,
Даже просто эти «трали-вали»,
Спозаранку если спали –
Встали,
Двинуть не пора ли?

Только оглянешься – снова лето,
Станешь вспоминать про все про это,
Натурально так монеты
Спеты,
И горят билеты...

Не объедешь на кривой кобыле,
Не считаешь спозаранку мили,
Подвиг новый совершил ли?
– Или!
Снова все забыли...

* * *

Ракушка-улитка, улитка-ракушка,
Скажи мне на ушко, оладушек-душка,
Ну в чём же тут фишка, лягушка-квакушка?
Куда подевалась пустая ракушка...

Листая восточные лица в столице, –
Нам так пригодятся и ветра страницы,
Что даже горчица горит и дымится,
А все-таки – пицца, а все-таки – пицца...

А ты понарошку всё варишь окрошку,
Заполнена флешка по самую фляжку,
Не ловится фишка на разную мошку,
Зато на опушке уснула избушка...

А мышка-норушка удрала от кошки
И фишку поймала... Какие игрушки?..
Откроешь ладошку, наденешь фуражку
Уже на дорожку, уже на дорожку...

Такую одежду клепают в шарашке,
С такою матрешкой приходит подружка,
Что только морошку собрали в лукошко,
А брошку забыли. Всего понемножку –
И ложки, и рожки да ножки...

* * *

Вы обещали мне присниться,
Я обещала вам вернуться...
Но за последнюю страницей
Мы собираемся проснуться.

Смотрели так самозабвенно
На все закаты и восходы,
Переливались снежно-пенно
И ночь, и день, и в небе воды...

Болтали вроде безразлично,
Болтаясь на меридиане...
А сны летят круглогодично,
Как самолётики в тумане..

И там неважно, чёт иль нечет,
Тень в переливах перламутра...
Хотя б во сне увековечить
Вас и меня, и это утро.

Так иногда бывает ясно,
Что счастье все же не погасло,
И огонек поет в тумане,
Как талисман о талисмане...

Валерий Слуцкий

НАДЕЖДЫ В ДОЛГ

* * *

Бороться не с кем, не с чем воевать.
Прилаживай (не выкинешь из жизни)
С момента, как застелена кровать,
К стене шуруп, счета к дороговизне.

Когда мозги не то чтобы пусты,
Но пребывая в собственном астрале,
Вполне постигли мудрость немоты
Для выхода из замкнутой спирали.

Надежды в долг (итогами отдашь).
Увы, — ответу жизни-кредитору, —
Всё, чем богат — баранка и пейзаж,
Дивящийся дорожному затору.

Что впереди, не ведает никто,
Пунктиром продвигаясь понемногу —
Носилки и размятое авто,
Проводят ли овец через дорогу.

За ссудный день судьбу благодарю
И то, что в погашенье не изъято —
Светящую надеждами зарю
И стопку виски — спутницу заката.

15-16.2.2022

* * *

По жизни из запомнившихся фраз
Одна, как путеводная звезда —
Не я, так кто? И если не сейчас,
Когда?

Ячейками злопамятного сита
Отсеивая добрые дела,
Оправдыванья память отмела.
И только в чем повинен, не забыто.

Не я, так кто (не дал себе труда)
Мог различить страданье и причуду
Равно понять, где прихоть, где нужда...
И если не сейчас прощенным буду,
Когда?

* * *

Анатолию Анатольевичу Ванееву

Учитель смысла, помнится, в ответ
С больничной койки (разумная малость)
На «как здоровье?...» мне: «Здоровья нет, –
Сказал, – лишь самочувствие осталось».

Той малостью средь разумных даров
Дополнил их опору и основу:
Смысл новизной осмысленности нов,
И разумной внимательностью к слову.

Мы, говорил, из слова состоим.
Нет у «ничто» иного матерьяла.
Реальность – слово, мир творится им,
Где завершенность есть цена начала.

Жизнь в эсхатологическом кольце
Заложница кошмара мирового.
«В начале было Слово...», и в конце
Переменяя разум, будет Слово.

2-3.4.2022

* * *

Могу ответить, что у нас:
Стабильность здравости и бреда.
Дымят (по случаю) спецназ,
Костры из шин, мангал соседа.

Под постановочный галдеж
В оливах кормится отара.
И ждущий в ящике платеж
Реальней авиаудара.

На час сдвигают время сна,
Честят виток головотяпства,
И, разумеется, весна
С сезонным выходом из рабства.

15-17.4.2022

* * *

Две жизни, заключенные в одной,
Где первой в направлении заката
Влечешься, отдаляем быстринной
От высшей точки к точке невозврата.

Где что ни наработай, кем ни будь,
Трудом добившись, случаем, измором –
Проскакивают вехой (общий путь)
Иллюзии, как станции на скором.

И есть вторая, в коей: «Не солги»
Велишь себе, проигрывая в споре
Резонам первой. Немошны мозги
При ясности, победной априори:

Нельзя не быть. Сознание мира – ты,
Не создано никем и не ведомо,
Которое в единстве полноты
Откроется, отмывшись от фантома.

В преддверии заката ли, зари
Тобою обладаемого мира
Себе велишь: равно не сотвори
Из смерти культ, из ясности кумира.

1-2.2.2023

* * *

Всё те же возможности плоти,
И сутки для целей тесны.
Но чувство, что жизнь на излете
Острее ее новизны.

Затмение надежды? Проруха,
Какую на слабость спиши,
Прощая предательство духа
Ему доверявшей души.

Душа моя, в минус печаль нам.
Кто в помощь нам, если не мы? –
Лишь утро (в значении буквальном),
Что свет отделяет от тьмы.

19-23.2.2023

* * *

Даман, бедняга, черт тебя принес.
Не для прогулок трасса скоростная.
Накрыть беду успев промеж колес,
Пронесся над... убил иль спас не зная.

Какой в беде винить друг друга прок?
Был воздухом удар, иль чем задело...
Лишь в зеркале увидел кувырок
Наказанного скоростью за дело.

Мирюсь с судьбой, рискованной, скоростной,
Не сдать назад, свернуть, остановиться,
Но мучиться без выбора виной
Участника, причины, очевидца.

Любя, кляня, цenia, не ставя в грош,
То так, то сак – к долгам своим и ношам,
Себя с собой, старайся, не сведешь –
Реальность не позволит быть хорошим,

Где вопреки желанью и уму
Безвинно предаем, гнобим и гробим
На скоростной к единству своему,
Как к образу, что застится подобьем.

11-12.3.2023

* * *

Когда бы сдавшись мысль ни отступала,
Нужду в уразумении приструня,
Мой перстень оком черного опала
Нет-нет с поддержкой глянет на меня:

Мол, разум окольцован Соломоном.
Дерзай свое, не вторя мудрецу.
Нуждающимся в ясности на что нам
Безвыходная мудрость по кольцу.

Да, «всё пройдет», добавь лишь, всё, что мним мы.
Но, в бывшем открывая новизну,
Дары его путей неотменимы.
И с тем кольцо опалом разомкну.

21-22.4.2023

ПРОХОЖИЙ

Когда я смотрел на вапоретто,
плывущий в сторону Сан-Микеле,
меня коснулся плечом
проходящий мимо мужчина.
Я посмотрел вслед
человеку в сером плаще,
коренастому,
с покачивающейся походкой.
Его пролысину освещало
уплывающее за горизонт
на своем вапоретто солнце.
И не сразу вспомнил –
кого мне напомнил прохожий,
тоже уходящий в сторону Сан-Микеле.

ЗНАЧИТ...

Ласточки низко летают – к дождю.
Самолёты низко летают – к войне.
Можно тишине сказать «адью»,
значит, снова всё будет в огне.
Значит, снова мужчинам гибнуть в бою,
значит, многих горе возьмёт в кольцо,
значит, снова люди в моём краю
увидят смерти злое лицо...

* * *

Пропал Ерушалаим...
Его захватили высоты,
Их всё больше и больше...
Ползут по земле армады...
Предками, словно кружева, был соткан,
а теперь бетонные,
цепляющие облака, громады.
А толку-то, что от возмущенья пылаем?
Сносят старый город повсюду – за домом дом.
Смотрю, повторяя:
– Пропал мой Ерушалаим!
А вместе с ним и мы навсегда пропадём...

* * *

Вот и завывала сирена.
Воздуха лёгкая дрожь.
Улицы стихли мгновенно,
День стал на вечер похож.
Взрывы далёкие где-то
Там, где небес биоюза.
Значится – сбита ракета.
Это сегодня, а за...?

* * *

Хорошо, когда цель не даёт умереть, –
лишь тогда отходит в сторону смерть:
– Подожду, – говорит, – дам ему пожить,
я ж на пенсии – некуда мне спешить.
А Всевышний прочтёт весь житейский план,
От моих идей и ни трезв, и ни пьян,
Он захлопнет грассбух, отхлебнёт терпкий ром,
И в мой адрес сверху услышим гром.

* * *

В больничной палате
у моей кровати
сидит печаль
и говорит как тому кораблю: – Отчаль!
Отплавал, дружок, отработал свой срок.
Настрогал достаточно строк.
Поэтому доктор с тобой не строг,
не даёт таблеток, потому что бесполезно,
впереди лишь одна перспектива – бездна,
и не успеешь сказать «прощай», хотя ещё рано,
что, в общем, естественно, хотя и странно...

* * *

Ну почему мне снится
дом-избушка-развалюха,
где из окна – озёрное сукно,
и дальше – берег в дымке,
и старуха,
что принесла парное молоко,
с утра стучит в окно.
Да, память детства – как клеймо на коже,
не смыть, не выжечь, как родимое пятно,
и лишь в строке запрячется оно,
и автора переживёт, похоже...

REX

Поспешите, граф. Ради всего святого, скачите быстрее, иначе за вашу жизнь не дадут и гроша. Погоня уже несётся по вашему следу, конские копыта выбивают пыль из старого дорожного ковра. Заходятся от лая окрестные псы, лязгают зубами, пытаются цапнуть за край пыльное облако. Торопитесь, граф. Всадники, что преследуют вас, молоды, веселы и злы. Они не знают, что такое жалость, они ухмыляются, нахлёстывая лошадей, и на их потных лицах застывает серая корка.

Что же вы наделали, граф! Что же вы наделали...

Тропа петляла среди ядовито-зелёных зарослей, и Графу уже казалось, что она не кончится никогда. Мясистые, хищные растения стояли стеной, высовывали в узкий просвет тропы свои широкие изрезанные листья и ждали зазевавшихся путников. Одно неосторожное прикосновение, и кожа вспучивается волдырём, а потом солнце умело расковыривает его, превращая в долго не заживающий ожог.

– Хамы, – отругивался Граф, то и дело уворачиваясь от мерзких листьев.

И вправду, в этих гигантских, самодовольных растительных тварях было что-то хамское. Они победили в сражении с невзрачными травами, задушили их последние ростки и торжествовали – у них в запасе была целая вечность. У Графа не было и получаса.

Конь устал и всё чаще поворачивал к хозяину голову, косился на него огромным, навывкате, глазом и как будто спрашивал:

– Ну что, скоро уже?

– Наверное, скоро, – говорил ему Граф, – потерпи ещё немного. Ты молодец.

Лес появился неожиданно, за очередным поворотом тропы. Орда ядовито-зелёных подошла к нему вплотную и замерла у самой канавы. Несколько смельчаков (или, наоборот, провинившихся и отверженных) спустились к воде и попытались перебраться на другой берег. «Не смей, – зашелестели обитатели леса и сомкнули строй. – Кто перейдёт, сдохнет, не сделав и шага». Они были правы – на том берегу приникли к земле пожелтевшие листья тех, кто не поверил.

Граф тяжело прыгнул с коня и похлопал его по взмыленному боку.

– Умница, – тихо сказал он. – Ты самый лучший, клянусь всем, что у меня осталось.

Конь фыркнул и мотнул головой.

Граф подумал было стреножить его, но пожалел.

– Я пойду, – голос Графа звучал устало и виновато. – А ты поброди тут пока. В канаве есть вода, она, конечно, отвратительна на вкус, но это всё же лучше, чем ничего. Вот посмотри – там по берегу много травы, выглядит вполне съедобно.

Конь стоял и смотрел на хозяина, как будто не верил, что его оставят тут одного.

– Я вернусь, – пообещал Граф. – Завтра. Может быть, через два дня. Или через неделю. Прости, но тебе со мной нельзя. Ты просто жди. Как только выйду из леса, позову, ладно?

Конь не ответил.

Граф перескочил через канаву и, не оборачиваясь, углубился в заросли. Конь ещё долго смотрел ему вслед, всё надеясь, что хозяин одумается и вернётся. А потом, потеряв надежду, согнул тёмную, почти чёрную шею и стал медленно пить тёплую илистую муть, которая когда-то была водой.

Хвойная поросль как будто вытянула свет из окружающего пространства – пропустила его по стволам и упрятала где-то под землей. Граф продирался сквозь сплетения веток, инстинктивно щурясь и прикрывая лицо рукой, но всё равно получил несколько болезненных пощёчин. На крошечной опушке он остановился передохнуть. Плащ, оказывается, уже успел порваться в нескольких местах, но Графа интересовала только фляга с вином, которую он успел сунуть в карман, второпях покидая замок. Вино было из самых неприязательных, скорее для прислуги, но сейчас его вкус казался божественным. Граф сделал несколько больших глотков и улыбнулся. В общем, пока всё складывалось неплохо. Он вернул флягу в карман, смахнул с волос сухие иголки и снова углубился в заросли. Через минуту он споткнулся и еле сохранил равновесие. Шляпа гриба-звездочёта – красная, усеянная беловатыми точками – расплющилась под его сапогом во внушительных размеров блин, остальные члены грибного семейства чудом остались невредимыми. Чуть поодаль на подушке из мха лежал рогатый череп. В правой глазнице удобно устроился огромный слизень.

– Ну что ж, начало хорошее, – усмехнулся Граф и пошёл дальше, стараясь не наступать на сухие сучья.

– Клянусь, Ваше Величество, это самое уединённое место из всех, что мне известны. Здесь вас никто потревожит. Я прослежу за тем, чтобы вы ни в чём не знали недостатка, – говорил Советник.

Он шёл впереди, придерживая ветки, чтобы ни одна не посмела коснуться королевского лица. Советник был очень немолод, грузного телосложения.

Ему было трудно идти, на спине медленно разрасталось мокрое пятно, и Король время от времени морщился, когда до него долетал запах потного, усталого тела.

Он любил Советника и втайне считал его самым близким человеком – с того дня, когда, ещё мальчишками, они вместе устроили славное сражение на королевской кухне, швыряясь друг в друга кусками огромного торта. То, что последовало за тем, Король вспоминать не любил, а Советник ни разу не заводил об этом разговор.

– Не хотите передохнуть, Ваше Величество?

Советник тяжело дышал, на переносице застыла крупная капля пота. Король, в отличие от своего провожатого, был сухощав и лёгок. Он совсем не устал, но пожалел Советника и согласился. Как раз в этом месте тропу пересекало упавшее дерево.

– Садитесь, Советник, – предложил Король. – Садитесь, ради Бога, я много раз говорил вам, что вы можете сидеть в моем присутствии.

Тот приложил руку к груди, чуть склонил голову и тяжело опустился на сучковатый ствол. Какое-то время они молчали.

– Вы последний видели Её Величество, – Король не хотел задавать этот вопрос, но всё-таки не удержался, – В каком настроении?

Советник вздохнул.

– Её Величество не в духе. Впрочем, как и всегда.

Король грустно покачал головой. Ответ был ему заранее известен. Господи, как она была хороша в тот день, когда они встретились впервые. Господи, как она была хороша. Он слушал её болтовню, поддакивал и шутил, он никогда больше не шутил так много и удачно. У неё был особенный смех, самый прозрачный и звонкий на свете, смех-колокольчик, смех – горный ручей. Такой смех нужно собирать в хрустальные сосуды и хранить сотни лет, передавая внукам и правнукам вместе с фамильными драгоценностями.

Родители были против. Избранница Наследного Принца не понравилась им с первого взгляда.

– Она слишком много и громко смеется, – говорил отец, – из неё получится плохая королева. Поверьте мне, Принц, я хочу, чтобы мой сын был счастлив. Но Принц однажды станет королем, а это совсем другое дело.

– Она не любит вас, Принц, – говорила мать. – Она проста, и это опасная простота, из которой со временем вырастают большие беды.

Принц неожиданно для родителей и себя самого проявил упрямый характер.

– Ваше Величество, – сказал он отцу. – Я люблю и уважаю вас, для меня нет ничего горше слёз моей матери, я без колебаний отдаю жизнь за Королевство. Но если вы не дадите согласия на мой брак, я уйду, и не трудитесь тогда посылать своих людей на поиски. Они меня не найдут. Или она станет моей королевой, или я не стану королём.

Саму свадьбу Король помнил не очень хорошо, большая часть деталей почему-то стёрлась из памяти, как будто память сама отказалась их удерживать. Все говорили, что это был великолепный праздник, в лучших традициях Королевства. Собственно, что ещё они могли говорить?

Смешите своих женщин, радуйте их, дурачьтесь, как будто вам семнадцать – сколько бы ни было вам на самом деле.

Смешите их, как на первом свидании, потому что ревность и обиды съеживаются и засыхают от этого смеха.

Смешите их утром, едва они откроют глаза, смешите днём, когда солнце забирается на самую вершину своего пути, смешите их, когда удлиняющиеся тени притягивают сумрак.

Смешите своих женщин, это же так просто!

Однажды смех-ручей пересох, и смех-колокольчик покрылся ржавчиной.

Король был занят: собирал земли, а потом раздавал их, воевал и мирился, строил и разрушал, а Королева проводила день за днём во дворце, наполняя его растущей обидой и ненужными вещами. Они заполняли полки резных шкафов и проёмы в стенах, кладовые и пристройки, они притягивали пыль и ссоры.

Ссоры случались всё чаще, и постепенно не осталось больше ничего. Король возвращался во дворец с неохотой, по ночам долго не мог уснуть, а мысли, которые он поначалу давил, как назойливых мошек, набирали силу и превращались в хищных птиц, терзавших его, бывало, до самого утра.

– Если бы я мог уйти, если бы я куда-нибудь мог уйти, – шептал Король, глядя в потолок. – Если бы только...

С годами он не потерял стройности, чего, увы, нельзя было сказать о Королеве.

Но разве дело в форме, которую со временем приобретает тело?

Конечно, нет, и Король отлично это понимал. Наверное, это было глупо, но он ни разу не подумал всерьёз о разводе.

– Ты всё испортил, – кричала Королева, – Я старею, ты видишь, я старею?! Ты вообще хоть что-нибудь видишь?! Тебе известно, что сказал мне на прошлой неделе Лейб-медик?

Король вдыхал жаркий, спёртый воздух обиды и чувствовал, как в его лёгкие проникает яд.

Он огрызался, как блохастый пес, и сам себя ненавидел за это. Он в тысячный раз пытался услышать в этом крике хоть одну, одну-единственную нотку того, давнего, молодого голоса, хоть один отголосок колокольчика, и в тысячный раз слышал только крик.

– Советник, помогите мне исчезнуть хотя бы на неделю, – однажды сказал он. – Помогите мне, иначе я умру.

– Твою мать! – выругался Серж, в очередной раз зацепившись за корень и с трудом удержав равновесие. – Сколько же вас тут?! Наспех собранный рюкзак водило то вправо, то влево, куртка порвалась в нескольких местах, струйка пота прокралась в правый глаз, и Серж на пару минут окривел.

Тропа вывела его к старице и с облегчением оборвалась. Путник ей попался тот ещё – нервный, встревоженный и неосторожный.

Серж огляделся.

Справа матово отблескивала ряска, которая покрывала воду сплошным ковром. То тут, то там ковер начинал колыхаться, сквозь душное зелёное покрывало пробуживали болотные газы, и всё успокаивалось. Река, которая когда-то текла по этому руслу, в этом месте решила свернуть в сторону, и на память об этом – очень давнем – решении осталась огромная кривая лужа. Лужа выпустила в сторону леса длинный щупалец, явно топкий и тоже покрытый ряской. Вдоль ближайшей его стороны кто-то положил два ствола и даже пристроил к ним подобие перил. Сделано это было явно не один десяток лет назад, конструкция выглядела сомнительно, но Серж решил рискнуть.

Если кто-то строил переправу, значит, знал, куда пойдёт дальше. Серж наступил на один из стволов и попробовал его на прочность. Ствол был осклизлый, но вес держал.

– Поехали, – тихо сказал Серж, ухватился за перила крепче и пошёл, стараясь не глядеть на колыхающийся зелёный ковёр.

Они ещё долго плелись по лесной тропе, с трудом перебрались через реку по полусгнившему мосту и, наконец, вышли на опушку.

– Это здесь, Ваше Величество, – Советник указал на странное сооружение из тёмных досок. – Мы пришли. Когда-то в этих местах охотился Герцог, выстроил себе охотничью избушку, а потом... Ну, вы знаете, что было потом. Позднее я приходил сюда несколько раз и даже уложил пару кабанов.

– Так здесь ещё есть кабаны? – удивился Король. – Я думал, что последнего зажарили лет десять назад.

Советник пожал плечами.

– Мне пора идти, Ваше Величество. Вы знаете, как позвать меня, я постараюсь быть здесь как можно скорее.

– Спасибо, Советник, – улыбнулся Король. – Знаете, я давно хотел вам сказать одну вещь. У меня есть всего один настоящий друг. Это вы.

– Я знаю, – просто сказал Советник. – Так было и так будет, пока я жив. Что сказать Королеве, если она будет спрашивать о вас?

– Если бы я знал, что ей сказать, мне бы не пришлось просить вас о помощи... Скажите ей... Скажите, что я вернусь. Через неделю, две, может быть, через месяц. И ещё скажите, что тогда, может быть, мы поговорим. Впрочем, нет, про разговор не надо. Не имеет смысла.

– Хорошо, Ваше Величество. Я всё сделаю. В избушке вы найдёте всё необходимое на первые дни, а потом я приду, если вы не позовёте меня раньше, – Советник поклонился и пошёл по тропе обратно.

Король смотрел ему вслед, вслушивался в треск сучьев под его ногами. Советник шёл медленно и тяжело.

– Господи, только бы он не упал с моста, – шептал Король. – Зачем я втянул его в это дело?! Зачем?!

Шаги Советника стихли. Судя по всему, он успешно перебрался через мост.

Король остался один. Пока всё шло так, как он хотел.

– Не, мочить не будем. Шеф сказал не мочить. Но навешаем как следует, в больничке поваляется, это точно.

Толстый вытряс из банки последние капли теплого пива и рыгнул.

– Хорош пиво жрать, – ухмыльнулся Питон и засунул пальцы в пакет чипсов. – Во, и чипсы все выгреб уже. Нормально. Толстый, тебя разопрёт, и ты лопнешь. Я тебе говорю.

– Не лопну. Я крепкий. – Толстый потянулся за следующей банкой.

– Где искать-то будем? С хаты он съехал. Соседи говорят, с рюкзаком видели.

– Найдём. – Толстый с наслаждением хлебал пиво большими глотками и отдувался. – Шеф адресок один скинул. Кореш его, с которым они по лесам шастают. К нему и зайдем. Он нам экскурсию проведет. Да, Коту позвони. С нами будет.

– Кот – ссыкун, – скривился Питон. – На хрена нам Кот?

– Шеф сказал, чтоб мы с тобой и Кот. Какие вопросы?

– Вопросов нет...

– Ну так и звони Коту. Пусть сюда едет.

Питон тихо выругался и полез в карман за мобильником.

Толстый прикончил вторую банку и потянулся за третьей.

Значит, трое. Их будет трое, граф, – откормленных, умелых и сильных. Они отлично владеют мечом и кинжалом, они хороши в рукопашном бою. Они смеются, когда пускают кровь другим, и не замечают, как льётся их собственная. Что вы будете делать, граф, когда эти люди настигнут вас, окружают и, ухмыляясь, обнажат мечи? Будете защищаться до последнего (о, поверьте, это займёт совсем немного времени) или станете умолять о пощаде?

Мой вам совет, граф, – схоронитесь. Спасите свою жизнь, а о чести будете думать потом. Спрячьтесь и сидите тихо. Может быть, они вас и не найдут.

– Хрен они меня найдут, – сказал Серж, обращаясь непонятно к кому – может быть, к воображаемому собеседнику, а может быть, к ближайшему еловому стволу. – Никто не знает, что я здесь.

Впереди деревья расступались, тропа выходила на поляну. В центре стояло двухэтажное сооружение из старых необрезных досок.

Второй этаж был совсем маленький, там, в узком коробе с окошком-бойницей, мог с трудом улечься один человек. А первого этажа, собственно, и не было. Так, навес на опорах, а под ним – лавка и грубо сколоченный стол.

– Похоже, здесь, – пробормотал Серж. – Да, точь в точь, как Макс описывал. Ладно, посмотрим.

Он поправил лямку рюкзака и ускорил шаги.

Король отошёл от избушки совсем недалеко. Темнота, клубившаяся между стволами, с каждым шагом становилась все гуще. Она обволакивала его, прилипала к глазам, понемногу заполняла лёгкие. Темнота и тревога – две неразлучных подруги – сопровождали Короля в этой прогулке. Он предпочёл бы других спутников, но лесная чаща могла предложить только этих.

Три дня, что Король провел в полном одиночестве, не принесли ему облегчения. Советник не приходил, впрочем, он и не должен был появляться так рано – у Короля имелось всё необходимое, и запасов хватало еще как минимум на неделю. Но всё же он дорого бы дал за то, чтобы сейчас сидеть у весёлого пляшущего огня рядом с Советником и смотреть на звёзды. Да, можно просто сидеть рядом и молчать.

О Королеве он старался не думать. Не получалось.

– Вы трус, Ваше Величество, – шептала темнота. – То, от чего вы хотели спастись бегством, пришло сюда вместе с вами.

– Королева осталась одна, – подхватывала тревога. – Постаревшая, вздорная, никому не нужная. Она осталась одна!

– К чёрту! – вскричал Король. – Замолчите обе! Я приказываю замолчать!

– О да, конечно, Ваше Величество. Неужели мы осмелимся перечить самому Королю? – подруги замерли в низком поклоне, но Королю послышалось сдавленное хихиканье.

Или это ветка хрустнула под чьей-то ногой? Король прислушался. Да, кто-то шёл по тропе к его избушке. И, судя по шагам, это был не Советник.

Старик, вышедший навстречу Сержу из частого ельника, был сухощав, подтянут и одет скорее по-городскому: пиджак, рубашка в светлую клетку, шерстяные брюки. Он остановился на самом краю поляны и молча смотрел на Сержа.

– Зараза, – пронеслось у того в голове. – Занято место.
– Молодой человек, если вы вытащите руку из кармана, мне будет спокойнее, – старик улыбался, но голос его слегка дрожал.
– У вас там не револьвер, надеюсь?
– Нет, – усмехнулся Серж. – У меня там сигареты.
– Ну вот и отлично. Хотя курить, конечно, вредно. Давайте знакомиться.

Старик подошел к Сержу и протянул руку.
– Сосновский, – сказал он.
– Сергей, – представился Серж. – По фамилии как-то неудобно...
– Разумеется, – спохватился старик. – Марк Соломонович. Можно просто Марк, если так удобнее.
– Марк Соломонович... – повторил Серж. – Понятно.
– Да уж чего тут непонятного. У вас в доме перебои с водой бывают?

– С водой?
– С ней, с ней, – Сосновский царственным жестом указал на хлипкое сооружение. – Ну и что же мы стоим? Прошу к столу, продолжим знакомство. У меня есть тушёнка, хлеб и вареные сыроежки.

– У меня тоже кое-что есть, – ухмыльнулся Серж и принялся стягивать осточертевший рюкзак.

Вино было необыкновенно густым.

Оно не лилось, а укладывалось пластами, медленно заполняя походный кубок.

– Давайте выпьем, граф, – Король протянул кубок гостю, а потом налил себе. – Давайте выпьем за странные, непостижимые стечения обстоятельств, которые сталкивают совершенно незнакомых людей в совершенно неожиданных местах.

– Прекрасный тост, Ваше Величество. – Граф встал и поклонился.

– Может быть, может быть, – задумчиво проговорил Король. – Но мне кажется, вы мне льстите. Да... Прекрасное вино, неожиданный букет. Признаться, мне ни разу не приходилось пробовать такое. Из ваших погребов?

Граф кивнул.

– Да, Ваше Величество. Последняя бутылка этого сорта. Больше такого в моём южном поместье не делают.

– А где-нибудь еще?

– Нет, Ваше Величество. Такого вина больше нет на свете. Увы, это правда.

– Жаль, – искренне расстроился Король. – Вы молоды, граф. Для вас «больше «не...», «никогда» и «нигде» – просто слова, имеющие такие же права, что и остальные...

Он помолчал, пожевал губами и, глядя гостю в глаза, спросил:

– Что привело вас сюда, граф? Это ведь не самое лучшее место на земле. Здесь можно скрываться, но нельзя жить. Имейте в виду, вы не обязаны отвечать на этот вопрос. Мы не во дворце, и я в любом случае не собираюсь судить вас.

– Я отвечу, Ваше Величество, – Граф тоже старался смотреть Королю в глаза, но это ему удавалось с трудом. – У меня было два проводника: Глупость и Трусость.

– Вот как? – усмехнулся Король. – Как бы то ни было, ответ краткий и достойный. И знаете что, граф? Я постараюсь не уступить вам в этом. У меня был один проводник – мой старый друг. А на самом деле, те же двое, что и у вас. Давайте выпьем ещё.

– Я же говорю, дурак был.

Вторая бутылка портвейна подходила к концу, и Серж слегка окосел.

Сосновский держался молодцом, но лицо его сильно покраснело, и некоторые слова он произносил медленно и осторожно, как будто боясь, что раздавит их неосторожным движением языка.

– Дурак я был. Деньги были очень нужны. Я же не знал, что шеф вернётся так рано и тут же в сейф полезет. Я думал, отыграюсь, назад тихонько положу, никто и не заметит.

– Много взяли?

– Да нет, какое там. Две с половиной штуки.

Сосновский попробовал присвистнуть, но это у него всегда получалось неважно, а в этот раз получилось хуже некуда.

– И что теперь, Серёжа?

– А что теперь... Не знаю. У шефа, похоже, крышу снесло. Хорошо, мне успели позвонить, сказали, чтобы валил с квартиры и сидел где-нибудь тихо. Может, через недельку-другую шеф успокоится, тогда придумаю, как деньги вернуть, и вообще... – Серж помрачнел и замолчал.

– Простите, Серёжа, а почему надо валить с квартиры, как вы образно выразились? А если не валить? Извините, я, возможно, дурацкие вопросы задаю.

– Не валить? – ухмыльнулся Серж. – Можно и не валить, конечно. Сидеть и ждать, когда шеф свою кодлу пришлёт. Убить не убьют, шеф не такой, а вот отметелить до полусмерти – это запросто. Были случаи.

Сосновский покачал головой.

– А вы хоть отыгрались?

– Ага, – зло сплюнул Серж. – Отыгрался. Всё спустил.

– Да... – проговорил Сосновский, – Однако... Ну что ж делать, будем соседствовать пока. Я даже рад вашему появлению. Честно говоря, собирался пожить один, но пожил всего пару дней и затосковал как-то.

– Женаты?

– Да, – коротко ответил Сосновский, глядя в сторону.

– Тогда и я вас кое о чём спрошу. От неё сбежали? Только честно. От неё?

Сосновский долго молчал, а потом кивнул.

– Ясно... Еще налить?

– А то! – очень бодрым голосом отозвался Сосновский, демонстрируя полную боевую готовность. – Налить обязательно. Мы будем пить, смотреть на звёзды, а я буду развлекать вас интересными историями. Как вы на это смотрите?

– Положительно, – кивнул Серж и открыл третью бутылку.

– Мне кажется, я захмелел, – сказал Король, когда темнота сгустилась вокруг лесной поляны, и на небе проявились первые звёзды. – Определённо, я захмелел. Но то, что я вам скажу, граф, я скажу и завтра, когда хмель рассеется. Кто бы ни пришел по вашу душу, я буду защищать вас. Именно так. И даже не думайте спорить со мной!

– Ни в коем случае, Ваше Величество, – сказал Граф, становясь на колено, – я не стану спорить с королём. Я лишь прошу его беречь свои силы и клянусь, что при необходимости сумею защитить и его, и себя.

– Отлично сказано, граф. Отлично. Встаньте немедленно и подайте мне кубок. Было бы непростительной глупостью дать этому прекрасному вину испариться просто так.

Серж лежал на спине и смотрел на звёзды. Прямо под копчиком расположился узловатый корень, но Сержу было лень двигаться. Сосновский сидел рядом. Он был пьян – впервые за много лет.

– Вы знаете, Серёжа, я напился как свинья. И мне ни капельки не стыдно. Забавно, правда?

Серж завозился на земле, пытаясь нащупать пачку сигарет. Корень улучил момент и больно ткнул его в копчик. Серж выругался, но продолжил поиски. Наконец мятая пачка была извлечена, и сигарета, напоминавшая формой запятую, оказалась у него в зубах.

– Забавно, наверное, – пробурчал Серж, закуривая. – У меня это часто бывает.

– Серёжа, дайте и мне одну. Я должен попробовать. Никогда в жизни не курил, честное слово. Дайте.

Серж, поколебавшись секунду, вытянул из пачки ещё одну сигарету, осторожно выпрямил ее и протянул Сосновскому.

– Дайте прикурить, – сказал Сосновский и почему-то хихикнул. Серж щёлкнул зажигалкой. Огонек взметнулся и тут же погас.

– Погодите. Вы же сами рассказывали, как скуривали по две пачки «Беломора» в экспедиции. Ну, той, где ещё мамонта нашли и кусок съели. Разве нет?

Сосновский молчал. Незажжённая сигарета торчала у него изо рта и слегка подрагивала потому, что у Сосновского дрожали губы.

– Серёжа, – наконец совершенно трезвым голосом сказал он. – Серёжа, простите меня. Я обманул вас. Все истории, которые я вам рассказал, правдивы. Только они случились не со мной, а с другими людьми. Мне очень хотелось... Господи, как стыдно. Простите ради бога. И дайте всё-таки прикурить, пожалуйста. Серж поднёс зажигалку, щёлкнул еще раз и спросил:

– А с вами? Что случилось с вами?

Сосновскому наконец удалось прикурить. Он вдохнул дым и зашёлся кашлем.

– Ничего, – ответил он, когда приступ наконец прошёл. – Ничего особенного. Нечего вспомнить, понимаете? Слушайте, как это у вас получается? Меня сейчас просто вывернет. Похоже, поздно начинать.

– Курить – здоровью вредить, – зачем-то сказал Серж. На старика было жалко смотреть.

Макс всё сильнее вжимался в кресло, а Толстый придвигался всё ближе.

– Ну, Макс, ты же нормальный пацан. На хрена тебе кореша своего покрывать? Мы же его всё равно найдём. Найдём ведь, Кот?

– Угу, – Кот только что откусил здоровенный кусок колбасы и продолжал рыться в холодильнике.

– Кот, – укоризненно сказал Толстый, – Не лезь в чужой холодильник. Мы ж не грабители какие, мы по делу пришли. Питон, отбери у него пиво.

Кот нехотя отдал бутылку, которую уже открыл и даже поднёс ко рту.

Питон долго пытался прочесть надпись на этикетке.

– Не наше. Суки, откуда только деньги на это берут? Почему одним все, а другим...

– Жизнь, Питон, несправедливая штука. Вот купил Макс пиво. Хорошее пиво. Поставил в холодильник. Думал, вечером включит комп, выберет порнушку покруче, в одной руке бутылка, а ... Толстый заржал, следом заржали остальные.

Макс молчал.

У него был разбит нос, а левый глаз стремительно заплывал. Толстый поморщился, почесал под подбородком и неожиданным ударом в челюсть повалил Макса на пол вместе с креслом.

– Короче, так. Убивать тебя мы не будем, Максик. Можешь не бояться. Но и жить ты не будешь. А будешь ты каждый час штаны мочить, и встанет у тебя только нос, да и то когда заживёт. Рассказывай, где Серж. Рассказывай, сука.

– Мужики, я не знаю, где он. Ну правда, не знаю. И не кореш он мне, так просто, пару раз пиво вместе пили.

– А давай я комп евоный в пыль разнесу, – предложил Питон.

– И телек тоже, – добавил Кот, дожёвывая колбасу.

– Комп, говоришь? – ухмыльнулся Толстый. – А ты шарить, Питон. Ты шарить. И правда, Максик, без х... ты как-нибудь проживёшь, а вот без компа вряд ли. Я таких как ты, знаешь, сколько повидал? Давай, Питон. Круши.

Питон кивнул и направился к столу.

– Ладно, ладно, – всхлипнул Макс. – Я расскажу. И дорогу нарисую. Не трогайте комп. Пожалуйста.

– Вот и молодец, – одобрил Толстый. – Я же говорил, что ты нормальный парень. Правильный. Одевайся. Дорогу покажешь. И кровь подотри, машину загадишь. Кот, пиво прихвати. И глянь, что там ещё есть, а то жрать охота.

– Там есть, там много чего есть, – радостно загукал Кот, выгребая содержимое холодильника в спортивную сумку.

– Ваше Величество, – сказал Граф, когда небо начало подавать первые признаки рассвета. – Я и так знал, что это не вы убили Чёрного Рыцаря. Не вы исцелили жителей умирающего города от чумы. Я знаю, где правда в сочинениях придворных летописцев, а где вымысел. Но теперь мой Король стал мне гораздо ближе, и я счастлив, что это так. Я говорил, что положу за вас жизнь, и повторяю это ещё раз.

– Благодарю вас, граф, – устало сказал Король. – Мне тоже стало намного легче. Вы не представляете, какой отвратительный привкус остаётся во рту после вранья.

– Представляю. Прекрасно представляю, Ваше Величество. Мне он слишком хорошо знаком. Пожалуй, стоит обойти окрестности. На всякий случай. Заодно добуду пару куропаток, ваши припасы на исходе.

– Идите, граф, – кивнул Король. – И будьте осторожны.

Граф поклонился и исчез в зарослях.

Макс шёл впереди, Толстый то и дело подталкивал его в спину.

– Вот его машина, – сказал Макс, когда тропа, вилившая среди бесконечных борщевиков, наконец уперлась в лес.

Старый «Фольксваген» Сержа стоял, зарывшись капотом в сплетенье кожистых стеблей и листьев.

– Вот козёл, – сплюнул Питон. – Не мог подальше отогнать, что ли? Давайте сожжём. У нас в багажнике канистра бензина есть.

– Потом сожжём, – Толстый был похож на гончую, взявшую след. – Сейчас не до этого. Давай, води, Сусанин хренов.

Сержа не было уже больше часа. Он ушел побродить, прихватив полиэтиленовый мешок, – обещал набрать грибов. Сосновский сидел перед еле тлеющим костром и маялся.

– Господи, зачем я напился? Зачем врал? Зачем хвастался перед незнакомым человеком? Зачем я вообще здесь? Стыд какой...

Где-то в глубинах рюкзака Сержа зазвонил мобильник.

Он звонил долго, настойчиво.

Замолкал и звонил снова. Наконец он замолчал совсем.

И тогда зазвонил мобильник Сосновского.

– Как этот голубь нашёл сюда дорогу? Неужели Советник заранее его научил?

Король осторожно придерживал птицу одной рукой, а другой пытался отцепить записку, примотанную к лапке. Наконец ему это удалось. Отпущенный на волю голубь сделал круг над поляной и улетел прочь.

Король развернул записку.

Он знал, что там будет написано, и всё равно вскрикнул, когда буквы, расплывавшиеся перед глазами, сложились в слова, а слова – в одну короткую фразу.

Он вскрикнул ещё раз, и ещё раз, и ещё.

– Да, я понял, – хрипло сказал Сосновский. – Когда? В какую больницу? Да, я выхожу. Нет, не надо. Я быстрее доберусь сам. Он вскочил и начал собираться, но через минуту бросил вещи прямо на землю и быстрыми шагами направился в сторону реки. А потом побежал; у него немедленно спёрло дыхание, но он всё равно продолжал бежать, широко размахивая руками и пытаясь нащупать тот темп, при котором сердце не выпрыгивает из груди, и всё никак не мог нащупать. Он почти добежал до мостков, когда из леса послышались голоса.

– Ну, где, скоро уже? Достало по лесу бродить. Мы что тебе, партизаны?

– Не, мы каратели, – хихикнул ещё кто-то. – Сейчас твоего Сержа карать будем. По всем правилам.

Сосновский остановился.

– А ведь они его убьют. Чёрт, они его убьют или просто покалечат. Не моё дело. Не моё... Чёрт, чёрт, чёрт! Прости меня. Тяжело дыша, он побежал назад. На поляне никого не было.

– Слава богу, – пронеслось у него в голове, – Может быть, пронесёт.

Король кое-как восстановил дыхание и, когда он выходил навстречу четверым мужчинам, трое из которых были вооружены, он уже дышал ровно и выглядел совершенно спокойным.

– Что вы здесь ищете? – спросил он у шедшего впереди.

Тот не ответил.

Король увидел, что лицо этого человека в запёкшейся крови.

– Старик, мы не тронем тебя. Скажи, где второй? Мы знаем, что он здесь, – могучий, наголо обритый головорез выступил вперед, оттолкнув проводника.

– Вы говорите с королём. На колени, – приказал Король.

Трое переглянулись и расхохотались.

– Я говорю с жалким иссохшим стариком. И готов подарить ему ещё пару лет жизни, если он скажет, где тот, кто нам нужен.

– Вон отсюда, – рявкнул Король. – Пошли прочь.

– Ты умрёшь, – спокойно сказал бритоголовый и достал меч.

И тогда – впервые за много лет – Король достал свой и медленно пошёл вперед.

Серж плохо разбирался в грибах и решил брать все подряд – авось, старик разберётся. Мешок наполнился больше, чем наполовину, на дне уже образовалась грибная каша. Серж решил, что на сегодня достаточно, и направился назад, к поляне. Не дойдя до неё несколько десятков метров, он выронил мешок и бросился на землю. Он видел, как Сосновский занёс палку, пытаясь ударить Толстого. Он видел, как Толстый увернулся от удара, нырнул вперед и ткнул Сосновского ножом. Он всё видел, но не мог пошевелиться. Руки и ноги стали ватными, в голове шумело.

– Только бы не заметили – молился он. – Только бы не заметили. Старика жалко.

Сосновский лежал на земле и корчился.

Над ним навис Толстый с ножом в руке, в нескольких шагах замерли Питон и Кот. Им явно было не по себе.

Вставайте, граф. Вставайте. Или нет, лежите тут, лежите всю жизнь – долгую или короткую – теперь её продолжительность не имеет никакого значения. Лежите тихо и незаметно, как лежат сгнившие стволы. Заройтесь в мох и зарастите им, тогда вас точно никто не найдет. В любом случае, выбор за вами.

– Мужики, вы по мою душу?

Серж стоял на краю поляны, сжимая в руках перочинный нож.

– О, Серж, да ты и вправду здесь, – ухмыльнулся Толстый. – Ну, иди сюда. Шеф тебя заждался, сказал не бить, а к нему доставить. Но ты знаешь, мы тебя всё-таки будем бить. Иди, сука.

Серж медленно пошёл вперед, выставив руку с ножом.

– Ой, боюсь. – Толстый коротко хохотнул и пошёл ему навстречу. – Экая страшная штука. Серёженька, у меня хрен длиннее, чем твоя игрушка. Брось, Серёженька, а то я тебя своим немножко ткну, как старичка твоего. Тоже дурак старый, храбрец грёбанный. Брось, говорю. Бр...

Толстый всхрипнул и повалился лицом вниз. Из разбитой головы потекла кровь. Сзади, пощатываясь, стоял смертельно бледный Сосновский с палкой в руке. Кот внезапно порскнул к краю поляны.

– Да ну вас на ...! – крикнул он. – Мне только мокрухи не хватало!

Через секунду он исчез. Питон глянул на Толстого, который всё еще валялся на земле, обхватив руками голову, сплюнул и тоже пошёл прочь

– Сережа, у меня жена в больнице, – еле слышно проговорил Сосновский, – Вы её найдите, пожалуйста. И скажите... Скажите... Серж успел подхватить его.

– Помогите, – коротко приказал он Макс, которого только что заметил.

– А с этим что?

– За этим менты приедут. Давай. Понесли.

– Сосновский Марк Соломонович? Вы ему кто, родственник?

– Нет. Знакомый. Можно сказать, друг. Как он? Мне очень нужно знать. Это я его привёз.

– Плохо, – вздохнул врач и глубоко затаился. – Операцию сделали, но дотянет он до утра или нет, не знаю. Чёрт его дернул с гопотой связываться... Сосновский... Сосновский... Он женат?

– Да.

– Бывают совпадения. Похоже, его жену тоже к нам привезли.

– Как она?

– Нормально. Она нормально. Зараза, курить хочется, а сигареты кончились...

– Возьмите. – Серж протянул ему пачку. – Возьмите всю.

Королю очень не хотелось открывать глаза. Но он всё-таки сделал над собой усилие и открыл сначала один, потом второй. Он лежал на спине, а над головой было белое небо с ослепительно горящим солнцем. Рядом сидела Королева и гладила его по волосам.

– Я тебя люблю, – говорила она, – Ты самый храбрый, самый сильный. Ты красив, ты всегда был красив. Я влюбилась в тебя с первого взгляда. Ты это знаешь?

Король улыбнулся и кивнул.

Он чувствовал, что белое небо становится всё ближе, но у него ещё оставалось время.

Король еле слышно прошептал что-то.

Это была их любимая шутка, над которой Королева в молодости смеялась всегда, сколько бы он ни повторял одно и то же.

И когда Король услышал смех-колокольчик, смех – горный ручей, он снова улыбнулся, а потом окунулся в белое небо с головой.

За год борщевиков стало ещё больше. Серж шёл по знакомой тропе, то и дело уворачиваясь от мерзких листьев.

На этот раз он оставил машину на самом краю поля.

Он перебрался через канаву и углубился в лес.

Ноги как будто несли его сами, он и сам не заметил, как перешёл на бег.

Стволы совсем прогнили, Серж поскользнулся и чудом не свалился в илистую муть.

Похоже, на поляне целый год никого не было.

Рядом с кострищем валялся котелок Сосновского, чуть поодаль – закопченный чайник.

Серж присел на корточки и поднял чайник. Он перепачкал руки сажеей, но так и сидел, сжимая чайник в руках.

Прошло не меньше получаса, а он всё сидел, глядя прямо перед собой.

– Да здравствует Король, – сам не зная почему, вдруг тихо сказал Серж.

А потом – ещё и ещё раз, всё громче и громче

– Да здравствует Король. Да здравствует Король!

СНАРУЖИ И ВНУТРИ

Так уж сложилось, что во сколько бы вечером я ни лёг спать, в три-полчетвёртого ночи просыпаюсь и потом долго не могу заснуть. Лежу в темноте, вслушиваюсь в редкие ночные звуки за окном и каждый раз уныло раздумываю: что же меня пробуждает в это самое сладкое для сна время? Проходит час-полтора, и я незаметно засыпаю. Сон мой после этого крепок и глубок, и мне очень непросто продрать глаза в семь утра, когда пора вставать и заниматься делами. Отчего такое происходит, тайна за семью печатями.

Однако сегодня причина моего ночного пробуждения оказалась вполне конкретной: где-то далеко за окном басовито громыхали взрывы и гулким эхом разносились в ночной тишине. Сперва я попробовал их сосчитать, потом сбился – настолько много их оказалось.

Взрывы авиабомб и артиллерийская канонада для нас не в диковинку. В нескольких десятках километров от нашего города Газа, и там идёт война. Самая настоящая – с ракетами, танками, артиллерией и, что самое ужасное, со смертями людей. Пришло время уничтожать безумных исламских фанатиков, которые уже длительное время совершали теракты против мирного населения нашей страны и всячески мешали спокойному течению жизни. Когда-нибудь с этим необходимо было покончить раз и навсегда, и вот это время наступило, как его ни оттягивали.

Сегодняшняя война была для нас не первой и началась не вчера. Она уже стала для всех почти обыденной реальностью, хоть и очень трудно представить войну чем-то обыденным и привычным. Конечно же, никому она не нужна, но когда твоим извечным противником движет не логика собственного выживания и вообще не логика, а какой-то иррациональный фанатизм и жажда самоуничтожения, то никаких вариантов не остаётся – врага нужно искоренять. Какими бы миролюбивыми и дружелюбными мы ни были, рано или поздно наступает предел терпению – тогда-то и начинается война на выживание, жестокая и неизбежная, в которой не остаётся места ни жалости, ни состраданию. Гибнут женщины и дети, а тех, кто философствует о справедливости и милосердии, со всех сторон обвиняют в трусости и мягкотелости. И поделом.

Обо всём этом постоянно твердили с экранов телевизоров, печатали в газетах и заполняли Интернет. Разумом мы понимали, что иных вариантов развития событий нет... а вот сердцем?

Сердце не подчинялось никаким доводам и объяснениям, оно каждый раз неровными большими толчками отзывалось на сообщения о гибели солдат и мирных жителей, и совсем не важно, при каких обстоятельствах произошла очередная гибель, главное, что нелепо обрывалась чья-то жизнь – погибал целый мир несчастного юного солдата, горе ширилось, росло и затапливало горячей нестерпимой болью мира всех его близких, друзей и даже тех, кто не был с ним знаком...

Мы всё больше привыкали к отдалённому эху от взрывов, и хоть надрывного воя сирен над головами становилось меньше, а со временем ракетные обстрелы нашего города и вовсе прекратились, всё никак не наступало ощущение приближающейся мирной жизни и скорого окончания войны. Наоборот, беспокойство в душе росло и ширилось. На смену страху – животному страху прямого ракетного попадания и смерти – пришло гнетущее чувство неизвестности. И это было вовсе не из-за отсутствия достоверной информации о том, что творится там, где стреляют пушки и погибают люди, это была постоянная изматывающая душу неопределённость, которая сродни разве что полной безысходности: что нас ждёт завтра? Никто этого не мог сказать, а в ответе, который напрашивался сам собой, было маловато оптимизма и уверенности в завтрашнем дне. В том, что мы победим врага, не было никаких сомнений, но будет ли наш послевоенный мир прежним, то есть таким, к какому мы привыкли, – это и тревожило больше всего. Как саднящая, незаживающая рана это опустошающее чувство неизвестности болело в каждом из нас, лишало покоя и не давало спокойно спать по ночам... В эту ночь я, как всегда, лежал и привычно всматривался в тёмный потолок, по которому мерно скользил слабый отсвет уличного фонаря, и это было единственное, что можно было различить и на чём сосредоточить внимание. Мне даже казалось, что если бы не этот отсвет, было бы совсем тяжело и тоскливо лежать в темноте, наполненной собственными страхами и ночными кошмарами.

Я вслушивался в эхо от взрывов за окном. Привычно считая гулкие хлопки, я вдруг обратил внимание на то, что эхо от них не слабеет, как это было раньше, а усиливается, словно взрывы, подобно живым существам, приближаются ко мне, прокладывая свой путь сквозь поля и леса, поселения и города, расчищая дорогу и уже выбрав цель. На самом-то деле я прекрасно понимал, что такое невозможно, и взрывы могут только отдаляться по мере продвижения армии вглубь вражеской территории. Видно, это были звуковые галлюцинации в ночи, да ещё при разгулявшемся воображении... Бывает ли такое, я в точности не знал, но каждый очередной взрыв становился ощутимо ближе ко мне, и это, помимо желаний, теперь наполняло меня ещё большей тревогой.

Глупости какие-то мерещатся, раздражённо подумал я и повернулся на бок. Но сон по-прежнему не шёл, а сердце колотилось всё больше. Лежать я уже не мог, поэтому кряхтя встал и отправился на кухню выкурить сигарету и попить воды. Как правило, после такого полуночного похода я возвращался в кровать и незамедлительно засыпал, хотя и старался в ночное время не курить.

Присев у распахнутого окна, я уставился на едва проглядывающие в полумраке деревья и задумался. По сути дела, ничего необычного не происходило, и всё вокруг было таким же, каким было всегда. Даже дальнейшее эхо от взрывов было привычным и не раз в такое позднее время слышанным... Что же всё-таки сегодня происходило со мной?

Я опять прислушался к несмолкающему эху и неожиданно почувствовал, что мне вовсе не померещилось: с каждым мгновением эхо становится только громче и громче. Странно, что никто, кроме меня, этого не слышит, и никто так же, как я, не проснулся и не выглянул в окно. Но... что я собирался увидеть в окне?

Сигарета догорела до фильтра и обожгла кончики пальцев, однако этого я даже не почувствовал, по-прежнему чутко вслушиваясь в звуки за окном. Ну уж нет, отправляться в кровать и спокойно заваливаться спать я не мог. Всё равно не засну. К тому же, начало неожиданно ломить виски. Это ж надо – ни с того ни с сего завестись, притом настолько, что даже голова разболелась!

Почему-то и дома сидеть я больше не мог. Мне начало казаться, что за окном, на тёмных ночных улицах происходит что-то важное и крайне нехорошее, и мне непременно нужно это увидеть. Если не увижу, ни за что себе потом не прощу. И своих близких защитить не сумею.

Тихо, чтобы не разбудить домашних, я собрался и наощупь выбрался в тёмный подъезд. Тут уже зажгёт свет и, тяжело опираясь о перила лестницы, выбрался на воздух. Хотелось выкурить ещё сигарету, но я вышел из дома без сигарет. Ну, и хорошо, всё равно далеко уходить от подъезда не собираюсь.

Каждый шаг отчего-то давался с трудом, будто я впервые, после долгой продолжительной болезни, вышел на улицу. Ещё одна странность... откуда у меня это? Я же ещё час назад чувствовал себя прекрасно и ни на что не жаловался!

У ближайшей скамейки я притормозил и с облегчением сел. Сперва только прислушивался к звукам, долетающим до меня, но, когда огляделся по сторонам, просто обомлел от неожиданности. Всё вокруг каким-то странным образом изменилось. Словно какое-то непонятное напряжение наполнило ночной воздух.

В нём уже появились какие-то колючие, покалывающие моё лицо искорки, густой и наполненный липким дымом от дальних пожаров ветер мягко зашуршал в листве деревьев, срывая сухие листья и разбрасывая их повсюду. Мне теперь казалось, что всё вокруг проснулось и больше не спит, а пришло в какое-то странное движение и до предела наполнено ожиданием скорой беды, потому что по городу, ничего не подозревающему и по-прежнему безмятежно спящему, шествует неизвестно откуда взявшийся безумный и злой великан. Его смрадное дыхание разносит прохладный ночной ветер, однако самого его пока не видно. А он шумно ступает своими громадными ступнями по улицам и домам, не выбирая дороги, дробя и разрушая всё на своём пути. Каждый шаг – это взрыв, сопровождаемый гулким эхом, разносящимся по пустым улицам, и эти шаги неизменно приближаются к моему дому.

Откуда он взялся? Очередной кошмар, который я сам себе нафантазировал, насмотревшись глупых фильмов ужасов? Или всё-таки материализовавшееся безумие из Газы? Что нужно от нас этому монстру, кем бы он ни был?

Поначалу мной овладел панический ужас от того, что нарисовало разгулявшееся воображение, потом я подумал, что и в самом деле веду себя как глупый юнец, верящий в фантастические байки, и поэтому сразу успокоился. Никаких сказочных великанов не существует, а монстры, которых рисуют наши потаённые страхи, у каждого свои, но они только в голове, а не наяву, и не нужно заикливаться на них, не нужно вытаскивать их из подсознания...

Но тут, вопреки всем моим разумным рассуждениям, со мной начало твориться вообще что-то непонятное. Незнакомая зелёно-серая ядовитая волна вдруг мазнула по глазам, во рту сразу пересохло, и я провалился в какой-то совершенно иной мир, незнакомый и одновременно до боли знакомый и ненавистный. Словно я уже побывал в нём когда-то раньше, и пуще всего на свете не хотел снова очутиться в нём, но каждый раз что-то почти силой затаскивало меня в него, и противиться этому я не мог. Память виновата? Не знаю. Может, и память...

...Сижу, стиснутый чем-то невидимым со всех сторон, и не могу даже пошевелиться. Жёсткий автомобильный ремень безопасности прижимает меня к спинке кресла. Левая моя рука почему-то обвита закрученным в восьмёрку рулевым колесом. Какие-то пыльные трубки и скрученные провода от двигателя, проткнув тонкий пластик приборной панели, впились мне в грудь и при каждом моём вдохе впииваются ещё глубже. Мне бы глотнуть побольше воздуха, которого так не хватает для дыхания, но не могу – тогда резкая боль в груди становится ещё нестерпимей.

Правой, пока ещё свободной рукой пытаюсь распахнуть дверь автомобиля, но её заклинило. Да это и так видно, можно было не пробовать, чтобы не тратить силы. Тогда я дотягиваюсь до переговорного устройства, висящего на плече, но оно раздавлено и только осыпается мне в ладонь лёгкими пластиковыми осколками.

– Коби! – наконец вспоминаю о своём напарнике, который сидит на соседнем кресле. Голос мой отчего-то тонкий и хриплый, и громче позвать не получается.

С трудом сдвигаю в сторону каску, почти съехавшую на переносицу, и поворачиваю голову... Лучше бы я этого не делал! Вместо лица у командира нашего отделения Коби кровавое месиво. Пуля, пробив лобовое стекло, уже на излёте попала ему в глаз...

Первое мгновение мной овладевает паника. Не знаю, когда сюда примчится помощь, но вокруг никого нет, кроме террористов, обстрелявших наш автомобиль пограничной охраны, совершавший плановый патрульный объезд территории. Сколько их там прячется в придорожных кустах? Неизвестно, но стреляли из двух или даже из трёх позиций...

До автомата, который сжимают мёртвые пальцы Коби, мне не дотянуться. Мой же автомат на заднем сидении, которое сейчас для меня вообще недоступно, но есть ещё пистолет на боку. Вот он-то сейчас и пригодится. До того, как примчится помощь, к нашей расстрелянной машине, врезавшейся на полной скорости в придорожную скалу, могут подобраться террористы. Тогда меня непременно добьют, поэтому нужно отстреливаться, пока есть силы и возможность стрелять. С трудом вытаскиваю из кобуры пистолет и отталкиваю от лица осевшее гибкое и подвижное месиво, которое представляет теперь лобовое стекло. В салон проникает свежий воздух, которого мне всё время не хватает, и можно дышать чуть легче.

Вокруг ночь и тишина, будто ничего за эти короткие и одновременно бесконечные минуты не случилось. Двигатель автомобиля замолк, но фары пока горят, и два узких жёлтых конуса выхватывают из темноты придорожные камни и край асфальта. Всматриваюсь вокруг, но всё неподвижно. Держать пистолет в вытянутой правой руке тяжело, поэтому я опускаю её на панель, потом спохватываюсь и снимаю оружие с предохранителя. Остаётся самое сложное – передёрнуть затвор, чтобы быть готовым к выстрелу, если понадобится. Без помощи левой руки, всё ещё стиснутой и переломанной искорёженным рулевым колесом, трудно, но мне каким-то чудом удаётся это сделать, прижав из последних сил затвор пистолета к подбородку.

На мгновение закрываю глаза и перевожу дыхание. Только не вырубайся, уговариваю себя, только не вырубайся... Можно немного отдохнуть и подумать, как извлечь из внутреннего кармана под бронежилетом сотовый телефон, чтобы дозвониться до своих. Нас, конечно, уже начали искать, но это займёт время, а его у меня нет... Зато у Коби его теперь целая вечность...

Ну вот, наконец дозвонился. Говорить почему-то крайне тяжело, голос теперь сиплый и невнятный, к тому же отчего-то начался непрерывный кашель. Стоит вдохнуть воздуха побольше, как тут же начинаю захлёбываться неизвестно откуда берущейся слюной.

Мне сообщают, что уже заметили с беспилотника стрельбу на дороге, и через пять минут, максимум через десять, ко мне подъедут армейские джипы и скорая помощь, только, мол, придержи, парень, всё будет хорошо.

Можно слегка расслабиться, потому что после общения со своими мне стало заметно легче и уже не кажется, что весь мир ополчился против меня – и эта ночная пустынная дорога, на которой за каждым камнем может прятаться боевик с автоматом, и эта звенящая в ушах тишина, которой нет до тебя никакого дела, и даже все мои близкие, которые в эту трудную для меня минуту далеко и даже не подозревают, как мне плохо и тяжело одному в этом скомканном, как бумажный лист, разбитом армейском тендере...

И всё равно какая-то неясная тревога остаётся. Минуты тянутся часами, и постепенно всё в глазах начинает двоиться, голова кружится, наваливается неожиданная сонливость, но я упрямо бормочу про себя: только не расслабляйся, потерпи, пока придёт помощь, а она придёт... Но уговоры слабо помогают.

Мне начинает казаться, что я неожиданно перенёсся в какой-то странный незнакомый кинозал, в котором никого, кроме меня, нет, и во всю ширину необъятного экрана перед моими глазами разворачиваются ужасающие картины разрушения незнакомого города каким-то грозным и безумным монстром, тяжело вышагивающим по рассыпающимся зданиям и рвущимся линиям электропередач, и каждый шаг отдаётся гулкими ухающими хлопками-взрывами, к которым я уже привык. Эти шаги приближаются ко мне, и никуда от них скрыться, везде они тебя настигнут. Какой-то дурацкий Голливуд разворачивается перед глазами, чёрт бы его побрал...

Наверное, я всё-таки потерял сознание, потому что и сам не замечаю, как чьи-то сильные руки пытаются меня вытянуть через раскошенное лобовое стекло на капот, но это невозможно, потому что ноги зажаты въехавшим внутрь салона двигателем.

Когда же открываю глаза и пытаюсь направить зажатый в правой руке пистолет на того, кто меня вытаскивает, слышу встревоженный голос:

– Спокойно, солдат, это свои! Сейчас тебя вытащим, и поедешь в больницу. Потерпи немного. Знаю, больно тебе, но потерпи...

Из-за заклинившей двери доносится треск электросварки – это пытаются резать металл, но всё пока бесполезно. Уже потом, спустя некоторое время, мне расскажут, что вытаскивали меня через заднюю, менее повреждённую дверь багажника. А следом за мной – нашего погибшего командира Коби...

...И вот тогда-то, когда меня в полубессознательном состоянии перевозили в больницу, произошло самое странное, чего до сих пор объяснить не могу. Это не отпускает меня до сих пор, но поделиться ни с кем почему-то не рискую. Не потому, что меня сочтут беспочвенным фантазёром или психом, просто... ну, не знаю почему.

Во время того, как вокруг изуродованного автомобиля суетились прибывшие на помощь врачи и военные, я словно окончательно перебрался в свой опостылевший воображаемый кинотеатр. Более того, я словно покинул своё израненное и окровавленное тело и очутился по другую сторону экрана, и там уже не было ночной дороги и разбитого армейского тендера, зато рушились городские здания, горели автобусы и такси, обваливались мосты, проседал асфальт, гибли люди. Несмотря ни на что, мне почему-то очень хотелось своими глазами увидеть страшного монстра, бредущего по городу и приносящего столько горя и несчастий. Что ему нужно от нас?! Но это можно узнать, только его увидев. Так мне казалось.

Я чутко вслушивался в приближающиеся взрывы-шаги и даже пытался идти им навстречу, но... не мог. Что-то непонятное удерживало меня, мешало до конца отбросить страх и глянуть в глаза чудовищу. При этом я никак не мог понять – мне-то всё это для чего? Что это за глупая тяга к опасности? Как я вообще оказался здесь, в этом дурацком, набившем оскомину фильме катастроф? Кино – на то и кино, чтобы была какая-то интрига, игра, чтобы зритель всё время находился в напряжении. Но о каком кино может идти речь, когда кровь льётся по-настоящему?!

Что за глупости приходят мне в голову?! Почему я так жаждал оказаться в этом заэкранном действе, и теперь, оказавшись в нём, ясно понимаю, что это уже никакая не игра, а самая что ни на есть реальная жизнь. Будто трудно было догадаться! У меня вывернута и перемолота в кашу левая рука, всё ещё не извлечённая из перекошенного рулевого колеса, грудь по-прежнему продавлена мас-

сой въехавшего в неё пыльного автомобильного двигателя, правое колено вывернуто и совершенно меня не слушается, и если оно пока не болит, так это только пока...

Как я из сегодняшнего дня попал в этот жуткий фильм, в котором всего в избытке – и моих страданий, и моей боли, и моих придуманных страхов?

А шаги-взрывы становились всё отчётливей, пока мне не стало закладывать уши. Наконец, после особенно оглушительного взрыва, всё вокруг, насколько хватало взгляда, начало настоящему рассыпаться и рушиться. Я попробовал, отбросив пистолет, единственной здоровой рукой заслониться, но уже не успел: что-то со всех сторон ослепительно полыхнуло, осветило шевелящиеся руины до слепоты в глазах и сразу погасло. Вместе с наступившим мраком оборвались все звуки, и на меня тяжёлым удушающим покрывалом опустилась мёртвая тишина, от которой стало совсем невыносимо, но спокойно...

Не знаю, сколько времени длилось это состояние, но пришёл в себя я, неожиданно не ощущая ни боли, ни беспокойства, зато почему-то с самого момента пробуждения во мне оставалась странная уверенность, что всё самое страшное, что могло произойти, уже позади, и ничего плохого больше не повторится. Всё происходившее до вспышки теперь погребено в прошлом.

Я лежал с закрытыми глазами и опять не мог пошевелиться, напряжённо вслушиваясь в окружающие меня звуки. А звуков-то никаких и не было. Впервые за долгое время. Ни голосов, ни шума ветра, ни стрёкота кузнечиков из придорожной травы – ничего. Даже отдалённых раскатов, привычно доносящихся от туда, где идёт война, больше не было. И это сегодня казалось мне чем-то странным и совершенно необычным...

Потом я прислушался уже к самому себе. Лучше бы я этого не делал, потому что снова началось что-то непонятное, чему никакого объяснения не было. Внутри меня сперва едва слышно, потом всё громче и уверенней что-то загрохотало, словно гулкие басовитые взрывы, доносящиеся поначалу издалека, проснулись, пришли в движение и постепенно приблизились ко мне. И вот за какие-то считанные мгновенья эти непонятные взрывы-хлопки настигли свою главную жертву, то есть меня, и легко, словно вспарывая острыми ножами живую плоть, проникли внутрь моего тела. Теперь я ощущал взрывы уже не так, как раньше, гулким эхом раскатывающимся по притихшим окрестностям, а какими-то глухими, привольно поселившимися внутри меня новыми звуками, чувствующими себя в моём измученном теле полными хозяевами. Раньше такого не было, и даже сейчас я всё ещё не верил в то, что эти звуки существуют внутри меня, а не просто случайно померещились мне.

Тут бы позвать кого-то на помощь, но какая помощь мне нужна? Кто поверит мне? Оставалось ждать, ведь бесконечно продолжаться такое не может – или я сойду с ума, или... Нет, дальше фантазировать на эту опасную тему я не собирался.

...Вернуться бы снова в тот опостылевший кинотеатр, чтобы до конца досмотреть глупый фильм, закончить с ужасами и смертями, и увидеть что-то новое, совсем другое. Вот бы впервые за долгое время представить что-нибудь светлое и доброе, какую-то другую жизнь, которой я не жил и в которой нет ни взрывов, ни разрушений. Чтобы больше неоткуда было ждать приближающегося монстра, которого так и не сумел увидеть в тот раз, а теперь его уже больше не будет...

Наверное, я задремал, потому что звуки взрывов во мне стали тише, потом прекратились совсем, а глаз я и так не раскрывал...

– Мужчина, вам плохо? – донёсся незнакомый голос, и кто-то похлопал меня по руке. – Может, вызвать скорую помощь?

Я вздрогнул и открыл глаза. Оказывается, я сидел на скамейке недалеко от нашего подъезда и, видимо, в самом деле задремал. Уже рассвело, и край неба заметно порозовел. Передо мной стоял незнакомый парень с лохматой собакой на поводке. Видно, вывел на утреннюю прогулку своего питомца.

– Нет, спасибо, ничего не надо, – виновато пробормотал я и потёр виски. – Просто я вышел подышать свежим воздухом, присел на скамейку и задремал. А живу я здесь рядом, вон в том подъезде...

– Я знаю, – улыбнулся парень, – видел раньше. Вам точно помощь не требуется?

Отвечать я не стал, а только поднялся со скамейки и молча отправился к себе домой. По дороге неуверенно осмотрел себя. Левая рука была почти в порядке, и только несколько шрамов указывало на то, что когда-то хирурги как следует потрудились над тем, чтобы привести её в относительный порядок. На правую ногу я слегка прихрамывал, но она тоже была почти в полном порядке, если учесть, какое месиво из костей и обломков было когда-то на месте колена. Грудь, некогда раздавленная двигателем, въехавшим в автомобильный салон после удара о скалу, тоже почти не давала о себе знать, лишь оставалось лёгкое покашливание, от которого я так до сих пор и не избавился...

Что же со мной происходило этой ночью, неожиданно проведённой на уличной скамейке под дальние разрывы авиабомб, доносящиеся оттуда, где шла война?

Уже и сам, пожалуй, не восстановлю последовательность событий. Событий – реальных или вымышленных?

А где... где сейчас эти взрывы, с которых всё началось? Я прислушался – на улице стояла тишина.

Пели ранние утренние птицы, откуда-то с дороги прошеле-стели первые автомобили, из какого-то окна сверху донёлся плач проснувшегося младенца, а следом за ним – бравурные звуки утренних новостей. Никаких взрывов не доносилось. Надолго ли?

Я прислушался к себе. Во мне тоже стояла полная тишина, если это можно было так назвать. Видно, я сумел справиться... С чем? И сам не знаю, с чем, но я победил в себе эти звуки, и никто меня больше не преследовал. Так мне, по крайней мере, сейчас казалось.

Жена ещё спала, и будить её я не стал, лишь осторожно прилёг рядом и облегчённо закрыл глаза. Как хорошо, когда у тебя ничего не болит, но даже не это самое главное. Самое большое счастье, когда повсюду – и снаружи, и внутри – тишина и покой. Покой и тишина...

А что нам, скажите, ещё требуется для счастья?

20-22.05.2025

Анатолий Головков

ДОЧЬ ФЛАВИЯ

Жизнь непредсказуема.

Когда-то шли с георгинами, таща за собой дурацкие портфели.

И в первом классе писали чернилами.

Поэтому мама запасалась в Когизе тетрадями в линейку, пеналом, чернильницей-непроливайкой и перьями в коробочке под номерами. Мою первую учительницу в Невеле звали Зинаида Флавиановна.

– Ну, дети, как меня зовут?

– Зин-иван-на!

– Нет, нет!

Много лет спустя внутри лавки древностей по имени Израиль я стану думать, как Иосиф Флавий оборонял Галилею от римлян.

Дрались до последнего человека. Кстати, и на тех самых холмах, что видны нам с котом в Кармизле с балкона.

Лепестки георгин на столе учительницы. Возле классного журнала, учебников, дамской сумочки рыжего дерматина.

Скрипели перья, мама мыла раму, «хорошая родина есть у ребят».

После звонка:

– Прошу, дети, не кидайтесь тряпкой и мелом, вытрите доску! Кто сегодня дежурный? А не вытрете – вас в пионеры никогда не примут, так и знайте!

Я вытирал и писал на переменах для соседки по парте, когда никто не видел: «Рита, я тебя люблю!»

А дома мама:

– Будешь дергать девочек за косы, плохо учиться, пойдёшь в дворники! Понял?

Бабушка поправляла:

– Не-ет, не в дворники! Он пойдет свиней пасти, как его украинский дедушка в Нижней Ольховой!

Такие варежки с коврижками! Ужас!

И вот я, как бы изгнанный из школы за скудоумие, уже видел желтую листву, шуршащую под метлой. И свиней, свиней, с маленькими глазками!

– Хрю-хрю! Допрыгался, сынок? Ну, и паси нас теперь, придурок!

Но утром двадцатидвухлетняя учительница снова расхаживала между партами, мерцая очами, как еврейская царица. Она поглядывала в наши тетради и пела.

Толстая, волосаяная...

Дочь Флавия учила нас чистописанию.

Я ему учусь до сих пор.

ВСЯ КОРОЛЕВСКАЯ РАТЬ

Как и чем пахло после той войны? Какое было время на вкус?

Пахло мокрым войлоком – все время валенки сушили.

Калоши дырявые, новых не купить, мокли валенки, а мы их у печки сушили. Пахло керосином, карболкой, мочой, лежалой соломой, трухлявыми досками, гарью, кислыми щами.

Паром из-под утюга – мама отцу галифе гладила. Папиросами.

Он на колени сажал, сильно прижимал к себе. Щеку мою то щетина, то погон царапали. И всё время: не плачь, терпи, ты мужик или кто? Щека отца пахла «Тройным одеколоном», позже – «Шипром».

У ворот пекарни поджидали мы полуторку. Иной охранник пацанов жалел, из фургона буханку горячую бросал. На свой риск. Упечь могли за буханку. Мы ловили. Если мимо, вынимали из лужи, обтирали, драли, ели. После войны у меня были персональные дрын и рогатка. А до них – штык-нож со свастикой и надписью «Gott mit uns». У костерка пекли картошку, спорили. Ото ж!..

Это с ними-то, живодерами, был Бог? Да пошли в задницу! С нами Он был, иначе бы шею немцу не сломали. И каски бы их ржавые не валялись бы по нашим полям! За губную гармошку давали плитку шоколада «Красный Октябрь», а за каску – ничего.

Впервые в православный храм мы с сестрой вошли на Рождество, держась за руки, – дикие, советские, не крещеные.

Наташка обомлела и громко так в тишине говорит:

– Конфетами пахнет! Где конфетки?

– Да тише ты! Это не конфеты!

– А я говорю, конфеты!

На разгадку годы ушли. Дымок из ладанки сладкий, добрый, тревожный. Такой, что хочется сразу друг другу правду сказать. Или смотреть в небо между куполов. Сквозь золото – на голубое.

Воровали уголь с откоса, что падал из вагонов, попадешься – худо. Уголь кислятиной отдавал.

Курили с двенадцати, а то и раньше. На товарной станции мы собирали ржавые гайки. Лизнёшь её – странный вкус. Когда впервые во дворе нос расквасили, сразу вспомнил гаечки эти, – вкус и запах крови. Если по голубям, лучше гаек для рогатки не найти. Или сиди голодный.

Получали солью по заднице из дробовика: мать булавкой выковыривала. Сторож стерёг от нас жмых, корм для скота. После войны найти плитку жмыха величиной с ноутбук – удача, сыт неделю. Но какая теперь разница? И кому объяснишь, что время дробится и летает над твоей головой, как осколки астероида.

Пацаны вроде сыты, запивают чипсы пепси

А войны не прекращаются.

ПРО ПАПУ

Сколько лет было бы сегодня моему отцу – Эммануилу, сыну Берко, внуку Йонтеля, танкисту войны? Больше сотни.

Он долго был такой советский папа.

И когда Хрущев объявил, что в 1980 году будет коммунизм, отец сказал:

– Наконец-то будет рай. Всё общее. Даже машины своей не нужно. Выбрал любую и поехал куда хочешь. Вот, в Геленджик, например.

Мы с ним спорили почти всю жизнь.

Порой круто.

Вместо коммунизма он потом завел при заводе магазинчик продуктов, чего сам от себя не ожидал.

А мне говорил:

– Видишь ли, какая история – мы евреи. А евреям, на самом деле, никогда ничего с неба само не сыпалось.

Его отец, мой дедушка Берко, шутил:

– Наш-то Эмка наконец вернулся к себе!

А потом он стал аба.

Будто ветки раздвинулись, с них попадали гнилые плоды, и открылось небо.

– Слушай, давай уедем? У нас было много домов, все время переезжали. Из-за меня. Из-за чертовой службы. Но главный дом – Израиль.

Отчего я его не послушал тогда?

Может, он бы остался жив?

А теперь аба разговаривает со мной издалека.

Он всё, оказывается, знает.

И про Америку, и про Москву.

И про эти кресты карантина, которые еще качаются над нашей головой.

А я зажгу нынче субботние свечи, как стемнеет над Карми-элем.

Поставлю его фотографию с фронта.

И скажу тихонечко:

– Да будет пребывать твоя душа, отец, в обители вечной жизни вместе с душами Авраама, Ицхака и Яакова, Сары, Ривки, Рахель и Леи, и с душами других праведников и праведниц, обитающих в Ган-Эдене!

Он услышит.

КОЛОДЕЦ

Колодец рыли немцы. Они были шестой год в плену. Ходили слухи, что вот-вот их отправят домой. Поэтому немцы казались услужливы. Хоть коряво, но говорили по-русски. И под губную гармошку пели «Катюшу»: разцветалы яблоны унд гыушы.

А что? Если табак кончился или молока попросить – заговоришь хоть по-китайски. Хотя кормили немцев как своих. Каша пшённая, так с маслом, борщ – так с мясом на кости и при жирке.

Начинался колодец так. Летом, на другой день после Стратилата, пришли мужики, колодезники из Горушек. С петухом за пазухой. Выпустили петуха, стали смотреть. Петух побродил, поворчал. Мужики курили хмуро: да чтоб тебя! И вдруг замер, землю лапой заскреб: туточки вода! И по всему – не глыбоко!

Отец смеялся, поправляя гимнастерку под портупеей:

– Двадцатый век, а вы как при царе! Какой еще Стратилат?

Но рыть разрешил. Конвой курил махорку, автоматы на коленях. Мы торчали рядышком. А вдруг они сбегут? Повариха тётя Надя отвечала:

– А куды им бегти-то? Некуда больше бегти! Почитай, набегалися за войну, делов понаделали.

Мы не унимались:

– А если в райцентр убегут, дядя сержант? Ну, в Невель. Прыг в вагон – а их цап-царап! И обратно! Пушай роют!

Работали немцы аккуратно. Поднимут землю в ведре, на носилки, умнут, чтоб ни крошки не упало, отнесут в сторонку, на брезент. Отец хотел выложить стенки кирпичом. Подрядчик спорил:

– Сырость пойдет, зима-лето, повалятся! И не по-нашему это!

– А как же, Николай Савельич?

– Сруб соберем.

Тогда навезли бревен, явились плотники сруб ладить, полетели щепки осины – ароматные, сладкие. А из ямы колодезной уже кричат: «Вассер, вассер!..»

Вода пошла. Не пошла, нарвались на ключи – попёрла! Отец уже не мешал. Сладили сруб, опустили веревками. И как велел колодезник, гораздо ниже уровня воды. Закончили, отсосали насосом, пока грязь не сошла. Опустили первое ведро. Вкус этой воды как забыть? И не знаю, с чем сравнить. Причём, из стакана – не то. А вот ведро на цепи подымешь, туда мордаху опустишь, как конь. И пьешь, пьешь, пьешь! Серебро живое, мать честная!

Старухи из деревни приходили набрать свежее колодезной.

Говорили, чай из нее в самоваре – меду не надо, сам сладкий. А хворь какая, коленка болит, приложишь, к утру уляжется. А к душе приложишь – родину не забудешь.

Станет даже на чужбине беду отводить.

Вот какая осталась надежда. Да хоть такая, и слава Богу!

СТАРУШЕНЦИЯ

Когда случается проезжать мимо этого дома, я останавливаю машину и смотрю на четвертый этаж, где гипсовые ангелы подерживают балкон, а жимолость ползет по чугунной решетке. Вон мое окно, а рядом – Старушенции; нынче они закрыты стеклопакетами и жалюзи, там живут другие, иные, чужие.

А душа нашей коммуналки была распахнута настежь, и по ней гулял сквозняк мира.

Кроме нас с нею, в квартире жила семья татар-дворников. Их комнаты были уставлены горшками то ли алоэ, то ли каланхоэ, я их вечно путал.

Кухню делила стена. По одну сторону готовили, по другую – иногда ели.

Дворники требовали от соседей две вещи: чтобы мы не занимали конфорки вечером, когда матушка-дворничиха делала плов, и не шумели, когда они молились Аллаху.

Я был ветреным, взрывчатым и амбициозным, Старушенция – терпима к быту, спокойна, пряма, как Ахматова, и похожа на Ахматову в возрасте (такой же нос с горбинкой). К тому же она несла в себе какую-то тайну, которую мне, похоже, так и не суждено было разгадать.

С дворниками она общалась исключительно по поводу счетчика.

Я же с ними ругался из-за очередной уборки. Как-то, послушав эти препирания, она заметила:

– Никогда не пытайтесь спорить с чернью. Это понимали еще в Древнем Риме.

– А что же делать? – защищался я. – Дворники настучат ментам, и меня выгонят. Я же без прописки.

– Когда вас в следующий раз спросят насчет мусорного ведра или ершика для туалета, сделайте равнодушное лицо и отвечайте, как можно более неопределенно: да, да, конечно... Так вы заставите себя уважать. Давайте отрепетуируем?

– Да-да, конечно, – выпаливал я, краснея.

– Нет не так, – учила она. – Не «да-да»! И у вас чересчур гордое выражение лица. Вы пытаетесь поставить себя выше черни, она этого не прощает... Представьте, что вы корова на лугу, дорогой. При этом у вас мечтательные голубые глаза. Так что, ради всего святого, не спешите и промычите как можно радужнее: да... да... конечно...

По утрам она стояла, прижавшись спиной к стене, для осанки, и с ухмылкой наблюдала, как я жарю хлеб с ломтиками бурого сыра.

Меня выгнали из очередной редакции. А хозяева комнаты брали не только за квадратные метры. Они брали и за ангелов под балконом. И за вид на конфетную фабрику, от которой день и ночь садистски несло карамелью.

Чтобы расплатиться за жильё, приходилось день-деньской сиживать в «Союзинформкино», смотреть фильмы и писать рецензии на радио по семь рублей за штуку.

Еще отвечать на письма читателей «Юного натуралиста» или «Моделиста-конструктора».

– Уважаемая редакция, – писал какой-то мальчик. – Я купил на рынке рыбку с одним хвостом – хвостом, и другим хвостом – вместо головы. Как её кормить?

– Дорогой и далёкий друг, – серьёзно щелкал я на машинке, – лучше всего отнеси эту рыбку тому, кто тебе её продал. А если ты уже привязался к ней, постарайся как можно скорее забыть. Тебя обманули. Рыбку с двумя хвостами накормить невозможно. С пионерским приветом, внештатный сотрудник.

Одно такое безумное письмо – 20 копеек. Норма – 40 писем в день.

Но на еду всё равно не хватало. Я был хронически голоден.

Оставалась последняя надежда – на девушек.

Заслышав мои шаги по коридору, Старушенция выплывала из своей комнаты с листками, прижатыми серебряной ладонью к антикварному сердолику, и докладывала:

– Извините, сэр. Вам звонила девица, которую я запомнила по волосам цвета вороньего крыла. Ну, та, с одесской колбасой.

– Это Наташка.

– Да. И ещё одна прелестница. Помните, она приносила синюю курицу?

– Синюю? С жёлтыми ногами?

– Именно так, сэр! Я бы сказала, с пугающими жёлтыми ногами!

– Блондинка?

– Послушайте, мне всё равно. Но если вы не способны вникнуть в корни вещей, то научитесь хотя бы смотреть в корни волос. Они же крашенные!

– Мне неловко, что мои подружки доставляют вам столько хлопот.

– Ах, перестаньте, дорогой, – философски продолжала она. – Разве в этом дело? Запомните: связаться с женщиной можно за пять минут, а чтобы расстаться с ней, нужны годы.

И мы расходились по комнатам.

Я вставлял очередную закладку в машинку и стучал:

– Юный друг! Действующую модель водородной бомбы сделать невозможно, так как...

В этот момент из-за стены раздавались гаммы – моя почтенная подруга садилась за пианино.

Старушенция шагала пальцами по клавишам, как слепой по болотным кочкам, непрестанно ошибаясь, но упорно начиная вновь и вновь. У бедняжки совсем не было слуха.

Не выдержав как-то, я постучался к ней, очутившись в комнате, похожей на кубрик, уставленной книгами до потолка.

Она уступила мне место за пианино.

Я сыграл простенькую инвенцию Баха, которую помнил со времен музыкалки. Она послушала, задумалась и вдруг предложила, чтобы я научил её играть на фортепиано в обмен на уроки английского.

– Зачем мне английский? – удивился я.

– Прошу прощения? – ее брови от возмущения поползли вверх. – Ничего глупее я в жизни не слышала!

Она достала с полки яркий том.

– Читали Вулфа?

– Вирджинию Вульф?

– Нет, сударь мой, Томаса Вулфа, «Look Homeward, Angel».

Я, конечно, не читал, даже в переводе.

– К тому же, по моим наблюдениям, у вас явные разногласия с нашей советской родиной. Я думаю, что советская родина мечтает избавиться от такого, извините, сына, ничуть не меньше, чем вы от неё. За что вас выгнали с работы?

– Они прочли мою заметку и сказали, что в СССР одиночества не бывает, а я напечатался во Франции. Правда, пока ничего не получил.

– Вот видите! И как только вы пересечете границу...

Перед уроком английского она приглашала меня не на завтрак, а на breakfast, мило улыбаясь и спрашивая, не завалялся ли у меня батон. Зная об этом, я покупал хлеб на рассвете, когда она еще спала. На столе появлялись царские угощения – от камамбера до ветчины, в кофейнике пенился кофе, в кувшинчике трепетали сливки.

Мне, молодому парню, требовалось немало сил, чтобы удержаться, не сгрести всё это в тарелку и не сожрать в одну секунду. Относительное, с нынешней точки зрения, изобилие еды на ее столе объяснялось просто: дочь с мужем, дипломаты, жили в Швейцарии. Они ей почти не писали, зато аккуратно высылали чеки, и она отоваривала их в магазинах для иностранцев.

Стоило взяться за вилку или лопатку, она требовала называть продукты по-английски. Я честно пытался. Но сущий мой язык проваливался в горло вместе с ломтиком сервелата.

– Простите, я не могу, мэм!

– Лучше – мэдам. И давайте, пожалуй, начнем с простой английской благодарности «thank you». Прижмите, пожалуйста, мой друг, язык к зубам изнутри, как я вас учила.

Я послушно прижимал, не спуская глаз с красной икры, лосося и нездешнего, ноздрястого, с печальной швейцарской слезою, сыра. От голода и страха мой язык делался деревянным.

– Боже мой, – говорила она, сдавшись и намазывая на мой тост произвольный слой икры, – что это с вами?! Даже негры, если захотят, умеют сказать «thank you»! Давайте еще раз!

До выхода на пенсию она преподавала для военных. Когда утомлённые офицеры начинали дремать на её уроках, она толкала слушателя в бок и говорила певуче: майор такой-то, представьте, что ваш сосед-полковник – спящая красавица. А спящую красавицу можно разбудить только поцелуем. Так что поцелуйте полковника Сидорова и скажите, чтобы пробуждался. По-английски! Что значит, не будете? Это приказ! Иначе обоих отчислят. И майор целовал.

Через месяц я выучил английский алфавит и пару десятков фраз, а madam, к превеликому её удовольствию, одолела по нотам сонатину Моцарта для первого класса музыкальной школы.

Отныне мы не ели, а вкушали. Не гуляли, но совершали прогулки. Выходные теперь были уик-эндами. Я по-прежнему сидел без работы, и времени было достаточно, чтобы выяснить многие странные совпадения.

Её муж, американец, который приехал в Москву еще до войны, работал в закрытой конторе с радиоактивными изотопами. Она переводила. Их обоих едва не посадили за роман.

Когда она потеряла его, то больше не вышла замуж, хотя претендентов было хоть отбавляй. Говорила, что не смогла бы воссоздать мир, который построили они с Джеком.

Теперь я думаю, что многое у них было, как в фильме «Английский пациент»: и танцы под патефон вместо утренней зарядки, и секс «в час сиесты», и свечи, а иногда кальвадос из польского магазина у тёмной реки.

Она сожгла всю одежду покойного мужа, не стала вывешивать его портрет в рамке, но оставила старую шляпу с широкими техасскими полями, которую запрещала мне примерять.

– Вы можете прожить несколько жизней, но никогда не станете Джеком Уолтером. Так что и его шляпа вам ни к чему.

В честь него она разучила на пианино старое английское танго, играя его одним пальцем и напевая низким контральто:

– Someday he will return to me, but for now his heart is behind the reefs.

«Когда-нибудь он вернется ко мне, а пока его сердце за рифами».

О, да!.. Да!..

Джек умер от радиации в тот день, когда я родился. В тот же летний день, только на сорок лет раньше, родилась она. На день рождения я не осмеливался приглашать в дом гостей, мы оставались вдвоем и сначала ехали на Донское кладбище. Я помогал ей прибрать могилу, а затем она просила оставить её одну.

Она опускалась на колени перед черным лабрадором с выбитыми на нем стихами Томаса Элиота.

Каждый год в этот день она приносила мужу две белых лилии и осколок пластинки с этим английским танго.

Она разбила её на множество осколков, чтобы музыка не доставляла ей боль, говоря, что, когда осколки закончатся, она, наконец, соединится со своим Джеком.

Много позже, когда она ушла, в шкатулке ещё оставались несколько обломков.

Я разглядывал могилы графов и князей.

После ритуала она оживлялась, мы выпивали по рюмочке, совсем по-русски, закусывая соленым огурцом; сквозь пудру на её щеках проступал молодой румянец.

– Слушайте, – как-то сказала она мне, – я рассказала Джеку про вас.

– И что же он ответил, madam?

– Джек сказал, что вы не так безнадежны, как мне казалось. Он кое-что шепнул мне о вашем будущем... Только не смейте меня искушать! Я вам все равно ничего больше не скажу!

– Не сердитесь, я не посмею.

Она оглядела меня орлиным взором.

Ещё Старушенция, оказывается, попросила у Джека разрешения подарить мне пепельницу, которую он преподнёс ей на Рождество 1940 года.

Вот как?

– Когда вы курите у телефона, мой друг, вы роняете пепел на пол. Татарам это не нравится.

Бронзовая лягушка-пепельница, ручная, с одним рубиновым глазком и отломанной лапой, до сих пор стоит у меня на письменном столе.

Она перевернула мою жизнь.

Она научила меня выживать где угодно, хоть в подвале, хоть на необитаемом острове, хоть в тюрьме.

Потому что мечтала, чтобы я стал таким же, как она.

Если мир внутри тебя достаточен, учила madam, с ним никогда не будет одиноко; это то, что ты носишь с собой и что никто не в состоянии у тебя отнять.

После общения с нею держава казалась мне ещё более дикой и чужой, чем раньше. И наступил день, когда я был готов пойти в любое посольство, чтобы обратиться куда подальше.

И вдруг она сказала мне:

– Нет.

Я не понял почему. И зачем ей в таком случае было так долго вымучивать из меня английский? Она зашла к себе в комнату и вернулась со стопкой машинописных листов.

Я едва узнал свой убогий рассказец, который дал ей почитать месяц назад. Поля были испещрены карандашом, листы измяты и потрепаны.

– Вот, – сказала она по-английски, ткнув пальцем в рукопись, – вы хотели узнать, о чем я еще говорила с Джеком? Об этом. Он сказал, что лучше бы вам остаться. Если хотите, чтобы вас не просто читали, а прочли, будьте с этими людьми.

Когда хозяйева из числа этих людей все же выперли меня, и я покидал коммуналку навсегда, она вручила мне первый том Монтеня и горящую свечу в подсвечнике.

Она сказала, что второй том мне захочется достать, когда я осилю первый.

Так оно потом и произошло.

Валентина Бендерская

ИЗ КНИГИ «ВЫКРУТАСЫ ЭЙДОСА»

Мне бунтарство моё –
 что бродяге похмелье...
Разрази душу, гром,
 в семикомнатной келье!
Разрази душу, смерч,
 и раздай подаянье:
всем сестрам – по серьгам,
 а иным – покаянье!
Разорви душу, медь,
 подними всех усопших,
примилив на земле
 и «плохих», и «хороших»!
Не зови умирать
 троеперстною дланью.
Усмирив смерти рать,
 призови к покаянью.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Л.К.

Моей жизни Ренессанс!
Долго ль длится дар-зарница?
Я растратила аванс...
Вавилонская блудница
мне подругой не была –
у неё свои проблемы...
Одиночеством орла
и тропкою Мельпомены
разгребала тени зла
и залечивала раны
от бодливости «козла»
и противности дивана...
Надоедливая грусть,
мошकारа помпезной лампы,
я из прошлого вернусь
под софиты звёздной рампы.
Будет путь не одинок.
Рядом он в горенье сердца,
мой кармический пророк
с чистотой любви младенца!

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Л.К.

Пусть будет праздник в каждом дне,
подаренном судьбой!
Любовь проснётся по весне,
«накарканная» мной!
Не будет тучей вороньё
кружить в душе моей,
(я – мудрый ворон) их враньё
лишь копия теней,
оставшихся от жизни той,
где шёл бесплодный бой
меж Ржавою и Золотой,
покрывшейся золой.
Я не черна и не бела,
мне серый не к лицу!
Стряхну золу! Колокола
нас позовут к венцу!

ИЗ ЦИКЛА «НА СВИДАНИЕ К НЕРЕЮ»

1.Неизбежность

Земля легендами полна,
напичкана, как торт изюмом.
На берег вынесла волна
рывок воды. (Для рифмы: к Юму
на «гильотину»* ко всему –
желанья зрелища и хлеба.)
Змея столбов фонарных в тьму
ползёт меж складок гор и неба...
Вечерний «должный» моцион,
чтобы продлить, что «есть», (однако,
как неизбежности закон
вовне желаний рта и ока –
в завидной хронике небес),
строчу стопой, как по бумаге.
Слог будет жить со мной и без,
как магия легенд о маге.

* *Гильотина Юма* — принцип, утверждающий невозможность перехода от суждений со связкой «есть» (описательных) к суждениям со связкой «должен» (содержащих предписание) исключительно на основании логики.

2. Волны и солнце

*Написано во время прогулки с мамой по берегу моря.
Светлой памяти мамы*

Жёлтый блин уселся в блюдо
волн голодных... Улыбаясь,
без приправ, ножа и вилки
проглотили, не стесняясь,
это чудо огневое!
И остались только клочья
облаков, как неба фрески,
как вокруг большого таза –
порванные занавески...
Ненасытные такие,
день-деньской стоят на страже,
с полдня жертву пожирают,
сбросив в ночь скелет пейзажа.

Утомлённое работой
вечность лет и, как в нирвану,
утерявшее блеск за день,
солнце плюхается в ванну...
А назавтра – всё сначала:
отоспавшись, скинув лапоть,
нарисует Гор* с востока
циркулем дугу на запад,
чтобы снова повторилось
всё, что тайной свершено.
Многоликое светило,
как, когда, кем зажжено?..

**Гор – в египетской мифологии бог Неба и Солнца.*

КРУГОВОРОТ

1. Осень

Уж сентябрь на носу!
Осень потчует нас у
Огорода, как товарка.
Рдеет зубчатая арка –
Красный бор.
Суетливо на перроне.
Стало хлопотно вороне:
Ареал заметно пуст...
Водрузила чёрный бюст
На забор.

2. Зима

Уж декабрь на посту –
По ледовому мосту
Ходит взад-вперёд без толку,
В дом забрался втихомолку,
Словно вор.
Всех давно угомонил,
Хрустом снега упредил
Пуск мороза-президента –
Опоясывает лента
Даже сор...

3. Весна

Расчищает полосу
Март для взлёта... На весу –
С виду дудочки-бурульки –
Рассопливились сосульки
В соль минор...
Так расплакались, как дети!
О неведомом им лете,
О Купаве, Берендее,
Леле пламенном их греет
Разговор.

4. Лето

Червень бьёт в колокола!
Ни двора и ни кола
У «находчивой» кукушки, –
А работают пичужки
На прожор...
Босоногая Ассоль
Напевает: «Ре-си-соль...»
Алый парус ожиданья
Наполняет ветр желанья
Из-за гор.

5. Круговорот

Внеземной круговорот
Не завязнет у ворот,
Не буксует на подъёме,
Не торчит в дверном проёме,
Не сидит у магазина,
Не завалится в трясину
И не дремлет, как Трезор...
Кру́гомзор!

АРАБ ЗА ШТУРВАЛОМ, ИЛИ АПОКАЛИПСИС

Над миром пустыня висит покрывалом –
Куда – Ганнибалам?!
Куда – каннибалам?!
Араб – за штурвалом!
Араб за штурвалом!

Седьмой век, тараном пробив двадцать первый,
Наш мозг обнажил – как мосты, взорвав нервы,
Какие там тушки, какие там пушки,
Цивилизации полчерепушки –
Как будто бы и отродясь не бывало! –
Араб – за штурвалом!
Араб за штурвалом!

Полёт камикадзе с улыбкой кадавра –
Оскал птеродактиля! Рёв динозавра!
Все наши дела, словно чёрные охи,
Моторы ревут нам – из юрской эпохи!
Ой, нет – это будущей бездны всей зов,
Из всех – из затерянных – в Мире – миров,
Как наша эпоха попятилась вспять –
Пером птеродактиля надо писать!

Пробив, словно шершень-таран, Интернет,
В падучем полёте – пилот Магомет,
Прорвав всех цивильных миров паутину,
И мордой их ткнул, как щенят, в свою глину!

Вплотную придвинулся жёлтый Восток,
Над миром подъемля тяжёлый песок.
Араб – за штурвалом! Араб за штурвалом!
Над миром пустыня висит покрывалом –
Скалы нависли, как будто надгробья,
И все каннибалы глядят исподлобья!

НАШ БОЙ

Я тебя отвоюю...

М.Цветаева

Отвой, не отвоюй – так будет лучше,
Для нас быть вместе, видно, не судьба,
И на двоих один удар получен –
Двойной удар, и кончилась борьба,
Словно Война Столетняя меж нами,
Её пожар ушёл за дальний край,
И пала ты –
Кометой,
Сбросив пламя,
И я на меч пал, будто самурай!
О, я свершил двойное харакири,
Убив обоих, жизни не щадя...
Но бой гремит, словно «Полёт Валькирий»,
Небесный бой гремит, не уходя!
И бой земной между женой и мужем –
Средь коммуналки: бытовой, ничьей –
Кружит меж ними, как незримый ужас,
Пустая пасть – давно пустых ночей!
Ты в даль ушла – огнём ночей спалённых,
И я затих, на меч слепой осев...
О, тёмный бой, где войск нет побеждённых
И победителей... Ведь проиграли все!
Отвой – не отвоюй, так будет лучше,
В том не твоя и не моя вина,
Удар смертельный – на двоих-получен,
Но – словно жизнь – опять встаёт Война!

НЕБЕСА БЕЗ ЗЕМЛИ

Валентине Бендерской

Когда земные пути он отринул,
Пошла любовь земная на распыл,
И лишь тогда Иисус обнял Марию
Как Мать Небесную! Земную он забыл!
И в первый раз тогда перекрестился
Не человек, а – запредельный Бог,
И от всего земного отрестился,
Но этого постичь ещё не мог!

И всё-таки чего-то не хватало,
Что смутно помнилось в остуженной крови,
И корчился, когда его ломало,
Как Сын Небесный – без – земной любви!
И чувствуя, что с плотью распрощался
И вновь его в пустыню увели,
Как за одежды призраков, хватался
За облака – пустые без Земли!
И сам не знал, куда от стужи деться
Со всею властью призрачной своей,
И у огня Земли не мог согреться –
Чем ближе к небесам, тем холодней!

КАМЕННЫЙ БОЛВАН

Застыну – болваном – на Каме
И, выйдя из каменных рек,
Я буду тяжёл, словно камень,
Держа в душе каменный век!
Не буду я камень за пазухой
Таить для друзей и врагов,
А выйду в Великую Засуху
Из каменных – вод берегов!
Водою живою – не каменной
Из каменной выйду души...
И сядет, расслабься, у каменки
Из камня восставший мужик!
Отступит, как дрёма, дремучий,
Заспавший меня, тёмный лес,
И – выгнувшись – встанет могучий
Язык, словно вал – из словес!
И камень гремучий забьётся,
Как будто оживший прибой,
И – валом девятым – пройдёт,ся,
Меня унося за собой!
И встанет – живой и распаренный,
Оживший во мне человек,
И сбросит легонько за каменку
С души своей каменный век!

НАРОД-ПОЭТ, ИЛИ РУССКИЙ НЮРНБЕРГ

Памяти убиенных поэтов

В веках он – побеждённый победитель,
Вы с ним смогли расправиться легко,
Но, встав из тьмы как грозный обвинитель,
Он победителей гнал очень далеко!
И – с ним все побеждённые вставали
И гнали победителей своих,
И рушились чудовища из стали
И прогибались от атак стальных!
И пригибались, вставши на колени,
Покуда все они не полегли, –
Страшней нет силы в нашем измерении,
Чем сила тех, кто встал из-под земли!
И никакие не спасут советы
Лукавые, – хоть век пройдёт, хоть год, –
Когда восстанут мёртвые поэты.
Зарыть поэта – что зарыть народ!
И никакие не спасут заборы,
Одна дорога будет: на тот Свет,
Когда вам зачитает приговоры,
Восставший супротив Народ-Поэт!
Нет – никого закапывать не надо,
Живите вы, как жили до сих пор,
Но вас раздавит ледяная Громада,
Моральный Нюрнберг, словно приговор!
Но опускается железная завеса!
Как занавес железный – облака...
И Нюрнбергского русского процесса
В России не предвидится пока!
Но никакая не спасёт завеса,
Громоподобная нависла тишина,
И силища подспудного процесса –
Ста Нюрнбергам по мощности равна!
И в нюрнбергские глядя все скрижали,
Я вижу: вы подлее тех – других,
Чужих убивцы эти убивали,
А вы намного больше... И своих!
Но ангел смерти прошуршал крылатый,
И начался уже Времён отсчёт...
И Русский Нюрнберг – Атомный Реактор,
Как сто Чернобылей, когда-нибудь рванёт!

К ДНЮ ИЕРУСАЛИМА

Пустыни летние приметы
легко читаемы: в четыре
часа дремоты пред рассветом,
как пули всаживают в тире,
свой щебет партизаны птичьи,
предвосхищая муэдзина.
Приблизилась верблюжья пища
к дорогам, там пары бензина
с водою смешаны – источник
растительной невнятной свары.
Скользит змея по жёсткой почве,
лыжню не уступая твари
любой, даманы ей припёки
сдают для рекогносцировки.
Невысоко зависший сокол,
вернее, пустельга, полёвку
полюет, трепеща крылами.
Зной над скалой монументален.
Пейзаж читается орлами,
как двухходовка, моментально,
где жертвой горлица. По склону
овец уводят в тень номады.
Три запоздалых анемона
горят у каменной ограды.

ПЕВИЦА

Певике родина чахотка, а завтра ропот пирамид,
а послезавтра – нож и лодка, и простодушный инвалид.
и просто душный вечер Юга, причал, речная шелупонь,
мужская длань – крючок испуга, где рыбкой женская ладонь...
Поёт murzunka, ходит ровней ничем не сдавленная грудь
в печи плечей, боков жаровне, столь пламенной, что не заснуть
всем нам, не вышедшим из рабства любовной тяги на заре...
Вдруг расширяется пространство, и больше дней в календа-
ре.
И больше звуков. Да, нам страшно, что ими предан алфавит
обманом, а певича с башни любви расстрелянной летит.
Пой, груда сладостного мяса, не сдерживай желанья стон
под сизый клёкот контрабаса, с которым борется тромбон;
к ним рвётся саксофона, петёл, готовый всех склевать живьём!
И слишком много лишних петель на платье шёлковом твоём.

* * *

В буддийской своей ипостаси пикирует мощный орел
на мышь анимизма сырую,
на вуду запруду,
нору барсучью спиритуализма.
Пока обезьян индуистских он ловит когтистой рукой,
гнездо его топчет суннитов довольный собою верблюд,
плюя на шиитскую суку.
Спешит носорог лютеранский,
баптистский гребет бегемот,
на стяг ватиканского дыма,
но там уже мамонт-понтифик застыл,
чтоб ступней придавить.
Индюк православный лопочет да плевел безверья клюёт,
агностиков целый термитник,
над ним пантеизм-панголин,
им побоку пава бахайства.
Лишь сторож с лицом Моисея сидит у железной калитки,
взымая умеренный грошик за входы на аттракционы –
там пони-кентавры по мифу катают, круги нарежая,
малютку по имени Кто-то,
ещё неизвестного массам,
держашего кнут на отлёте,
на лысине нимб набекрень,
в зелёного цвета рубахе,
зачесана чёлка на лоб,
усы бороной и погоны,
и в пене морской сапоги.

ОГОЛЁННАЯ МЕТАФОРА

В ночи летали самолёты из дома света к дому тьмы
со звуком каторжной работы – душить далёкие холмы.
И отзывались им профанно катящиеся валуны
в ущельях снов Левиафана с катушек сорванной страны.
А ты вдоль тела извивалась, как танков слитная волна,
которым оставалась малость –
наотмашь выстрелить спяна.
Потом пошли парашютисты ссыпаться в вязнувший восход,
чтоб целовать твой лоб
пречистый, жар бёдер и подмышек пот.
Чтоб руки утренней погоды горячей, юной, средь огней
искали минные проходы в одежде спутанной твоей.

1903 ГОД. НАБЕРЕЖНАЯ БУКИНИСТОВ

Парижа бабье лепетанье,
Quai Malaquais – губа одна,
другая – облаков зиянье,
и в них спешащая весна.
Ещё извозчики в почёте,
но выбегает на ловца
автомобиль, чей крутит счётчик
не мили, жизнь по месяцам.
Из верхнего окна гостиниц
смерть – муха на стекле, он в шпиль
её нечаянный гостинец
одним движеньем превратил.
«Спасибо Эйфелю за башню,
как гильотиной яркость дня
срезает, тело – день вчерашний,
а завтрашний, уж без меня –
вот голова. Иродиада
целует мертвые уста.
И знает воздуха громада:
где пустота – там красота!
К примеру, буруны и блики
вдоль Сены, в них пропавший мост –
архангельской массовки крики
Творцу при виде бездны звёзд».

ПОЁТ НА ВЕТКАХ ВСЯК, КТО МОЖЕТ...

Поёт на ветках всяк, кто может, от воробья до маляра,
который кистью день тревожит уже из третьего ведра:
кармин был в первом, а второе полно безудержных белил
побудки, в третье, голубое, он синьки чуточку налил.
Я знаю: он домажет жёлтым, затем серебряным, потом
сиреневым, в тени растёртым
и сизо-серым под дымком.

Потом в воде расплавит уголь,
наложит на певцов печать,
и целый день поставит в угол,
чтоб завтра сызнава начать.
А ты, художник, ты, писатель,
под сенью девушек в цвету
макаешь свой заштатный шпатель
весь век в зелёную тоску!

* * *

Выходишь из сна, до того мвтерьяльного,
что тень или две увязались с тобой
из области вымысла в город реального
желанья, в квартиру, в кровать, под ладонь,
в надежде смутить.

Потому-то бессонница

куда как солидней.

Начнёт есаул –

сквозняк олеандров тяжёлую конницу
пускать в третьей страже в военный разгул –
их только держи,

забросают окрестности
червонным и белым,

как будто сошлись
во встречном бою и, дрожа в неизвестности,
бойцы с двух сторон держат шашки «подвысь».

Но нынче не битва –

видение-каторга,
без сил продираясь, по голому льду
дремоты, как если бы Нерчь или Ладога
держали за ноги на полном ходу.

Шагнул,

провалился,
нет, накося-выкуси,
прорвался в рассветной весны благодать,
и солнце,

как буйный телёнок на выпасе,
пустилось ко мне, норовя забодать.

Персоны из сна даже и не взморщили,
не смяли просторы простынь,

без затей
распались, просыпав табак с матерщиною
в пространство катрена, гипербол постель,
ушли Перекопом назад в степь фантазии.

Мне ж здесь оставаться в плену и раю

светила, что к крайнему морю из Азии
пошло-покатилось на гибель свою.

Нам света рассудок,

вам сумерек вычурность,
граница меж ними прозрачней слюды...
Любовно на кафельной плитке луч вычернил
ушельцев следы.

ЕВРЕЙСКИЕ МОТИВЫ

ХОЛМ ПРОРОКА ИОНЫ

*Маяк, чья башня привлекает взор,
стоит в Ашдоде на холме Ионы.
Пророк библейский этот чтит законы
и Богу не пошёл наперекор.
Уж в чём он провинился там, Бог весть,
но плавал как-то в Средиземном море,
а было там тогда китов не счесть,
и вот один из них его – о горе! –
вобрал живьём в свой ненасытный рот
и проглотил со всеми потрохами,
Бог повелел – пришёл его черёд
со всеми непомерными грехами.
С Ионой в брюхе плавал кит три дня,
три дня по морю плавал и три ночи,
и тут пророк взмолился: «Нету мочи!
Прошу, о Боже, вызволи меня!» –
«Три дня с тебя довольно», – молвил Бог.
Кит молча внял заветному посланью,
к тому же, он желудком занемог.
Пророк, конечно, рад был расставанью
с китом. А тот к Ашдодским берегам
подплыл, свет маяка узрев до срока
(маяк с древнейших пор, хвала богам,
был ночью с моря виден издалёка).
Кит пасть раскрыл, икнул, и вмиг пророк,
волной игривой выброшен на берег,
поняв, что жив и осознав урок,
покаялся быть покорным – без истерик,
ученье чтить и верить: Бог един,
жесток, но справедлив всегда и всюду,
покаялся мясо класть в одну посуду,
а молоко – в другую, лишь кретин
не верит в заповедь с горы Синай.
Давно иные времена настали,
и на холме другой маяк, но знай,
о чём бы ветры с моря ни шептали,
с холма приятно на море смотреть
и вспомнить про кита и про Иону,
и если в сказке правды хоть на треть,
не то чтоб чтить, но понимать законы.*

КЕЙСАРИЯ

*Никчемными обломками латыни**
Кейсария передо мной предстала:
здесь амфитеатр, там ипподром и термы, –
сам Понтий, прокуратор Иудеи,
суд совершив – и правый и неправый, –
ладони омывал перед народом
и отдыхал, усладам предаваясь
в провинции, от Рима удалённой.
Сейчас в глухой провинции у моря
лишь местные патриции, элита
живут, им тут уютно и удобно,
тут тишина, всё скрыто за забором:
и дом с верандой и бассейном, дворик
с английской зеленеющей лужайкой...
Я там бывал, но мне неинтересно,
как отдыхают местные вельможи
и прочие народные трибуны.
Гораздо больше интересна гавань,
где по приказу Ирода впервые
сооружён был порт – искусственный! –
с причалом, доком, маяком и верфью.
Да, именно отсюда в Рим отправил
Веспасиан святыни Второго Храма
и всё для возведения Колизея –
рабов-евреев, серебро и золото.
А рядом вижу древний акведук,
сработанный ещё рабами Рима,
там пляж – не для патрициев, для плебса...
Кейсария. Не раз среди развалин,
под ногами я находил обломки,
черепки исчезнувшей культуры
и понимал: окончен век Веспасиана.

** Строка из стихотворения цикла «Галльские пейзажи» В. Бетаки.*

* * *

За окнами вороний грай.
Он мне напомнил почему-то
Ту благодатную минуту
И клинья журавлиных стай
В вечернем небе над Афулой.
Пересекая небосвод,
Узрев вдали мерцанье вод,
Их вёл вожак в долину Хулы...

СУДНЫЙ ДЕНЬ

*Безоблачная ночь торжественно пуста** –
ни шёпота, ни шороха, ни звука,
но где-то рядом грусть-печаль, да маета,
уныние, тревога и долука.

И не спасает от полуночной тоски
ни россыпь звёзд в безлунном поднебесье,
ни цепкой памяти холодные тиски, –
и хочется кричать в пространство: «Здесь я!»

Кричу – и слышу тишину в ответ,
молчат дома, квартиры, телефоны,
беззвучен дальних звёзд холодный свет,
и не спешат немые почтальоны, –
к чему спешить, нет слов для телеграмм,
а писем уж давно никто не пишет,
молчит спасённый Моисей, молчит Мирьям,
и даже кошка спит и не мурлычет...

Вчера так было, точно так, точь-в-точь,
и я не слышал грохота снарядов, –
был Судный день, торжественная ночь
и свет надежд от звёздных циферблатов.

* Строка из «Ночного сонета сумасшедшей зимы» В. Бетакки.

ПРОРОК МОИСЕЙ

*Словами между букв, пером не на бумаге** –
Ногами на песке печатал старец след.
Подует ветерок – следов в помине нет,
Корявый саксаул, мечтающий о влаге,
Быть может, век спустя припомнит о бедняге,
Упорно шедшем вдаль, и груз минувших лет
Клонил его к земле, за ним тянулись вслед,
Устав от маеты, такие же бродяги.
Несли Ковчег, а в нём Заветные скрижали,
На них Бог начертал Гимн скорби и печали,
И путь им указал, и потянулись дни,
Года, десятки лет, безжалостное солнце,
И зуд, и мор, и глад, и сушь на дне колодца,
И голос с высоты: «Народ объедини!»

* Строка из сонета «Гюи де Мопассан» Игоря Северянина.

ГЕНИСАРЕТ

*Как смоква на холмах Генисарета**
измученным в пути даёт приют,
так нищего от голода спасут
плоток вина и мелкая монета.
Бродил и я когда-то в той долине,
и под палящим солнцем в жаркий день
давала смоква мне приют и тень, –
нет! здесь не так, как в северной былине,
здесь воздух густ, как вересковый мёд,
и сладок, словно свежий плод инжира, –
о Боже, ну какой же ты транжира,
устроив комариный край болот
близ озера, у входа в рай земной,
где прут сухой, концом попавший в землю,
дня через два – пускай через неделю –
воспрянет малахитовой листвою.

Давно здесь нет болот – в Генисарете,
забыта малярия, в летний зной
под смоквой притаился водяной, –
как прежде, он за озеро в ответе,
но любит отдохнуть в тени деревьев,
и я ему компанию составляю –
давно отвык я шляться по Версалью,
и здесь никто не крикнет вслед: «Пся крев!»

Здесь Иисус ходил по глади вод,
за озером – Голанские высоты,
не раз там был, какие там красоты,
какой-то небывалый небосвод,
и звёзды в тех местах – как на ладони, –
и что с того, что я из дальних мест,
перед тобою, о, Генисарет,
склоняюсь пред тобой в земном поклоне.

* Строка из стихотворения И. Бродского «Ну, время песен о любви...»

МАМА – ПЕРВОЕ СЛОВО В ЖИЗНИ

1.

Воля небесная? Воля земная? Или скрытая воля войны? 22 июня 2016 года, в день 75-летия начала войны с фашистами, мою маму Риву доставили на скорой помощи в ашкелонскую больницу «Барзелей». Диагноз: воспаление легких. Может быть, услышав об этом диагнозе, она подумала, что в 1944 году, когда семья была в эвакуации на Урале, от воспаления легких умерла ее новорожденная дочка Эммочка. Может быть, она подумала об этом. А потом... Я с сестрой Сильвой были последними, кто застал ее еще живой. Она умерла 23 июня в 18.40.

*Слепые ведут слепых путями слепой надежды.
Им светит слепая звезда своим ослепленная светом.
Но сколько в пути не плутай, окажешься в небе нездешнем –
наедине с душой своей, дыханием Божиим согретой.
Живые ведут живых по детству – любовью и лаской.
Потом, через годы взросленья – напутствием и соучастьем.
Но вдруг обрывается жизнь на самом разгоне в прекрасный,
в такой предсказуемый мир, чарующий вечностью счастья.
О, Господи! Предвосхити летопись жизни и смерти.
О, Господи! Пощади! Избавь нас от этого знания.
Часы живых, прошу, с часами мертвых сверьте.
И вслушайтесь, и вслушайтесь в их слитное звучанье.*

Что ж, остается вслушиваться. И вглядываться. А сверяя часы живых с часами мертвых, волей-неволей вернешься в то время, когда никто не думал о скоротечности жизни, и вольно чувствовал себя в настоящем, не догадываясь, что оно стремительно превращается в прошлое.

А вот и оно, прошлое. У мамы день рождения. И я за праздничным столом, с бутылкой шампанского и непременно фаршированной рыбой – фирменным блюдом моей мамы – читаю только что сочиненные стихи.

*Мама, вот и сорок восемь.
Годы возраст теребят.
В бабье лето, а не в осень,
Время кинуло тебя.*

Эти стихи я написал в Риге. 4 декабря 1966 года. А впереди у мамы была целая жизнь, в полста лет, без всякого намека на осень. Какая осень, когда разразилась Шестидневная война и каждая еврейская семья внезапно «заразилась» Израилем?

Какая осень, если старшая дочка Сильва с мужем и детьми подала документы на выезд на историческую родину?

Какая осень, когда и она сама, моя мама Рива, дождавшись выхода на пенсию мужа, тоже устремилась в Израиль. Причем, раньше своих сыновей, хотя, как известно, капитан последним покидает тонущий корабль. Отчего же такая метаморфоза? Да все очень просто... Разумеется, для тех, кто помнит, что в семидесятых годах выезд в Израиль разрешался только по прямому родству. Вот и мама с папой сумели выехать в Израиль, потому что вызов им прислала родная дочка. Мне же и брату Боре выехать по вызову сестры Сильвы советская власть не разрешала. Посему мама специально выехала раньше, чтобы не подрывать государственные интересы страны, в которой родилась, выросла, получила медицинское образование и носила передачи своему папе в одесский ДОПР, пока его не отправили из тюремной камеры в лагерь. А затем война. Эвакуация. Работа в две смены на авиационном заводе №245 в Чкалове (Оренбурге) на Урале. Холод и голод. Направление на лесоповал, куда по логике убойного времени решено было отправить работающих на заводе женщин. Но не отправили. Женщины сообразили, чем для них может закончиться работа в лесу и житье в бараках под присмотром бригадиров-уголовников, разумеется, не женского пола, и разом забеременели. Все. Оттого я вырос в заводском доме, уже в Риге, куда передислоцировали после войны наше предприятие. Рос в окружении сверстников, рожденных, как на подбор, в 1945 году, и думал: скорей бы на работу. В 15 лет меня взяли на работу в бригаду жестянщиков моего папы, в которой во время войны и позже работала моя мама. Так что я каким-то образом сменил ее на трудовом посту. И вкалывал-вкалывал, как требовало время, с опережением графика пятилетки, попутно став чемпионом Латвии по боксу и поступив в институт, откуда ушел в армию, чтобы по возвращению, соскучившись по маме, написать:

Мама, вот и сорок восемь.

Годы возраст теребят.

В бабье лето, а не в осень,

Время кинуло тебя.

– Зачем про бабье лето? – смеялась мама. – Мне больше по нраву весна. Пиши про нее.

– Какая же у тебя была весна? Как мне знать? Я ведь еще не родился.

– А ты пиши. И – увидишь – напишется.

Как бы это ни звучало парадоксально, но она была права. Написалось. И не потому, что я расспрашивал ее, папу, бабушку. Просто-напросто, все это носилось в воздухе, слышалось раз за разом в семейных разговорах и впитывалось-впитывалось, пока не вылилось на бумагу

Что же получилось?

А вот обратимся в прошлое и посмотрим.

В незапамятном году, когда юная Рива Вербовская закончила Одесский медицинский техникум и обзавелась дипломом, к ней на прием в поликлинику пришел за уколом знаменитый баянист Арон Гаммер, играющий на концертах и танцах в парке Шевченко. Укол был настолько удачным, что Арон Гаммер пригласил Риву Вербовскую в ЗАГС. И что? Она таки согласилась. А почему бы и впрямь не расписаться, если любовь, как поет Утесов, «нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждут».

Любовь нагрянула, они расписались, и Арон Гаммер стал не только музицировать в парке Шевченко, но и петь куплеты собственного изготовления:

*В понедельник я влюбился,
Вторник я страдал.
В среду с нею объяснился,
А в четверг ответа ждал.
В пятницу пришло решение,
А в субботу разрешение.
В воскресенье свадьбу я сыграл.*

Свадьба пела и плясала, как это принято в Одессе. В том же доме на улице Средней, где когда-то мама Ривы Вербовской выходила замуж за ее папу – Ида Гинзбург за Аврума Вербовского, героя и инвалида Первой мировой войны. На той свадьбе 1917 года, проходившей под аккомпанемент залпов «Авроры», гулял король Молдаванки Мишка Япончик. На свадьбе Ривы, теперь уже Гаммер, гуляли другие звезды одесского неба, больше имеющие отношение к искусству, чем к налетам. На столе было не так, чтобы очень. Но и не так, чтобы ничего. И картошечка, и селедочка, и выпить, и добавить под «горько». И... И надежды, что юношей питают. Одна из таких питательных надежд квартировала в Москве, где на студии грамзаписи предполагали издать пластинку фрейхехсов Арона Гаммера. Вторая, подобно бессонной кошке, гуляла по оцинкованной крыше Первого Артиллерийского училища. Почему? Эта загадка легко разрешима, если прикинуть, как Арон Гаммер, представляясь гостям со стороны невесты, говорил:

– Я закончил Первое Одесское артиллерийское училище.

– О! – отвечали гости на доступном разумению языке восхищения и искали на отвороте пиджака Арона петлицы, а в них лейтенантские кубари. Искали чего-то хорошего, как это принято в Одессе, и не находили, что тоже присуще городу Соньки Золотой Ручки. Бедные на воображение, они не догадывались, что Арон, известный для них в качестве музыканта-исполнителя и сочинителя доступных пониманию на Средней улице стихов, был заодно и потомственным жестянщиком – сыном великого мастера

кровельных работ Фроима Гаммера. Вот в качестве кровельщика и закончил он военное училище, то бишь, в переводе с одесского на русский, закончил крыть крышу военного училища, за что и получил, помимо премиальных, и похвальную грамоту от армейского комиссара 1-го ранга Яна Борисовича Гамарника (настоящее имя-отчество – Яков Пудикович).

Сильва родилась, как это принято в Одессе, через девять месяцев после свадьбы. Подсчитать это легко на пальцах. Ходили в ЗАГС 1 августа 1937 года, а в родилку – 13 мая 1938-го. Радости было много, света прибавилось и воды в Черном море тоже. Бывалые одесситы говорят: для того, чтобы ребенок рос сытым и здоровым, горшочек из-под него с первыми писями надо опрокидывать в заветные воды, на коих некогда, согласно поверью, качался Ноев ковчег. И опрокидывали – не ленились.

Так что Сильвочка росла не по дням, а по часам, словно предчувствуя, что вскоре разразится война, которая не даст ей, кроме голода и холода, никаких достойных приобретений.

Бомбёжки. Одесса на колесах. Эвакуация. Бесконечные перегоны. Южный Урал. В первый класс Сильвочка пошла в Чкалове, так назывался в ту пору Оренбург – родина «Капитанской дочки» А.С. Пушкина. Портфель ее разбухал от пятерок, переполнявших тетради по чистописанию, и мама Рива смотрела на малюсенькую дочку с удовольствием, полагая, что Сильвочка тоже поступит в медицинский техникум и станет дипломированной медсестрой, а то и врачом. Лично ей, по вине обстоятельств, пришлось отказаться от продвижения по медицинской стезе. Война шла не только на фронте, но и в тылу, и для разгрома врага страна потребовала переквалифицироваться из медсестер в жестянщики, что Рива Гаммер и успешно сделала. Благо под боком – в прямом и переносном смысле – находился ее муж Арон Гаммер. В данный исторический момент он возглавлял бригаду жестянщиков, которая вкалывала в три смены на 245-м авиационном заводе, изготавливая подогревы для бомбардировщиков дальнего следования, утюживших крыши Берлина. Подогревы были личным изобретением Арона Гаммера, и это радовало Риву, так как мужу полагался в заводской столовой «стахановский суп», где «крупинка крупинку догоняла, не давая сдохнуть с голода».

Арон Гаммер ел, давась, а его бригада из Ривы Гаммер и ее младшей сестры Бебы Гросман окунали на пробу свою ложку в «стахановский суп» и слизывали с нее неиспарившиеся калории. Словом, набирались сил для трудовых рекордов. И что? Думаете, не ставили их? Ставили, и еще как, выполняя чуть не ли не на триста процентов производственные нормы.

Рива при этом успела и забеременеть. Раз, потом второй раз.

Сначала она родила Эммочку. Но Эммочка, так и не дождавшись, когда ее отлучат от груди, чтобы жить впроголодь на «хлебных карточках», умерла от воспаления лёгких.

И тем самым выправила для меня вакансию. Я не задержался – и появился на свет в ночь начала штурма Берлина – 16 апреля 1945 года, ровно в 4.00, когда вспыхнула хорошая сотня прожекторов и началась атака, в ритме которой я и живу до сих пор.

Самое удивительное со мной было в том, что я не плакал. Родился без плача, и дальше – все первые дни не подавал ни звука. Наверное, ждал, чем закончится битва за Берлин. Мама Рива бегала по врачам, спрашивала:

– Что же будет? Он ни слова не говорит ни на каком языке. Будто не из Одессы.

– Мы тут все не из Одессы, – отвечали врачи.

– Но вы ведь говорите, – донимала их мама.

– Говорим, потому что вы нас спрашиваете.

Мама поняла и спросила меня:

– Фимочка! Ты уже будешь один раз говорить?

Я сказал:

– Угу! – и с тех пор рот не затыкаю.

Мама была счастлива: Фимочка говорит! Папа был счастлив: Фимочка говорит еще нечленораздельно, никто его слов не извратит и не напишет донос. Дедушка Аврум, папа моей мамы Ривы, был тоже счастлив: ему было теперь с кем поговорить по душам.

Только что его, инвалида Первой мировой войны, попросившегося добровольцем на фронт, освободили из ГУЛАГа, куда он попал, как и многие, ничего преступного не совершив – просто по оговору.

В лагере, когда он ковал Победу подручными средствами – пилой и топором, уголовники обрушили на него подрубленное дерево, сломали ногу, и теперь он едва ковылял. Но все же был рад: ковылял ведь на свободе, а не за колючей проволокой. И охотно вышел бы на парад Победы, если бы его пригласили.

Но дедушку на парад не пригласили, вместо этого его направили вохровцем на охрану 245-го авиационного завода, в слесарном цеху которого работала вся наша семья. И он вместе со всеми нами, под расписку о неразглашении тайны о передислокации военных предприятий, отбыл в Ригу, где 245-й авиационный завод был переименован в 85-й ГВФ и разместился в корпусах бывшего винноводочного предприятия, адрес: ул. Анри Барбюса, 9.

Здесь, в районе концлагеря Саласпилс и на товарной станции Ошкарны, прибывшие с Урала рабочие разбирали штабеля дров, с вмерзшими между бревен трупами людей, тех, кого фашисты не успели сжечь перед бегством из Риги. Здесь, в большой нашей одесской семье, уже имевшей в моем лице урожденного уральца с голубыми, как небо Оренбурга, глазами, появился и первый рижанин. Им, к собственному недоумению, оказался Леня Гросман, весь из себя чернявый, как смуглянка-молдаванка, которому пристало появиться на свет скорей у самого Черного моря.

Очевидно, в память о Черном море его и сотворили на берегах Балтийского. Мы с ним представляли разительную пару: я блондин, он брюнет, мои глаза – пронзительно голубые, его – отборный чернослив. Не похожи, но братья – не разлей-вода. Куда я, туда он. Я был старше Лени на один год, но когда пошел в первый класс, он – шести лет отроду – увязался за мной. И что? Таки да, тоже поступил в 67-ю мужскую семилетнюю школу и сидел со мной на одной парте, не отлучаясь. Впрочем, эта привязанность объяснима. Он мне не только по родству двоюродный брат, он мне и брат молочный. Ленина мама Беба Гросман умерла в Риге в феврале 1947 года, и моя мама Рива, ее старшая сестра, отлучив уральского молодца от груди, выкормила рижского младенца своим одесским молоком, чтобы он был здоровым.

А выкормив, стала следить, чтобы в учебе он не отступал от меня. Он и не отступал. Учился, учился и выучился в инженеры. У нас все выучились. Причем стахановскими методами, досрочно. Я, допустим, на один год раньше положенного срока закончил Латвийский государственный университет, отделение журналистики, установив своеобразный рекорд нашего высшего учебного заведения: за один день однажды сдал восемь экзаменов и зачетов. Вы спросите: к чему такая спешка? Отвечу: в моих ушах с первого класса стояли мамины слова: «Пока ты донесёшь до меня свою пятерку, я уже умру от ожидания».

Теперь понятно, почему я спешил? Я не мог с самого раннего детства допустить, чтобы моя мама умерла. Такого просто никогда не могло произойти. А теперь представьте себе: я заболел скарлатиной. Эта неприятность произошла в неполных пять лет, когда ребенок практически безоружен для великовозрастных пациентов, с кем его поместили лежать в одной палате.

Воспитанники улиц и прочих закоулков бросались на меня с криками, что я другого рода-племени, и мне приходилось героически отбиваться от их численного преимущества, кусаясь и царапаясь, наподобие кипплинговского звереныша Маугли.

Исходя из этого, мое лечение шло с переменным успехом, прибавляя к высокой температуре многочисленные синяки и ушибы. Но тут младший братик Боря, следуя примеру Лени, который захворал, собираясь ко мне на выручку, тоже подхватил скарлатину. В результате мама Рива, настойчиво демонстрируя докторам-специалистам болезни грудного Бори и четырехлетнего Лени, добилась разрешения лечь ко мне в больницу. И тем самым закрыла амбразуру хулиганского дзота, проделанную драчливыми кулаками мелких антисемитов.

При зачислении в больницу активную помощь маме оказала моя старшая сестра Сильва.

Она тоже успешно затемпературила, но настолько странным образом, что ее исцеление могло произойти только под музыку. Такой диагноз поставили лечащие врачи. Почему? Никто этого не знает. Но догадаться легко.

Когда белые халаты проведали, что Сильва – аккорденистка виртуозного мастерства, владеющая маленьким «Хоннером», как своими пальцами, то быстро смекнули: на носу новогодние праздники, и без столь выгодного больного, умеющего создать настроение, их прочие пациенты помрут от скуки, если их не доконают другие заразные болезни.

Сильву вместе с аккордеоном зачислили на койку в общую для пополняющейся семьи палату, где, в ожидании ее репетиций, держали под мышкой градусники Боря и Леня.

Как тут не вспомнить Ива Монтана?

«И сокращаются большие расстоянья, когда поет далёкий друг».

Вот это я и почувствовал, вот это я и оценил, когда услышал сквозь стенку, как пароль, что «в лесу родилась елочка, в лесу она росла».

Сильва? А если здесь Сильва, значит, помощь близка.

– Когда моя мама придет? – закричал я вопросительно, делая ударение на личном местоимении – «моя», и поднялся над кроватью. Левой рукой я держался за ее металлическую спинку, а правой размахивал, как Чапаев саблей. Но не саблей, разумеется, а полотенцем в пупырышках, связанном на конце в узел, так называемый «кулак».

Драчливые придурки, наускиваемые дядей Витей с соседней у окна койки, бросились в атаку на человека «не того рода племени». И я, обороняясь, лупил смастеренным за ночь оружием по их головам, плечам и груди.

– Когда моя мама придет?

Этот, отнюдь не победный клич, извлек из-за двери санитаря приличных даже для сумасшедшего дома габаритов. Он схватил меня в охапку и потащил – брыкающегося, вопящего – по коридору. Куда-то туда, где призывно росла елочка, известная детворе тем, что зимой и летом стройная, зеленая была. На Новый, 1950 год Сильва давала концерт. Под елочкой, украшенной игрушками. Перед больными вполне излечимой scarlatina и неизлечимым антисемитизмом. А затем, когда дошло до выписки, аккордеону, моему спасителю, придумали устроить карантин. Мол, выпусти такого наружу, глядишь, он и заразит микробами проходящую мимо публику.

– Как же так, – возмутилась во весь свой подростковый, уже неподконтрольный возраст, Сильва. – Меня можно выпускать на улицу, а «Хоннер» нельзя? Никого он не заразит, я ручаюсь. Аккордеон, он даже дышать на людей не умеет, тем более кашлять с брызгами слюны.

Но врачи не поверили моей сестре. И, посоветовавшись в «мертвом покое», приняли решение: устроить музыкальному инструменту если уже не карантин, так «чистку мозгов», то бишь дезинфекцию. И устроили. С помощью марганцовки, йода и медицинского спирта. Да настолько результативно, что аккордеон качественного немецкого производства, привыкший к другому обхождению, на выходе из «мертвого покоя» охрип и сипло исполнил: «Шумел камыш, деревья гнулись. А ночь темная была. Одна возлюбленная пара всю ночь гуляла до утра».

Под эту музыку мы – Сильва, я, Леня и грудной Боря, еще не умеющий ходить, но активно двигающий ножками на руках у мамы, чтобы поскорей добраться до дома, – покидали гостеприимную больницу с диким желанием никогда больше не хворать. Желание подкреплялось убежденностью, что мама у нас правильная – по образованию и специальности медицинский работник: отсюда и надежды, что юношей питают вместо вирусов. И хорошо делают, что питают. Иначе каюк. Почему? Да потому, что каюк! Что тут непонятного? Каждому такую маму! 4 декабря 2015 года ей исполнилось 97 лет. Где? Не так далеко от Черного моря. На берегу не менее известного – Средиземного. В израильском городе Кирьят-Гате. Это, конечно, не Одесса, но тоже кое-что. Казалось, еще чуть-чуть, и доживет до ста. Но не судьба. 22 июня – внезапное воспаление легких, больница, и 23-го ее не стало. Вечная память!

Ее папа, мой дедушка, Аврум Вербовский, умер 9 мая 1961 года в Риге. Мой папа, ее муж Арон Гаммер, умер ровно через сорок лет – 9 мая 2001 года в Кирьят-Гате. Оба в День Победы. А мама скончалась через 15 лет после папы, когда исполнилось 75 лет с начала войны с фашистами.

Какая-то странная связь, какие-то сложные для понимания ориентиры, впрочем, и жизнь – штука сложная, пока она не обрывается смертью. Что остается? Любовь и Память. А Любовь и Память всегда с нами. Со мной, с моей сестрой Сильвой, моим братом Борей, со всеми нами, живущими на этом свете.

«МАДАМ, УЖЕ ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ...»

Когда стало понятно, что изменить ничего нельзя, жизнь постепенно наладилась. Наверное, главное было принять этот факт за аксиому, ничего никому не доказывать, и себе тоже. Принять, что остался Даниил без ног, и с этим надо научиться жить.

Вернее, ноги – вот они, пальцы, колени, ногти надо стричь постоянно, Юра второй аккуратно это делает. Но ног все равно что нет...

Не встать Даниилу, не почувствовать землю, не пройтись по ней босиком, как любил когда-то даже по снежку – в молодости одно время «моржевал» Даниил, закалялся.

Один insult, всего один insult, и «вот тебе, бабушка и Юрьев день». Люди после нескольких insultов встают на ноги и ходят. А впрочем... роптать не стоит, не поможет. Такого посмотрел в больнице и в реабилитационном центре Даниил, что почти себя жалеть перестал.

Всё познается в сравнении, известная истина.

Могло быть всякое, у каждого свои последствия. Можно считать, что и в невезении ему повезло. В реабилитационном центре ему помогли восстановить движения правой руки. Даниил самостоятельно ест, говорит вполне сносно, может музицировать, а главное, голова «варит», словно и не было этого злополучного мартовского дня, когда все случилось.

Голова «варит», это и хорошо, и плохо. Почему хорошо, понятно, почему плохо, впрочем, тоже...

Всё ведь понимаешь, и свое положение ясно осознаешь. И приговор. Сидеть тебе в инвалидном кресле до конца дней. Быть обузой, постепенно становиться таким пнем. Тебя везут туда-сюда, укладывают в постель, помогают решать все интимные вопросы гигиены, о господи, как же это ужасно. Ты уже не принадлежишь себе.

Слава Богу, что есть два Юры, Юра первый и Юра второй.

И есть Ася...

Юру первого Даниил получил от социальной службы сразу, когда его выписали из больницы, но этого оказалось мало, и теперь увеличенные социальные часы делят между собой два помощника, по случайности тезки. А ночью с ним Ася, пока от другой помощи она отказалась, сказала, что сама справится.

Юра первый приходит по утрам, перед концом своей рабочей смены помогает Асе отвезти Даниила на море, и уходит.

А Юра второй забирает их с моря, и уже до позднего вечера с ним. Вот эти несколько морских часов стали главной отдушиной Даниила.

То, что не ценил раньше, вдруг оценил, понял, как повезло ему жить в приморском городке, причем на расстоянии ходьбы от моря. Набережную как раз привели в вид, новые скамейки поставили, фонтанчики разбили, даже танцевальную площадку....

Ээээх, лучше не вспоминать об этом.

И про то, как он царствовал на каждой танцевальной площадке. Каким партнером был, и как у девушек распахивался взгляд, когда он уверенно вел их в любом танце. Чувство ритма и артистичность не пропешь...

Хотя и выпить умел Даниил и вполне уважал это дело, но одно дело – выпить, а другое – напиться. С этим: ни-ни.

В городке, где он жил до отъезда в Израиль, быть руководителем ансамбля и тамадой – это привилегированность во всех отношениях, и внимание, и личные связи. И любовь...

Вернее, любви, в которых Даниил себе не отказывал.

Он всегда нравился женщинам, во-первых, хорош собой, породистый мужик, как называли таких. И это совсем не звучало обидно. А во-вторых, классный музыкант, кто мог устоять, когда он садился за пианино и пел своим низким голосом.

Теперь такой голос называют сексуальным, а тогда в СССР как бы «секса не было», и голоса соответственно такого быть не могло. Впрочем, сколько лет прошло...

А теперь осталось сидеть на средиземноморской набережной и вспоминать. Ася устроилась рядом и вяжет. Кто-то из её знакомых взялся выступить посредником (Ася сама никак не подходила для этой роли) и за небольшие комиссионные разрекламировал в социальных сетях её работы.

И заказы появились.

То, что Ася раньше делала с удовольствием, теперь она еще и делала с гордостью. Вязать она любила с молодости. Они так и познакомились, когда у нее были спицы в руках. Он зашёл в библиотеку в конце рабочего дня, совсем перед закрытием, нужно было по профсоюзной линии подготовить какую-то лекцию ко Дню радио.

Официально коллектив Даниила относился к филармонии, и общественную жизнь никто не отменял. А Ася от смущения бросила спицы на пол. Покраснела вся. Долго извинялась и оправдывалась. Ну, конечно, на рабочем месте такой правильный человек, как Ася, вдруг занимается нерабочими делами.

Так и познакомились.

«У твоей библиотечарши красивые кофточки», – заметила однажды Нэлл. Кажется, это был единственный комплимент, который он услышал в адрес будущей жены. И не только от Нэллы, а вообще от друзей, разочарованных его выбором и не называвших Асю иначе, как «твоя библиотечарша».

Неудивительно, что Ася никак не вписывалась в его шумную и раскованную музыкальную тусовку. В его компании любили часто встречаться, лилось вино, да и от коньяка никто не отказывался. В его компании танцевали, тесно прижавшись друг к другу, а потом уходили, иногда со своей подружкой или женой, а иногда и с чужой. Все бывало, он знал это...

И сколько женщин имели виды на него, тоже помнит.

Нэлла, кстати, открыто не претендовала на него, сама ведь была замужем за заместителем директора филармонии. Но и отпустить Даниила не хотела.

Её вполне устраивала ненавязчивая роль любовницы, пока не появилась Ася. Во всяком случае, она не ревновала его ни к одной другой партнерше по танцам, даже если из компании после тусовки он уходил с другой женщиной. И только в Асе увидела она угрозу их связи и вышла на тропу войны, пытаясь уговорить Даниила отказаться от этого «синего чулка с очками на носу».

Она даже звонила Асе и сообщала, что родила от Даниила сына, что в принципе вполне могло иметь место, но официально сын родился в её законном браке, и как же надо было потерять самообладание, чтобы шантажировать этим.

В общем, назло всей тусовке он женился на Асе, хотя не был уверен, что брак этот надолго...

Им обоим было тогда уже за тридцать.

А Ася на самом деле была не таким уж синим чулком – недотрогой. Дождавшись тридцатника и не дождавшись претендента на свою руку и сердце, родила Ася Зайку.

Вернее, звали Зайку Зоей, но девчонка оказалась такой попрыгуньей, совсем не в маму, что имя как-то легко трансформировалось, и новое закрепилось за ней.

Детей общих они не завели, у Аси оказался отрицательный резус и какая-то редкая генетическая несовместимость. Сегодня, наверное, от всего подобного лечат и рожают детей, но тогда пришлось от этой мысли отказаться. Даниил удочерил Зайку, вырастил ее, и Зайкины дети души в нём не чают. Только нынче, где Зайка с детьми, а где – они...

Далеко город Торонто, ох, далеко. Сидит Ася каждый вечер около компьютера, ждет связи по Скайпу. Так и нянчит внуков своих, виртуально, да еще обвязывает их, от пяточек до макушки.

Прожил бы с ней Даниил тихо и размеренно, чтобы не сказать: скучно, но всегда находились женщины, готовые разнообразить его жизнь.

Ревновала ли Ася... Любила она его очень, это он знал, может, потому и закрывала глаза на многое.

Да и сам Даниил старался не смешивать свои романы и семейную жизнь.

Сколько случалось поездок по подшефным колхозам, участие в конкурсах, загородных мероприятиях с ночевкой, сколько красивых девушек рядом, только подними крышку пианино, только настрой его и коснись клавиш...

Многие старались привязать его к себе, что только ни делали, на какие откровенности ни шли в отношениях с ним.

А дома ждала Ася, которая всегда спала в длинной ночной рубашке, без очков близоруко смотрела по сторонам, и безобразно грызла ногти, так и не научившись следить за руками.

Сперва он пытался взяться за её воспитание, красиво одеть, повести к косметологам, парикмахерам, он пытался быть с ней в постели то нежным, то необузданным, искать её изюминку, её ответ. Он ведь находил его с другими женщинами.

Но она комплексовала, и он оставил свои идеи позади. Благо, было с кем их воплощать.

Она жила в нем своим маленьким мирком, уютным и тихим.

Была в его жизни осенней гаванью, куда на зиму ставят корабли, до следующего выхода в бурное плавание. Страдала ли она, он не знал, не интересовался. Он хотел новых впечатлений, и его статус всеобщего любимца позволял не только хотеть, но и иметь.

А Ася вязала, вкусно готовила, делала покупки, тихо растила Зайку. И главное, всегда его ждала.

Над предзакатной набережной в море повис огромный розовый шар в обрамлении лиловых облаков, день назавтра обещал быть ветренным. Шар медленно спускался к своему конечному маршруту, окрашивая в сиренево-розовые оттенки морские волны. Даниил любил наблюдать за закатом, стараясь в эти минуты не думать о действительности.

В Израиль они приехали, когда ехали все.

Распался его музыкальный коллектив, и весь СССР распался, купоны на жизнь делали жизнь невыносимой.

Все, кто мог, говорили: надо ехать.

И уезжали.

Устраивались, как могли. Даниилу повезло, перед отъездом он овладел специальностью настройщика пианино, и именно она кормила его в израильские лета и зимы. Так что обошлось без подработок с открытым футляром на улицах и в парках, как делали многие его друзья-музыканты.

А они оказались тогда в этом маленьком приморском городке, здесь жила жена Асиного дяди, нудная бездетная старушка, настоящий «божий одуванчик». На первых порах они поселились у неё в квартире, и Ася её досматривала, пропадала в больницах, от госпитализации до госпитализации.

Правда, квартира досталась не Асе, а старушкиному родному племяннику из Хадеры.

Асе досталась брошь и пианино для Даниила. Так оно и стоит в центре небольшой изящной квартиры, которую им повезло купить, пока не взлетели цены на жилье.

Занимает почти весь салон. И играть на нём Даниил теперь почти не играет. Без педалей что за музыка.

Да и настроения нет...

Иногда Ася просит его сыграть что-то из своих любимых романсов, отвлечь хочет. Но он отказывается. Хотя может и одной рукой...

Ни к чему ему теперь это.

На набережной летом обычно много людей, но Ася всегда находит место на скамье, его коляску разворачивает так, чтобы вся панорама была перед Даниилом, и море, и прогулочная.

А по ней едут молодые мамы с колясками, и дети на роликах, и велосипедисты. Танцевальная площадка обычно пуста, только по четвергам здесь устраивают массовые гуляния.

Но вот пришёл кто-то из кочевых «русских» музыкантов, поставил динамик, развернул «дорожный» орган.

Вместо шляпы – футляр от органа.

И зазвучала музыка.

Популярные мелодии «для всех», на которых росли целые поколения израильтян.

И вдруг донеслись другие звуки, знакомые каждой ноткой...

Даниил закрыл глаза. Музыка эта его скорее раздражала сейчас, чем радовала. Да и голос не соответствовал выбору репертуара.

Пел музыкант на израильской набережной романс Вертинского...

*Мадам, уже песни пропеты!
Мне нечего больше сказать!
В такое волшебное лето
Не надо так долго терзать!*

*Я жду Вас, как сна голубого!
Я гибну в любовном огне!
Когда же Вы скажете слово,
Когда Вы придете ко мне?*

Песни Вертинского надо петь иначе, Даниил знал, какие найти интонации, какие оттенки, хотя редко исполнял их.

А здесь музыка звучала отдельно от слов, и никаких эмоций не обещала.

Но люди слушали, и футляр музыканта не был пустым.

И в это время Даниил увидел её.

Веред сидела на парапете и тоже слушала музыканта.

Совсем рядом с ним, в нескольких шагах.

Сердце забилося так резко и больно, что пришлось приложить руку к груди, пытаясь успокоить стук.

На ней было легкое хлопковое платье, оно чуть помялось, она приподнялась и аккуратно расправила его. Платье открывало тонкие руки и длинную шею с голубой жилкой, а от порывов ветра оно взлетало, оголяя колени, круглые, белые, близкие.

Ему показалось даже, что ветер доносит запах её духов.

За давностью лет он забыл их название, но помнил тот изысканный хрустальный флакон в её спальне и её жест, когда она, чуть зажмурившись, наносила капли духов на запястье и на голубую, пульсирующую на шее, жилку. Другая стрижка, иной цвет волос, сеточка морщин появилась у глаз, но её потрясюще молодой поворот головы, независимый, гордый, он сохранился!

Ей тогда было 29, кажется, а ему 46.

Почти двадцать пять лет прошло. Неужели ей уже за пятьдесят. А ему...

Лучше не думать, сколько теперь ему, не поможет.

Последняя любовь...

А были ли у него настоящие любви до неё? После не было, это он знает. Так, лёгкие интрижки, совсем короткие.

Израиль исправил его, можно сказать, вернул в лоно семьи. Или пришло время вернуться. Или просто не хотелось никого, кроме неё. А она была ему недоступна. И он это знал. Лишь несколько ночей вместе...

Яркие грозовые ночи, когда он в её просторной квартире играл на рояле все её любимые мелодии. Подбирал сразу по её желанию. Она сидела около камина, чуть улыбалась, когда он неправильно произносил слова на иврите, и поправляла его.

– Продолжение ульпана у тебя в спальне? – спрашивал он.

Но это было совсем не обидно, каждое её слово, каждый жест хотелось сохранить навсегда.

Веред была его учительницей в ульпане. Асе тогда пришлось пойти в другую группу.

Во-первых, Даниил успел выучить немного иврит перед отъездом, а Ася продвигалась медленно, больше занимаясь проблемами здоровья своей престарелой тётушки, став ей на это время вроде компаньона и сиделки в одном лице.

Даниил и в ульпане был в центре внимания, ни один капустник не обходился без него, ни один еврейский праздник.

Да и группа попалась хоть куда, молодая, задорная, готовая к свершениям и подвигам, как, смеясь, говорили тогда друзья по ульпану.

А главное, была у них «мора» Веред. Она сразу рассказала, что её имя в переводе означает «роза» и что она выращивает в своем палисаднике очень красивые розы. Имя ей удивительно шло. Веред немного говорила по-русски, с гордостью сообщив, что сохранила его с детства, с того времени, когда общалась на нем с бабушкой. Она с улыбкой принимала замечания, когда исправляли её смешной русский язык.

Что Даниил ни делал, чтобы обратить на себя её внимание. Он ведь привык быть им не обделённым. Но тут все иначе. Она была другая, недоступная, прекрасная...

Молодая и независимая, не холодная, как лед, но и непонятная ему. Никаких поводов для общения вне стен ульпана не находилось. И когда вдруг она сказала, что ищет хорошего настройщика рояля, то он заявил, что он самый лучший настройщик в мире.

Это была неправда, не лучший – это определено.

Но небольшой опыт уже имелся. И большое желание оказать-ся с ней наедине...

Может быть, она догадалась. У неё был такой взгляд, словно догадалась, или это только Даниилу казалось от того, что он совсем потерял голову. Но она внимательно посмотрела на него яркими зелёными глазами и улыбнулась. А затем, тряхнув челкой, сказала, что будет рада, если он сможет ей помочь. Она давно мечтает вернуться к музицированию, заброшенному перед армией. Хочет вновь брать уроки музыки.

Их было всего несколько вечеров, вместе. Непослушные пряди её волос в его ладони, гибкое тело с татуировкой на бедре. Почему-то там было написано «Все проходит...», её маленькие ступни, круглые коленки, тяжелая грудь с неожиданно крошечными твердыми пуговками, ему казалось, что он никогда не пресытится ими. Его неправильный иврит, её смешной русский.

А можно было и без слов, только губы и руки, руки заменяли слова...

Их роман закончился, как и начался. Вдруг. Веред сообщила, что завершает вести их группу и уезжает за границу по командировке Сохнута, будет преподавать иврит в США, она давно мечтала о такой работе, представлять свою страну, и вот сейчас прошла конкурсный отбор.

Был прощальный вечер, ученики ульпана получали документ о его окончании и отправлялись в большое плавание по незнакомой пока реке. И он знал, что они расстанутся. Может быть, ещё одна ночь будет у них...

Но и её не было. В ту ночь в больнице умерла Асина тетя, и он бросился к жене, чтобы побыть с ней, измученной несколькими месяцами ухода за практически чужой женщиной.

А через день Веред уехала.

Он не искал её и не писал ей письма.

Она предупредила его об этом заранее.

В США Веред уезжала со своим женихом. Иногда Даниил проходил мимо её дома с большим палисадником и заглядывал через забор, там также росли розы, но звучала другая музыка, и жили чужие люди.

И тепло её ладоней постепенно покидало его, были короткие связи, другие женщины приходили и уходили. Но казалось, что источник желания острых ощущений, поиска новизны иссяк. Стал ближе дом, где его ждали...

А сейчас она рядом, и на мгновение вернулись те несколько ночей...

Он смотрел на Веред, а она – на музыканта, который все так же мучая клавиши, бесталанно пел любимый романс Даниила:

*А птицы так грустно и нежно
Прощались со мной на заре.
И вот уж совсем безнадежно
Я ей говорил в октябре:*

*«Мадам, уже падают листья,
И осень в смертельном бреду!
Уже виноградные кисти
Желтеют в забытом саду...»*

Она могла повернуть голову влево и увидеть его, сейчас, в инвалидной коляске, увидеть и пожалеть. И эта мысль была нестерпимой...

А Ася вязала, соединила две нити, что-то быстро просчитала в голове, и спицы вновь замелькали в ее руках. Что-то тихо напевала, у неё никогда не было музыкальных данных.

Неожиданно она подняла голову и сказала:

– Мадам, уже песни пропеты... Как я люблю этот романс, – и добавила: – Даня, мне кажется, что ты устал и тебе неуютно здесь. Поехали домой? Я сама повезу коляску. Юра встретит нас у подъезда и поможет подняться в квартиру.

– Поехали, – быстро согласился Даниил. – И, если хочешь, Асенька, я сыграю тебе дома Вертинского... И этот романс тоже.

Ханох Дашевский

ИЗ РОМАНА «РОГ МЕССИИ»

Была уже ночь, и дежурный в штабе дивизии нехотя бросил на Михаэля усталый сонный взгляд.

– Сейчас тобой никто заниматься не будет. Вон там, за занавеской, койка – ложись пока. А утром посмотрим.

Но утро для Михаэля наступило гораздо раньше рассвета. Не успел он лечь, как послышалось фырканье подъехавшей машины, и в избе, где располагался штаб, раздался зычный командирский голос. Спросив о чём-то дежурного, голос неожиданно заинтересовался:

– А кто это у тебя за занавеской?

– Военный переводчик. Из штаба армии прислали.

– Военный кто? Переводчик?

– Так точно, товарищ генерал. Вот его документ.

Пробежав глазами сопроводительную, генерал бесцеремонно отодвинул занавеску. Михаэль вскочил. Острый командирский взгляд скользнул по нему, запечатлевая, казалось, лишь одному генералу нужные детали.

– Кто такой?

– Младший лейтенант Гольдштейн, товарищ генерал-майор. Направлен...

– Знаю, что направлен, – перебил генерал. – Почему СМЕРШу не подошёл, спрашиваю? Языком не владеешь?

– Владею, товарищ генерал. Свободно говорю, пишу, читаю.

– Тогда что?

Проще было ответить уклончиво, что ему, Михаэлю, неизвестна причина. Но вместо этого, внезапно для себя, он выпалил:

– Начальству не подошёл. Потому что еврей.

Генерал умолк. Он вспомнил младшего лейтенанта с такой же фамилией, который, по его распоряжению, удостоился ордена Красной Звезды, хотя другие участники прорыва блокады Ленинграда получили более высокие награды. Теперь этот орден с лейтенантской гимнастёрки с укором смотрел ему прямо в глаза. Скрывая внезапно охватившее его смущение и не желая продолжать скользкую тему, генерал произнёс:

– Ладно. То, что у вас там было, меня не касается. Только протирать в штабе штаны боевому лейтенанту негоже. А почему одна звёздочка? Что это за звание «младший лейтенант»? – с нажимом заинтересовался генерал у Михаэля, словно тот сам распоряжался званиями и звёздочками. – Арбузов, – подозвал он дежурного, – оформляй документы на присвоение младшему лейтенанту Гольдштейну звания лейтенанта. Направь начальником разведки к Митрофанову.

И приблизившись к Михаэлю, смягчая тон, добавил:

– Знаю, что был ранен. Только мне такой, как ты, с готовым немецким, в разведке нужен. Так что давай, лейтенант. Действуй.

Нужно было отчеканить: «Есть, товарищ генерал-майор», да ещё добавить: «Служу Советскому Союзу», но что-то нашло на Михаэля. Обида, нанесённая в СМЕРШе, не проходила, и он заговорил, словно его речью руководил кто-то другой, заставляя произносить опасные слова:

– А вы мне доверяете, товарищ генерал?

– То есть? Ты что мелешь, лейтенант? Думай, что говоришь!

– В СМЕРШе, – пояснил Михаэль, – меня хотели сделать немецким шпионом. Немецкий знаю и фамилия немецкая. Только фамилия на самом деле еврейская.

– Ну всё, Гольдштейн! – прервал Михаэля, повысив голос, начинающий терять терпение генерал. – Фамилия твоя для разведки самая подходящая. Давай, орёл, не задерживай. Подполковнику Митрофанову доложишь, что я лично тебя к нему послал. Арбузов, – подозвал генерал расторопного дежурного, – найди ему две звёздочки, пусть пришиллит на погоны.

Подполковник Митрофанов, вначале с сомнением оглядевший Михаэля, услышав, что последний направлен к нему генералом из штаба дивизии (Михаэль так и не узнал, кем был этот генерал, но догадывался), впервые посмотрел на него с интересом. И уже через час командир разведывательной роты лейтенант Гольдштейн знакомился с личным составом. Готовилось большое наступление на так и не отбитые у врага, даже после прорыва блокады, стратегически важные Синявинские высоты. На отдых Михаэлю отводился день. Вылазка с обязательной добычей «языка» была назначена на ближайшую ночь. Михаэль свылся с мыслью, что должен сам возглавить поиск, и удивился, когда его заместитель старшина Максимов сказал с покоробившей новоиспеченного лейтенанта добродушной снисходительностью, игнорируя устав:

– Отдыхай, командир. Ещё навоюешься. Я сам пойду с ребятами.

Михаэль сообразил, что старшине о его боевой биографии ничего не известно. Как, впрочем, и другим. Да, для роли командира он слишком молод, и опыта в разведке никакого, но сейчас все глаза устремлены на него. И Михаэль ответил твёрдым командирским голосом, пресекая панибратский тон старшины. В конце концов разве не командовал он взводом и даже ротой?

– Спасибо за заботу, старшина. Только решать буду я. Вы людей знаете, вот и соберите группу.

В тот раз обошлось. Михаэль справился. Будто кто-то вселился в него и руководил его действиями. Вот только «языка» брал не он. Михаэль даже не понял, как так получилось, что он остался в засаде, а захватом руководил всё тот же Максимов. Он попытался, было, попенять старшине, но тот потом сказал очень серьёзно:

– Сноровка нужна, товарищ командир. Навыки.

И замолчал, давая понять, что ни того, ни другого у Михаэля пока ещё нет.

Прошло два месяца. Михаэлю стало казаться, что бойцы смотрят на него другими глазами, что он приобрёл авторитет. Михаэль рос в собственных глазах, хотя и замечал, что старшина и третий человек в роте старший сержант Томин неназойливо поправляют его. А недавно он нечаянно подслушал беседу двух солдат. Обсуждали командира.

– А еврейчик наш, видать, не промах. Как мозгуешь, земляк?

– И пошто тебе слово-то это, на язык, как ворона, село? Ну еврей, и что? – ответил земляк.

– Как что? – удивился первый. – Еврей, а на фронте. Видал такое?

– Эка невидаль! Да возьми хоть наш полк. Начальник артиллерии капитан Сквирский – раз. Адьютант полка старший лейтенант Воловик – два. И во втором батальоне два брата: Самуил и Яков – запоматывал фамилию...

– Ну ты, прям, как писарь полковой. Все у него на учёте.

– Не нравится мне, когда по нациям делят. Вместе же воюем.

Но если рядовому солдату не нравилось выделение евреев в особую категорию, то начальник штаба полка майор Андрушкевич именно этим занимался. Михаэля он возненавидел с первого дня. Но майор Андрушкевич управлял своей ненавистью и давал ей выход так, чтобы замаскировать истинную причину. Поэтому, когда Митрофанов завёл разговор о том, что Михаэль показал себя хорошо: совершён ряд удачных вылазок, дважды взят «язык», и надо как-то отметить лейтенанта, майор согласно закивал головой, а потом вытащил из кармана полученный утром приказ командира дивизии:

– Вот, Митрофаныч, любуйся. Штабу фронта нужен генерал.

– Какой генерал? – не понял Митрофанов.

– Ну, «язык» в чине генерала...

– А почему мы? – удивился подполковник. – У них там что? Фронтовая разведка дремлет?

– Дремлет или нет, – невозмутимо ответил Андрушкевич, – а добить генерала приказано нам.

– Но почему? – продолжал настаивать Митрофанов.

Майор пожал плечами:

– Надо полагать, в штабе фронта известно, что лейтенант Гольдштейн в совершенстве владеет немецким.

На самом деле штаб фронта такими сведениями не располагал. Командир разведроты полка был слишком мелкой фигурой. Но накануне, когда майор Андрушкевич находился у начальника штаба дивизии, в помещении появился комдив.

– Разведотдел фронта запрашивает, – обратился он к начальнику штаба, – нет ли у нас в дивизии кого-то, кто владеет немецким на уровне родного. Для выполнения очень ответственного задания. Я знаю, что у них, – показал генерал на Андрушкевича, – такой человек есть. Сам его к ним направил. Верно, майор?

– Товарищ генерал! – вскочил Андрушкевич. – Командир разведроты Гольдштейн язык знает даже слишком хорошо, но...

Майор замаялся.

– Что но? Договаривайте!

При начальнике штаба Андрушкевич явно не хотел говорить.

– Зайдите ко мне.

– Товарищ генерал, – начал Андрушкевич, едва лишь они остались одни, – Гольдштейн при мне несколько раз допрашивал пленных. Он настолько хорошо говорил по-немецки, что у меня это вызвало удивление и одновременно тревожное чувство. Как будто настоящий немец перед тобой. Не только я – пленные так подумали.

– Ну и что? – отозвался генерал. – Знать немецкий не преступление. Для командира разведки – необходимость, с которой у нас и без того плохо. Вот что, Андрушкевич, возвращайся обратно и скажи лейтенанту, чтобы готовился к серьезной операции – захвату в тылу у немцев высокого чина. Сообщаю данные в штаб фронта.

– Товарищ генерал, – волнуясь, заговорил Андрушкевич, – ну как может этот парень говорить по-немецки так, словно он только вчера из Берлина? А если его специально готовили?

– Для чего? – не понял генерал.

– Ну как же? Специально подготовлен, вот что...

– Ты куда клонишь, майор? Хочешь сказать, что Гольдштейн – специально подготовленный немецкий шпион? Но ведь он же еврей. Не будут они иметь дело с евреем. Да и не поверю я, что еврей добровольно служить им станет...

– Это как сказать. Может, здесь особый случай.

– Какой особый?

– Я ведь говорил вам, товарищ генерал: настоящий немец. А может, немец и есть, только евреем прикидывается. Ну, и документы в абвере оформлены, как надо.

– Но он воюет. И воюет хорошо.

Хитроумный Андрушкевич спорить не стал.

– Я ни на чём не настаиваю, товарищ генерал. Может быть всё это домислы. Но проблема в том, что, если предположения окажутся правдой, органы взыщут прежде всего с нас.

Комдив призадумался. Он отказывался верить Андрушкевичу, но не мог не признать, что тот прав. С органами не шутят. Перестраховаться? Война войной, а у чекистов своя работа...

– Хорошо, товарищ майор, – перешёл на официальный тон генерал, – я вас понял. Возвращайтесь в часть. Доложу по инстанции в штаб армии. И пусть они решают – давать ход вашим подозрениям, или нет. А пока пускай разведчики готовятся. Мой приказ получите завтра. Все инструкции поступят из штаба фронта. Разумеется, в том случае, если Гольдштейна утвердят.

Выслушав Андрушкевича, подполковник Митрофанов приказал Михаэлю готовиться к опасной операции в немецком тылу.

– Приказано захватить генерала. Подробности сообщить не могу: сам не знаю. Вся необходимая информация в ближайшие часы должна поступить из штаба фронта.

О приказе взволнованный Михаэль известил Максимова и Томина.

Последний и бровью не повёл, словно услышал незначительную, недостойную внимания новость, и только кивнул. Зато старшина обрадовался:

– Наконец-то стоящее дело! А то засиделись.

Михаэль не мог согласиться с Максимовым. Он страшно устал, возглавляя многие вылазки лично, но возражать не стал. Никаких инструкций из штаба фронта не поступало, и, поручив старшине подобрать людей для операции, Михаэль сумел выкроить несколько часов для сна. А вечером Максимов и Томин возникли на пороге его землянки. Разглядев, как Михаэль достаёт свои скудные запасы, старшина сделал царственный жест:

– Не суетись, командир. У нас всё с собой.

Водрузив на некое подобие стола четыре банки тушёнки, неизвестно где добытую кислую капусту, трофейный шоколад и, поставив в центре бутылку разбавленного спирта, хозяйственный Максимов любовно оглядел грядущее пиршество.

– Посидеть с тобой решили, лейтенант. Не возражаешь? Это он, – старшина кивнул на Томина, – затеял. На опаснейшее дело идём, говорит. Надо бы нам друг друга узнать получше, что ли. Вместе же воюем, а по душам так ни разу и не поговорили.

Меньше всего Михаэль был склонен к такому разговору. Тревога, с утра поселившаяся в сердце, не проходила, томило недоброе предчувствие, но разобраться в причине не удавалось.

Старшина, наполнив стаканы, поднял свой:

– Вперёд, славяне! За дружбу, за победу!

Все выпили. Выпил и Михаэль. Ему казалось, что на фронте он научился пить, но на этот раз хмель сразу ударил в голову, и, отставив стакан, Михаэль заявил:

– Я не славянин. Я еврей.

Томин передёрнул плечами, словно сбрасывая ношу, и укоризненно глянул на Максимова. Тот ухмыльнулся, но ответил серьёзно:

– Знаем, командир. Это так, к слову, пришлось. Присказка такая. А вообще, давно пора тебе документы выправить. Русским сделаться. А если схватят?

– Если схватят, спустят штаны. И всё.

– Ну, это если заподозрят. А если нет? Вот, к примеру, Воловик, полковой наш адъютант. У него документы в порядке. Мне землячок в штабе полка растолковал.

«Вот оно», – пронеслось в голове у Михаэля. – «Интересовался? Или случайно узнал? Похоже, волнует его эта тема».

– Знаешь, Максимов, – Михаэль старался, чтобы голос звучал твёрдо, но после первой же рюмки спирта язык стал слегка заплетаться, – уж если суждено будет умереть – умру евреем.

– Коли так – уважаю, – отозвался старшина. – А по мне, так лучше быть хитрым, чем гордым. Ладно, братцы, что-то разговор наш не туда поворачивает. Давай о другом. Вот, к примеру, Томин. Самый серьёзный человек в роте. Никогда не улыбается. А почему? Потому что...

– Не надо, Ваня, – не повышая голоса, попросил Томин.

– Надо, – отрезал старшина. – Я-то знаю, в чём дело, а лейтенант – нет. Вот и объясни товарищу лейтенанту, почему угрюмый такой...

В Риту Игорь Томин влюбился ещё в школе. Рита была так красива, что толпы мальчишек ходили за ней. Тем, кого выделяла Рита, доверялось нести её портфель. Отец Риты был человеком важным: занимал высокую должность. В доме у них всегда был достаток.

А у Игоря не было лишней рубашки. Лишних брюк тоже не было. Не было и отца. Игорь жил с матерью – трамвайным кондуктором. Внешностью он также не отличался, поэтому разборчивая Рита не обращала на него никакого внимания. После школы она поступила в институт, а Игорь работал на заводе. Там, где работал его рано умерший отец. Хорошо понимая, что он Рите не пара, что грезить о ней, всё равно что грезить о царевне из сказки, Игорь всеми силами пытался избавиться от своей несчастной любви, и не мог. Хотя жил он в неказистом деревянном доме, а предмет его вожделения – в населённом большими чинами здании, находилось оно недалеко от Игоревой трущобы, и ничто не мешало парню отслеживать Ритину жизнь. И когда наступил злосчастный тридцать седьмой год, и за отцом Риты пришли, то, узнав о постигшем девушку горе, Игорь не стал колебаться. Семьи арестованных выселяли, могли сослать или посадить, и он решил попытаться спасти Риту, не думая о том, что сам может оказаться в опасности.

Явившись к Рите, Игорь ожидал увидеть прежнюю недоступную красавицу и не поверил глазам. Рита осунулась, потеряла уверенность в себе и выглядела плохо. Предложение Игоря переселиться к нему она приняла сразу: у неё не было выхода. Вскоре после ареста отца забрали мать Риты – большевичку с дореволюционным стажем. Нужно было уехать из города, затеряться где-нибудь в Сибири, но Рите страшно не хотелось уезжать из Ленинграда.

Игорь привёл Риту к себе. Она находилась в полном отупении и отчаянии и плохо сознавала происходящее. Но Игорь был терпелив. Он дал Рите возможность прийти в себя. Заботился, стараясь предугадать её желания. Игорь надеялся, что Рита оценит его отношение, начнёт отвечать тем же, и не ошибся. Справившись с шок и осознав своё положение, Рита отбросила прежнюю гордость. Игорь был её единственной опорой, и ей пришлось ответить на его любовь. Она даже стала получать удовольствие, чего никак не ожидала. Только отношения с матерью Игоря не складывались. Та ходила насупленная. Помешать сыну она не могла. Обычно послушный, в том, что касалось Риты, он полностью игнорировал мать. Ей оставалось только ворчать, и однажды, в присутствии Риты, она выдала:

– Загремит твоя жишовочка, того и гляди загремит. И ты, дурень, вместе с ней.

О том, что за Ритой могут прийти, и в этом случае ему самому не избежать ареста, Игорь как-то не задумывался. Но поразило его не это, и он обернулся к матери:

– Ты что сказала?

– Вот сказала. Мало того, что дочь врагов народа, так ещё еврейка.

Отец Риты был стопроцентным русским. Кроме того, это был человек известный, с боевой биографией. Потомственный питерский рабочий, герой гражданской войны. Командовал дивизией, брал Перекоп. Значит, мать Риты еврейка? Ну и что? Какое это имеет значение? Почему его мать заговорила об этом?

В глазах у Риты стояли слёзы. Она едва сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Игорь взял её за руку:

– Завтра распишемся. Возьмёшь мою фамилию, получишь новый паспорт. Всё будет хорошо.

– Господи! – охнула мать Игоря. – Вразуми дурака!

– Значит, так, – Игорь не понимал, откуда взялась в его голосе несвойственная ему металлическая твёрдость. – Посмотри на неё, как следует, мама! С сегодняшнего дня это моя жена, Томина Рита. Прими во внимание, если не хочешь потерять сына.

Исполни Игорь своё намерение, дальнейшие события могли бы развиваться по-другому, но в ЗАГС они с Ритой так и не пошли. На следующий день Игорь неожиданно слёг с жестоким гриппом, а когда с трудом выкарабкался и немного отдышался, последовал призыв в армию. Не обратив внимания на то, что парень серьёзно переболел, молодая, но уже суровая женщина в белом халате вынесла вердикт: «Годе́н к строевой», – и поставила штамп.

Игорь помнил о своём обещании. Ещё оставалось время. Эшелон с новобранцами должны были отправить через сутки, и он сумел убедить командиров в том, что ему необходимо немедленно жениться. Но неожиданно всё переменялось, и ночью их погрузили в вагоны, двинувшиеся на Карельский перешеек, где уже назревала война с Финляндией. Кровавые бои в тяжелейших зимних условиях не располагали к письмам, и всё же Игорь отправил Рите три послания, полных нежности и любви. Каждое из них заканчивалось заверением, что, если повезёт и удастся выбраться живым из ада, они с Ритой обязательно поженятся. Ни на одно из писем ответа не было.

А вскоре Игоря ранило. Их рота попала под снайперский обстрел, и в считанные минуты на глазах Игоря полегли все бойцы его отделения. Сам он получил пулю в плечо, и замёрз бы, истекая кровью, если б его не вытащила, то и дело зарываясь в снег, молодая санитарка. Оказавшись в ленинградском госпитале, Игорь дал знать своим, что находится в городе, но пришла только мать. Игоря это не удивило: Рита боялась выходить из дома. Ничего не подозревая, он спросил о Рите, и мать запричитала:

– Говорила же тебе, а ты матери родной не поверил. Сбежала твоя ненаглядная, как есть сбежала. Видать, подцепила кого...

Игорь отказывался верить. Сбежала? С кем? Как это вообще могло случиться? Стало понятно, почему она не отвечала на письма. Выходит, мать права? А если всё было по-другому?

Зачем-то вышла из дома, и её прямо на улице взяли?

Ведь в ЗАГС они так и не пошли, и новый паспорт Рита не получила. Игорь почувствовал себя виноватым. Ну, конечно, всё так и произошло.

Уверяя себя в своём предположении, он словно забыл о том, что Рита боялась показаться на улице и почти всё время проводила в квартире. Изредка, ночью, когда все спали, они гуляли недалеко от дома. Игорь был уверен, что соседи ничего не знают о Рите.

Но всё оказалось гораздо хуже и страшнее. Отпуск по ранению затянулся, Игорь тосковал, а когда нужно было возвращаться в часть, в дверь постучал сосед. Тому было скучно, и он настойчиво приглашал к себе. Игорю и самому хотелось выпить. Ему всё опостылело без Риты, и он не думал о том, что возвращается на фронт, где его могут убить. Жизнь потеряла смысл. Сосед Иван Никанорович разлил по рюмкам «Московскую». Жены дома не было.

— Моя в ночную сегодня. Ну давай! За тебя, за героя!..

Игорю очень нужно было излить кому-то душу, поделиться своим горем. Водка развязала язык. Теперь он не искал никаких объяснений, не оправдывал Риту, принимая версию матери.

— Ты же ничего не знаешь, Никанорыч, а ведь я её от ссылки спас, а, может, и от тюрьмы. И что только ни делал. Жениться хотел. А она, пока я там в крови, на снегу, под пулями ползал... Она, курва, с другим сбежала. Жидовка подлая, — вырвалось у него. — Права была моя мать.

— Сбежала? — переспросил Иван Никанорович. — Это кто тебе сказал?

— Мать и сказала, а я, дурак, не поверил. Зато теперь...

— Что теперь? Зря ты про неё так. Никуда она не сбежала. Взяли твою красавицу, вот что.

— К-как? К-как это взяли? — переспросил заплетающимся языком Игорь. — Ведь мама сказала...

— А так, как всех берут. Приехал ночью «воронок», и увезли её, бедную. Мы с Марфой не спали, всё видели, только не знали, кого уводят. В темноте-то не разберёшь. Думали, что мать твою забрали, а она, как есть, наутро в подпитии появляется и говорит: «Дескать, привёл сынок девицу, а та мало что дочь врагов народа, так ещё и еврейка. Ну и сходила я в Большой Дом¹. Всё им объяснила. Сынок мой, сказала, ни в чём не виноват. Эта стерва его околдовала, опутала. А где сын, спрашивают. С финнами, отвечаю, воюет. Хорошо, проверим. Правильно сделали, что пришли». Рассказала, и сама испугалась. И к нам в ноги: вы только Игорю моему не проговоритесь, Бога ради, когда с войны вернётся. Ну, мы, конечно, обещали...

Иван Никанорович запнулся. Только в эту минуту до него дошло, что он нарушил обещание. Сосед хотел ещё что-то сказать, но изменить уже нельзя было ничего. Игоря на прежнем месте не было. Он рывком открывал дверь своей квартиры.

¹ Здание НКВД в Ленинграде

Алексей Опарин

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Из цикла «Лирическое интермеццо»

* * *

В горах за северным краем,
На голом склоне крутом
Чуть дремлет кедр одинокий,
Стеснённый снегом и льдом.

И грезится кедру пальма,
Принцесса знойной страны,
На раскалённом утёсе
В свои погружённая сны.

* * *

Старинные напевы!
Как ручейки весны,
Спускаетесь ко мне вы
Из сказочной страны,

Где так заврожённо
Цветёт и пахнет сад,
И лилии влюблённо
Друг на друга глядят;

Где слаженно и чисто
Ветвистый хор поёт,
И искрой золотистой
Родник бурливый бьёт,

И ты замрёшь, пленённый
Согласьем голосов,
Душою вознесённый
До вышних облаков!

Ах, если б можно было
Очнуться в той стране –
Чтоб сердце грусть забыло,
И легче стало мне!

Увы... такое счастье
Мне явит только сон.
Под новой утра властью,
Как пена, тает он.

* * *

Как ушла ты дальше всех,
Недоступен стал мне смех.
Клоун клоуна волок —
Улыбнуться я не мог.

Как тебя я потерял,
Я и плакать перестал;
Был от боли я без сил,
Но слезы не проронил.

* * *

Нарядные мещане,
Приятно же вам гулять
И глупыми речами
Природу восхвалять:

«Не правда ль, романтично
Цветение садов,
Не правда ль, мелодично
Чирикание воробьёв?»

Но я завесой чёрной
Задёргиваю окно,
И, призракам покорный,
Лишь чувствую одно:

Любовь, из царства мёртвых
Спустилась ко мне домой,
Садится рядом, плачет
И дух чарует мой.

* * *

Юноша девушку любит,
А та другим увлеклась;
Другой же влюбился в другую,
И свадьба у них удалась.

Девушка вышла по злобе
За первого, встречного ей,
И вот уже юноша плачет
О горькой жизни своей.

Стара как мир эта тема,
И так же, как мир, молода...
И сердце изранено, если
С ним вышла такая беда.

Из цикла «Возвращение домой»

* * *

Как изумрудные огни,
Твои глаза сияют.
Стократ блажен, кого они
С любовью привечают.

Горят рубины губ твоих
Нежней тюльпанов мая.
Стократ блажен, кто тонет в них,
Словам любви внимая.

И что-то в сердце зажжено,
Как свет внутри опала;
Стократ блажен, кому оно
Свою любовь отдало!

Когда узнаю, кто он есть –
Неведомый счастливец! –
Дам тумачков ему не счастье,
Как истинный ревнивец.

* * *

Дождь, колкий снег и ветер
Схлестнулись на лету;
Сижу у окна в ненастье
И вглядываюсь в темноту.

Вон лучик одинокий
Помигивает, скользит;
Там мамочка по тротуару
С фонариком семенит.

В её корзинке яйца,
Мука и масла кусок;
Она для доченьки взрослой
Сейчас испечёт пирог.

А дочка греется в кресле,
В камин глядит без конца,
И кудри её золотятся,
Нежно касаясь лица.

* * *

Смешными малышами
Мы были, мой сынок;
Мы лазили в курятник –
В наш тайный уголок.

«Кукареку» кричали,
Проходим портя слух;
Те думали, что вправду
Заголосил петух.

А наш дворовый ящик
Мы превратили в дом,
Внутри его обклеив
Обойным полотном.

И гости с нетерпением
Скреблись туда теперь:
Соседской старой кошке
Мы открывали дверь.

Мы спрашивали кошку:
«Как, старая, живёшь?»
Но лишь ворчала Мурка,
Выкусывая вошь.

А с ней и мы ворчали, –
Что в наш-то век, небось,
Получше были люди,
Получше им жилось;

Что и любить, и верить
Мы все имели честь;
Что кофе стоил пфеннинг,
А пфеннингов – не счесть!

Прошли те наши игры...
Но оживут ли вновь
И пфеннинги, и кофе,
И вера, и любовь?

* * *

Пусть вихрится снег и рвётся,
Пусть он липнет, пусть он бьётся,
Барабани в окна, двери!
Не тужу ни коей мере,
Потому что есть другой
В сердце образ дорогой.

* * *

Застыв пред её портретом,
Я всматривался в глаза,
И вдруг они заблестели,
И покатилась слеза,

И оживились улыбкой
Глаза и кончики губ...
И мне показалось – любимой
Сегодня я дорог и люб.

И стал я плакать, и слёзы
Не прятал, не вытирал.
Никак не могу поверить,
Что я тебя потерял.

* * *

Мне снилось: печально глядела луна,
И звёзды печально мерцали;
В тот город меня унесло, где она
Жила, не зная печали.

И вот её дом, вот ступеньки крыльца,
Я обнял камень застылый –
Бывало, он радовался без конца
Кокетливым туфелькам милой.

А ночь была холодна и длинна,
Был глух и холоден камень,
И лунным сиянием озарена
Фигура в оконной раме.

* * *

Когда лежу, и манит
Меня ночной покой,
Я вижу ясный образ,
Парящий надо мной.

Когда бубнит дремота,
Диктует свой закон,
Всё тот же ясный образ
Спускается в мой сон.

А утром блики солнца
Рассеивают тень –
Тогда я в тёплом сердце
Ношу его весь день.

* * *

Ужель холодок моего лица
Не выдаст моей печали?
Ты требуешь, чтобы мои уста
Словами о ней рассказали?

Но эти уста непомерно горды,
Им всё – поцелуи да шутки!
И в час моей смерти найдутся у них
Какие-нибудь прибаутки.

* * *

Они любили друг друга,
Скрывая чувства свои;
Они были злы друг на друга
И гибли от чар любви.

Они расстались друг с другом
И виделись только во сне,
Давно умерев... но и это
Им не было ясно вполне.

* * *

Отречься давно уже мне пора
От глупого наследия;
У нас с тобой это всё – игра,
Наскучившая комедия.

В ней образ действий, чувств, вещей
Исполнен чистой романтики,
В гербе на рыцарском плаще
Горят золотые кантики.

Но полно! конечный уж пробил час
Пустячному наследию,
А мне всё кажется – я и сейчас
Разыгрываю комедию...

Ах, боже! я сердце своё открывал
В позёрстве, в помутнении;
Я вечного рыцаря играл
В смертельном его ранении.

Перевод с немецкого

ЛИТЕРАТУРА И ЧЁРНАЯ СОТНЯ Фрагмент из книги «Братья Катаевы»¹

Редко кто знает о своем призвании с детства. Скажем, Женя Катаев, видимо, и представить себе не мог, что станет одним из самых популярных русских писателей XX века – Евгением Петровым, соавтором Ильи Ильфа. Нет, Женя Катаев мечтал стать музыкантом. А Валентин с детства знал, что станет писателем. И верил в успех. «Когда, например, мне было девять, я разграфил школьную тетрадку на две колонки, подобно однотипному собранию сочинений Пушкина, и с места в карьер стал писать полное собрание своих сочинений, придумывая их тут же все подряд: элегии, стансы, эпиграммы, повести, рассказы и романы. У меня никогда не было ни малейшего сомнения в том, что я родился писателем»,² – утверждал Валентин Катаев.

Многие начинают писать в детстве, но редко кто в детстве печатается. Валентин впервые напечатался в тринадцать лет. Однажды он принес в школу свежий номер газеты «Одесский вестник» и прилепил его к двери класса. В газете было напечатано его стихотворение «Осень».

*Холодом дышит природа немая,
С воем врывается ветер в трубу,
Желтые листья он крутит, играя,
Пусто и скучно в саду.*

Катаев хотел, чтобы прочитал весь класс, вся гимназия! Хотя это сулило неприятности. Гимназистам было запрещено печататься в газетах, а счастливый Валя не стал скрываться за псевдонимом. Первая публикация, первая слава – пока что среди одноклассников. Это было в 1910 году. Он дебютировал как поэт, но с 1912 года писал и рассказы. Два, «Пробуждение» и «Тёмная личность», вышли отдельными изданиями. Это в пятнадцать лет! Хотя Валентин был от природы смелым мальчиком, мог быть и нахальным, но все же ему было поначалу страшно одному ходить по редакциям. Тогда он брал с собой братика Женю, вдвоём – веселее. Женя, по мере сил, сопротивлялся. Он ещё не думал о редакциях и публикациях. Но Валентин повелительно говорил: «Женька, идем в редакцию!»

Они, очевидно, приходили в дом Навроцкого на Ланжероновской, 8, где размещалась редакция популярной либеральной газеты «Одесский листок». Или в редакцию старой ежедневной одесской газеты «Южная мысль», которая выпускала иллюстрированное еженедельное приложение.

И в редакцию «Одесских новостей» (там его не напечатали, правда). Начинающих авторов редко окружают вниманием и заботой. Газетчикам не до них.

– Стихи? Отлично. Оставьте. Приходите через две недели. Рукописи не возвращаем.

Но публикации все же начали появляться одна за другой.

Ободренный первыми успехами, Валентин посылает свои стихи и короткие рассказы в петербургские издания. В 1914-м он напечатался в еженедельном литературном и научно-популярном журнале «Весь мир». По словам переводчика и поэта-акмеиста Всеволода Рождественского, это был «совсем грошовый еженедельник, в бледно-кирпичной обложке с изображением земного шара, обвитого, как змеей, какой-то символической лентой». «Весь мир» «составлял любимое чтение швейцаров, трактирных сидельцев, мелких канцеляристов. Там печатались коротенькие рассказы с незамысловатой психологией и упрощенным сюжетом. В изобилии были представлены фотографии на международную и отечественную злобу дня, щедро и без излишней щепетильности настриженные ножницами из русских и иностранных источников. Редакция то и дело судилась по обвинению в плагиате и всегда умудрялась выходить сухой из воды».³ Баронесса Софья Таубе, которую мемуаристы называют издателем этого журнала⁴, принимала к печати рукописи начинающих и малоизвестных авторов, которые не требовали больших гонораров и были счастливы, если просто видели свое имя в журнале. По словам Георгия Иванова, и сама Софья Ивановна «писала стихи и печатала их под псевдонимом в собственном журнале».⁵ Так что столичный дебют Катаева был довольно скромным. Но вскоре он напечатался в журнале более престижном. В том же 1914-м издатель Михаил Алексеевич Суворин, сын медиа-магната и друга А.П. Чехова, начал издавать тонкий (от 18 до 26 страниц) иллюстрированный литературный журнал «Лукоморье». Тоже еженедельный.

Читателя там не нагружали большими текстами. Картинок много, почти как в современном глянцево-м журнале. Их тематика – от фотографий мужественных и героических солдат Антанты до репродукций икон, от карикатур до изображения полуголых и совершенно голых дам. Но самое примечательное – репродукции Бориса Кустодиева, Ивана Билибина, Мстислава Добужинского, Георгия Нарбута, Ильи Репина, Константина Сомова. Тексты небольшие, на одну-две, реже на 3-4 странички, чтобы читатель не заскучал. Зато какие имена! Журнал платил хорошие гонорары, так что мог привлекать известных прозаиков и поэтов. Постоянными авторами «Лукоморья» были Георгий Иванов, Михаил Кузмин, Сергей Городецкий. Не раз печатались Алексей Ремизов, Илья Эренбург. Изредка – Николай Гумилев, Константин Бальмонт, Александр Грин. В эту компанию попал и восемнадцатилетний тогда Валентин Катаев. В 11-м номере за 1915 год появилось его стихотворение.

*Теплый, тихий, ясный вечер
Гаснет в поле над буграми;
Сквозь кадилый сумрак свечи
Жарко тлеют в темном храме.
Сквозь кадилый сумрак лица
Смотрят набожней и строже.
Чуть мерцает плащаницы
Тонко вытканное ложе.⁶*

Стихи напечатаны под рисунком собора Святого Юра (святого Юрия) во Львове, главного храма греко-католической церкви. В то время Львов был занят русскими войсками, а собор отдан православной церкви. Так что православным стихам Катаева редакция журнала придала особое значение и политический смысл. Такого или схожего рисунка не было, скажем, рядом со стихотворением Георгия Иванова «Снега бурют, тая», напечатанном в том же номере «Лукоморья». В этом журнале Катаеву удалось напечататься лишь однажды. Зато он регулярно публиковался в «Одесском вестнике». В ту пору это была газета Одесского отделения Союза русского народа. В просторечии членов этого Союза называли или «союзниками», или, чаще, «черносотенцами». Катаев дебютировал там стихами вполне аполитичными. Но быстро сориентировался и начал предлагать изданию стихи, которые соответствовали идеологии этой газеты.

*Взошла для нас заря...
Колени преклоните
И в любящей душе
Молитву сотворите:
«Храни Господь Россию и Царя».⁷*

Это цитата из стихотворного приветствия «Союзу русского народа в день его семилетия». Причем годом раньше Катаев уже поздравлял Союз русского народа этим же стихотворением. В 1913-м он лишь слегка его подправил.

У Катаева в СССР было много недоброжелателей, которые, конечно же, не могли пройти мимо такого «компромата» на чересчур успешного советского писателя.

Тем более, что публикации в черносотенной газете секретом и не являлись. Даже в «Краткой литературной энциклопедии» говорилось: «Выступил в печати со стихами в 1910 (стих. «Осень» в газ. «Одесский вестник»)».⁸

А дальше оставалось только выяснить, что это за газета и поискать ее подшивку. Нашел эти публикации и один из первых биографов Евгения Катаева-Петрова – Яков Соломонович Лурье.⁹ Под псевдонимом А.А. Курдюмов он напечатал в Париже книгу «В краю непуганых идиотов».

Конечно, он не только процитировал стихотворение, снабдив его ироничным комментарием,¹⁰ но и подсчитал, что Катаев успел опубликовать в «Одесском вестнике» двадцать пять стихотворений. А ведь Катаев печатался ещё в одной черносотенной газете – «Русская речь». Даже Сергей Шаргунов, писавший о Катаеве с симпатией, а порой и с пиететом, не удержался от насмешки.

Из книги Сергея Шаргунова «Погоня за вечной весной»: «Когда в романе “Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона” он пишет: “Генеральша варила варенье, а генерал сидел в бархатном кресле и читал черносотенную газету “Русская речь””, хочется поинтересоваться – уж не со стихами ли юного Вали?»¹⁰

Газету «Русская речь» издавало одноименное общество. Его учредителями были русские люди разных сословий: потомственные дворяне (видимо, не служившие), несколько чиновников, присяжный поверенный, крестьянин и мещанин. Цель общества и газеты – «содействовать образовательному, нравственному развитию и просвещению русского народа в духе преданности Святой православной Христовой церкви, Самодержавному монархическому государственному строю Российской Империи, народным бытовым началам, подъему духовных и экономических сил Русского Народа, а также противодействовать противогосударственным, социалистическим и революционным лжеучениям».¹² В параграфе 11-м 3-й части устава говорилось, что «евреи, лица иудейского происхождения и принадлежащие к иудействующим сектам, в число членов Общества не принимаются».¹³

У газеты выходило небольшое, компактное иллюстрированное приложение, где Катаева нередко печатали даже на первой полосе. Например, 6 января того же 1913 года простенькие, наивные стихи о зиме и «милом дедушке морозе».¹⁴ 20 января – о любви.¹⁵ 10 февраля – стихотворение в прозе «Русская песня».¹⁶ В этом же иллюстрированном приложении печатался будущий большевик Владимир Нарбут.¹⁷

Шаргунов, а еще прежде Лурье цитировали одно особенно яркое стихотворение юного Валентина Катаева, напечатанное «Одесским вестником» 19 ноября 1911 года.

Его часто цитируют и в интернете, делают перепосты, обсуждают снова и снова тему: был ли Катаев антисемитом?

ПОРА

(Посвящается всем монархическим организациям).

*От сна ты, Россия, проснись.
Довольно веков ты дремала,
Пора же теперь, оглянись!
И племя Иуды не дремлет,*

*Шатает основы твои,
Народному стону не внемлет
И чтит лишь законы свои.
Так что ж! неужели же силы,
Чтоб снять этот тягостный гнет,
Чтоб сгинули все юдофилы,
Россия в себе не найдет?
Чтоб это тяжелое бремя
Нам гордо ногами попать
И снова, как в прежнее время,
Трехцветное знамя поднять!*

Катаеву было тогда всего четырнадцать лет. Евреев в Одессе много, но они не входили в его круг общения. Он видел еврея-торговца, еврея-газетчика, иногда заглядывал на Молдаванку. Катаев тогда ими не особенно интересовался. Зато он внимательно читал одесские газеты и учитывал вкусы издателей.

Вскоре Валентин Катаев познакомится с евреями поближе. Это будут молодые одесские поэты – Семен Кесельман, Александр Биск, Анатолий Фиолетов (Натан Шор), Эдуард Багрицкий. Знакомству поспособствовал Пётр Моисеевич Пильский. Друг Куприна еще по Московскому Александровскому военному училищу, он был более всего известен как публицист, литературный критик и организатор публичных выступлений: популярных лекций, поэтических вечеров и т.п. По словам Катаева, это был «развязный и ловкий одесский фельетонист и законодатель литературных вкусов».¹⁸ «Пильский был темпераментный и бойкий писатель, отлично владевший пером, но брETER, самохвал, забияка, кабацкий драчун», – писал о нём Корней Чуковский¹⁹. Пильский много писал и много печатался. Даже в литературной критике находил темы, которые не могли не заинтересовать читателя. Его вторая книга называлась «Проблемы пола, половые авторы и половой герой» (СПб., 1909). Все вокруг обсуждали арцыбашевского «Санина». Пильский написал там и об Арцыбашеве, и о Кузmine, и о Бальмонте. Одна из публичных лекций Пильского называлась «Измена женщины и месть мужчины».

Однажды Пильский, видимо, в очередной раз решил немного подзаработать и запустил такой проект. Он опубликовал в газете «Маленькие одесские вечерние новости» приглашение на «Вечер поэтов». По словам Катаева, пришло более тридцати поэтов. В объявлении названы имена пятнадцати. Очевидно, было и немало зрителей. Их должна была развлекать «любимыми публикой романсами» певица Ася Яковлева. 12 июня объявление о вечере поэтов напечатала и популярная газета «Одесские новости». Именно этот «вечер» литературоведы считают началом «южно-русской литературной школы».

В этот же день (15 июня по старому стилю – 28 июня по новому) в Сараево сербский юноша убил наследника австрийского престола Франца-Фердинанда. Разумеется, в курзале Хаджибейского лимана об этом ещё не знали и о большой политике не думали.

Катаев оставил великолепное описание вечера в очерке «Встреча», впервые опубликованном в альманахе «Эдуард Багрицкий» (1936 год). Лучше Валентина Петровича не написать, но несколько неточностей надо исправить. Катаев датирует вечер 1913 годом, но объявление в «Маленьких одесских новостях» появилось 27 мая 1914-го, а вечер состоялся 15 июня 1914-го. Катаев пишет, будто поэтический вечер состоялся в Одессе, в помещении «местного литературно-артистического клуба». На самом же деле он состоялся даже не в Одессе, а в курзале Хаджибейского лимана.²⁰ То есть проходил на курорте к северо-западу от города. Катаев писал, будто Пильский позже возил самых талантливых поэтов «по увеселительным садам и дачным театрам». На самом же деле, до начала Мировой войны успели провести только ещё один вечер – 1 июля «в дачном театре на 16-й станции Большого Фонтана».²¹ Катаев, избегая документальной точности, передает настроение последних предвоенных недель, когда поэты знакомились друг с другом и читали стихи со сцены. Состоятельные дамы и господа, располагавшие деньгами на досуг, «сидели на фонтанах и лиманах по горло в теплом бульоне июльского моря». Лавки торговцев фруктами «ломались под тяжестью бананов, ананасов, кокосов. В маленьких бочонках, покрытых брусками сияющего искусственного льда, плотно лежали серые бородавчатые раковины остендских устриц».

В собрании поэтов преобладали, как всегда, графоманы, эпигоны великих (Пушкин), еще недавно модных (Надсон) и самых модных (Северянин) поэтов. Это был «курьезный парад молодых подражателей, взволнованных, вспотевших, полных то чрезмерного заемного пафоса, то беспредельной грусти, совершенно неоправданной ни летами, ни цветущим состоянием здоровья!» В президиуме вместе с Пильским сидел поэт Семен Кесельман.

Он был достаточно известен, печатался в одесских изданиях. Несомненно, Кесельман уже на правах мэтра прочитал и свои стихи. Возможно, вот эти, только что написанные. Они как раз гармонировали со временем года и с атмосферой курорта.

*Из темных складов, пряный и густой,
Дурманит запах чая и корицы,
Где в ящиках, измазанных смолой,
Краснеет груз марсельской черепицы.
На площади, где блещет легкий день,
В кофейне у стеклянной галереи
Сошлись торговцы – греки и евреи,
Вкушать в тени полуденную лень.*

Семен Кесельман, «Старая Одесса»

Среди собравшихся поэтов был великовозрастный ученик реального училища. Внешностью он походил на молодого биндюжника, то есть ломового извозчика из евреев Молдаванки. У него не хватало одного из передних зубов. Щеку обезобразил шрам, который позже, после Гражданской войны, девушки будут принимать за след от удара шашки – белогвардейской, петлюровской, махновской или польской. Хотя это был то ли след от фурункула, то ли шрам от бытовой травмы, полученной в далеком детстве.

Молодой человек разговаривал не просто с еврейским акцентом. Нет, он говорил особым «жлобским» голосом, каждое слово произнося с «величайшим отвращением», «как бы между двух плевков через плечо». Так разговаривали «уличные мальчишки, заимствующие манеры у биндюжников, матросов и тех великовозрастных бездельников, которыми кишел одесский порт». Его вызвали читать стихи. Тогда Катаев и услышал псевдоним этого молодого человека с Молдаванки – Багрицкий. Псевдоним показался претенциозным и едва ли не графоманским. Но вот он начал читать то ли небольшую поэму, то ли стихотворение под названием «Корсар».

*Нам с башен рыдали церковные звоны,
Для нас поднимали узорчатый флаг,
А мы заряжали, смеясь, мушкетоны
И воздух чертили ударами шпаг!*

«Слова “чертили ударами шпаг” он подкреплял энергичными жестами, как бы рассекая по разным направлениям балаганный полусвет летнего театра воображаемой шпагой, и даже как бы слышался звук заряжаемых мушкетонов, рыдание церковных звонов с каких-то башен», – вспоминал Катаев.

Это было подражание Николаю Гумилеву, но одесские поэты Гумилева еще не успели прочитать, поэтому стихи произвели сильное впечатление. Впрочем, тот же Пильский подолгу жил в Петербурге, но стихи понравились ему настолько, что он тут же пригласил Багрицкого в президиум.

Со временем Катаев лучше узнает Эдуарда Багрицкого (Дзюбина). Будет даже покровительствовать поэту, больному бронхиальной астмой и вообще плохо приспособленному к жизни.

За грозной внешностью гладиатора Катаев найдет «дешевую позу». Но тогда, в 1914-м, стихи Багрицкого казались «недостижимо прекрасными, а сам он гением».²²

Вернувшись в Одессу, Катаев и Багрицкий будут еще долго гулять (Катаев пишет проще – «шляться») по городу, среди «южных франтов в жёлтых ботинках и панاماх», и читать друг другу свои стихи.

Национальные стереотипы никак не повлияли на Катаева, он и не вспомнил про «Иуд», которые «шатают основы».

Не вспомнит Валентин о них и в мае 1921-го, когда женится на еврейке Людмиле Гершуни. Этот брак не продержится долго, другое дело – женитьба на Эстер Бреннер в 1935-м.

Не знаю, как Эстер, но её мама, тёща Катаева, даже в тридцатые годы ходила в синагогу. Валентин Петрович проживет с Эстер до конца своей жизни, а его дети, насколько я понимаю, могут считаться галахическими евреями.

¹ Книга готовится к печати в Редакции Елены Шубиной (АСТ).

² Цит. по: Шаргунов С.А. Катаев: «Погоня за вечной весной». М.: Молодая гвардия, 12016. С. 22.

³ Рождественский В. В доме искусства // <http://grin.lit-info.ru/grin/vospominaniya/rozhdestvenskij-v-dome-iskusstv.htm>

⁴ В выходных читаем, что журнал издается акционерным обществом «Слово».

⁵ Иванов Г. Петербургские зимы. Фрагменты, не вышедшие в книгу // Иванов Г. Собр. соч.: в 3 т. М.: Согласие, 1994. С. 198.

⁶ Лукоморье. 1915. № 11. С. 3.

⁷ Одесский вестник. 27 января 1913 года.

⁸ Воронова О. П. Катаев В.П. // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А.А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962–1978. Т. 3: Иаков – Лакснесс, 1966. Стб. 436–438.

⁹ Яков Лурье (1921–1996) – выдающийся российский медиевист, историк и филолог, один из крупнейших советских источниковедов.

¹⁰ Курдюмов А.А. В краю непуганых идиотов. Paris: La Presse libre, 1983. С. 40–42.

¹¹ Шаргунов С.А. Катаев: «Погоня за вечной весной». С. 30.

¹² Устав общества «Русская Речь» в Одессе. Одесса: Тип. «Русской Речи», 1911. С. 4.

¹³ Устав общества «Русская Речь» в Одессе. Одесса: Тип. «Русской Речи», 1911. С. 7.

¹⁴ Русская речь. Бесплатное иллюстрированное приложение. 1913. 6 января. С. 1.

¹⁵ Русская речь. Бесплатное иллюстрированное приложение. 1913. 20 января. С. 1.

¹⁶ Русская речь. Бесплатное иллюстрированное приложение. 1913. 10 февраля. С. 1.

¹⁷ Нарбут В. Метаморфоза // Русская речь. Бесплатное иллюстрированное приложение. 1913.

¹⁸ Катаев В.П. Встреча // Катаев В.П. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. С. 392.

¹⁹ Чуковский К.И. Современники // Чуковский К.И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 5. / Сост., коммент. Е. Чуковской. М.: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. С. 93.

²⁰ Шаргунов С.А. Катаев: «Погоня за вечной весной». С. 39.

²¹ Луцки С. У истоков южно-русской литературной школы // Дерибасовская-Ришельевская. 2002. № 10. С. 195–196.

²² Катаев В.П. Алмазный мой венец // Катаев В.П. Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1984. С. 22, 23.

И ГДЕ ГАРАНТИЯ?..

*Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет...*

А.Галич. Кадиш (памяти Януша Корчака)

Когда много говорят и спорят о том, легко ли сохранить порядочность и не сделать никому ничего дурного, если над тобой или над близкими твоими нависла угроза... Если все вокруг тебя непредсказуемо, а сам ты – не кто иной, как заложник, и для выхода на свободу все средства хороши... Сама я в таких спорах обычно не участвую, ничего не говорю и никого не осуждаю. Я просто вспоминаю два невыдуманных случая.

Первый случай – из жизни одной моей знакомой. Ей не повезло в детстве: она была маленькой, а отца уже успели расстрелять. Мать, правда, осталась в живых, но её арестовали. Энкавэдэшники работали с матерью по всем правилам, требовали на каждом допросе рассказать и подписать целый ворох разных небылиц, а то...

– А то, – убедительно говорили сотрудники НКВД, – а то мы расстреляем вашу дочь! Вам что, совсем её не жалко? Ну и мамаша вы, однако...

Ответ матери был неизменным – всякий раз.

– А где гарантия?

– Какая еще гарантия?

– Гарантия того, что вы ничего не сделаете с моей дочерью, если я расскажу и подпишу все, что вы требуете! Она есть, гарантия эта, а?

На этом разговор, как правило, заканчивался, и начинались другие, более жуткие действия.

С дочерью, к счастью, окончательно не расправились, оставили в живых. Сначала она попала в детдом, а позже, во время войны, – в эвакуацию.

Мать прошла все круги лагерного ада, после смерти Сталина ее благополучно реабилитировали, и удалось разыскать дочь, а потом поделиться с ней вот этой историей.

И дочь матерью гордится. Есть за что.

А второй случай – из жизни моего деда Абрама.

Дед мой был слесарем-инструментальщиком и работал на московском заводе. Сейчас это завод имени Хруничева, а в тридцатые годы он звался Авиационным Орденоносным заводом номер 22. На этом заводе делали не только пассажирские самолеты, но и самолеты-разведчики, истребители, пикирующие бомбардировщики...

Короче, все необходимое на случай «Если завтра война».

Дед с бабушкой проживали в коммуналке, и в этой же коммуналке, как ни странно, жил один инженер, большой начальник с того же завода. Видимо, отдельных квартир на крупных специалистов не хватало.

Тем не менее, дед-рабочий и его сосед-инженер жили вполне дружно. Когда люди заняты работой, ссориться некогда. Но пришел тридцать седьмой год, и кто-то там у кормушки власти решил, что поссориться с этим инженером необходимо. Ишь ты, какая важная шишка нашлась, а сам, небось, шпион, продает наши советские секреты на проклятый Запад. Враг народа, короче, и жизнь его ожидает такая, какой самому страшному врагу не пожелаешь.

Сотрудники НКВД пришли с ордером на арест в квартиру, где жили дед Абрам с бабой Полей и этот инженер.

Всё прошло довольно быстро, специалиста с авиационного завода уже собирались выводить из квартиры, из дома, сажать в «черный ворон»...

Но нужна была еще одна формальность – последняя.

– Гражданин Гуревич, – обратился к деду Абраму один из чекистов. – Подпишите вот этот документ. Здесь написано, что ваш сосед – враг народа. И вы своей подписью подтвердите нашу правоту!

Дед Абрам внимательно посмотрел в глаза чекисту. Затем обвел взглядом других энкавэдэшников.

– Может быть, вам он и враг, – спокойно сказал дед. – Мало ли что могло у вас произойти, я ж ничего не знаю. Но только мне этот человек – друг. Поэтому я ничего подписывать не буду.

– То есть как это – не будете? Вы обязаны подписать!

Глаза чекиста налились кровью, но деда это не шибко испугало. Он все-таки прошёл всю гражданскую войну, служил в кавалерии, скакал на коне, умел управляться с шашкой...

– Может, я и обязан. Но подписывать не буду.

Чекист, чуть не задохнувшись от гнева, злобно взглянул на деда.

– Ну-у... Ну, гражданин Гуревич! Это наше последнее слово. Подписывайте немедленно!

– Ничего я не буду подписывать, – все тем же спокойным голосом ответил дед Абрам. – И это моё последнее слово.

Энкавэдэшники ушли, увели с собой арестованного инженера – большого начальника с Авиационного Орденоносного завода номер 22.

Бабушка Поля могла не подниматься с табуретки – пачка «Беломора» и спички лежали на подоконнике, совсем рядом. Протяни руку – можно взять папиросу и закурить.

Но она все-таки встала, высыпала в мусорное ведро пепел и все окурки, оставленные чекистами, потом тщательно вымыла после них пепельницу и протерла её досуха.

А закурив, сказала:

– Абрам! Ты понимаешь, что могут теперь прийти за тобой?

Бабушка всегда была немногословной, а дед Абрам, наоборот, любил поговорить. Но на этот раз ответ деда оказался короче вопроса бабушки.

– Полишек! – сказал дед. – И где гарантия?

– Какая гарантия, Абрам?

– Гарантия, что за мной не пришли бы, если б я подписал?

– Нет гарантии...

– Нет, конечно! Полик, её нет. И за тобой тоже могут прийти...

Дед Абрам с наслаждением затыкнулся «беломориной».

Чтобы как-то отвлечься от всего услышанного, увиденного и пережитого, баба Поля (Полишек, Полик, как всегда называл ее дед) начала немедленно собирать сумочки в тюрьму – для себя и для деда.

И она продолжала собирать эти сумочки несколько месяцев – аккуратно и неторопливо. Бабушка уложила туда чай, сахар, соль, белые сухари, туалетное мыло. Неизменные любимые папиросы – «Беломор» – и спички. Смену белья, носки, порошок и зубные щетки.

Она рассказывала мне, когда я была маленькой, – как собирала сумки в тюрьму, а тридцать седьмой год все катился да катился, перекачивался колесами «черных воронок», грохотал лифтами, скрипел ступеньками...

Каждую ночь дед и бабушка просыпались от сигнала какой-нибудь случайной машины и ждали в напряжении – за ними, да? Постучат сейчас в дверь, переедет «черный ворон» их маленькую жизнь? А то все уже в дорогу собрано...

Но никто за ними так и не пришел.

А через четыре года случилось нечто совсем уж интересное.

Инженера того освободили.

Выпустили из лагеря, сняли все обвинения и полностью реабилитировали.

Потому что началась война. И неожиданно оказалось, что техническая грамотность куда важнее грамотности политической.

А моральная устойчивость вообще не идет ни в какое сравнение с устойчивостью конструкции самолета.

И, если какой-нибудь политически грамотный и морально устойчивый специалист вдруг ошибется в расчетах, то ведь, как бы это поприличнее сказать...

Спикирует бомбардировщик непонятно куда и на кого, а тут уж не спасёт даже преданность родине и лично товарищу Сталину.

Короче, инженера (который был и в самом деле первоклассным специалистом, знавшим превосходно свое дело) взяли под белы руки, отмыли, накормили и доставили прямиком на Авиационный завод – только не в Москву, а в Казань.

Завод как раз туда эвакуировался.

Дед тоже к тому времени перебрался в Казань вместе с семьей, работал на заводе не за страх, а за совесть. Ни одного выходного – за четыре года войны.

Там, в рабочей суете – он увидел, что инженер вернулся.

И с удовольствием посмотрел ему в глаза.

Почему-то кажется мне, что и сам инженер, крупный специалист по авиационным конструкциям, радостно и открыто посмотрел в глаза деду Абраму – когда-то соседу, сейчас сотруднику, и всегда – верному другу.

Вот и вся история. Лишь одна мысль не оставляет меня: и где гарантия, что нам не придется когда-нибудь посмотреть в глаза тем, кого мы однажды предали?

От кого отrekliсь, с кем разорвали отношения, пусть и во имя благой цели?

Нет такой гарантии...

Сергей В. Волков

* * *

Бессонница, запекшиеся лица,
Вчерашний в полудреме перегар,
И лунный свет сочится сквозь ресницы,
И в тишине бесчинствует комар.

Мы этот хлеб глотаем, как наследство
От суток прожитых и пробитых часов,
Из темной комнаты, спугнувшей наше детство,
Мы слышим эхо наших голосов.

Трамвайный грохот уличного боя,
Тяжелый сон навьюченных мозгов...
А ты дрожишь от близости покоя,
И кожей чувствуешь сужение кругов.

Но обойтись хочу я без истерик –
Писатель крупный, гвардии корнет.
Уже прошло открытие Америк,
Остыла кровь, есть время, смерти нет.

* * *

А я церковно-приходской
Принадлежу известной школе.
И отираюсь я в людской,
Покуда нету ветра в поле.

А что вокруг, какой там круг –
Видней Вергилию с Энеем.
Мне Алигьери верный друг,
Мы стынем с ним и пламенеем.

На свете есть один ответ,
И он с вопросом неразлучен.
Местами вижу я рассвет,
Но крепко верю только тучам.

Оно надежней и верней,
Когда уже видны итоги...
Я не отстану от корней,
И прочь пошли с моей дороги!

* * *

Умер Рыжий, преставился Новиков,
Новый круг обрели времена...
Слышно карлов и прочих людовиков,
Только есть и твоя сторона.

Ты пройдешь непролазными тропами,
На земное присутствие скуп.
Вместе с ветром, и рядом с сугробами,
Мокрый снег отирающий с губ.

* * *

Владимиру Мисюку

Звучала музыка все глуше,
И так болела голова...
Но произнес, и сделал лучше
Простые самые слова.

Кто до конца не верил в Бога,
Не верил, судя по всему.
Кому была одна дорога,
Одна, доступная ему, —

Тот и Георгий наш Иванов,
И черный крест, и чистый свет,
Что был разлит в краю туманов,
И без него России нет.

* * *

Моя жена ушла к поэту —
Как я завидую ему!
Все хорошо, но денег нету,
И даже знаю, почему.

Но не впадаю я в расстройство —
Где потеряешь, там возьмешь...
Товарищ, не играй в геройство,
А то по звездам не пройдешь.

Но мы без бою не сдадимся...
Умрем в классической борьбе,
Знакомством с Блоком мы гордимся,
Но пишем сами по себе.

* * *

Е.С.

Выставь нынче, друх мой Лена,
Полукрасного вина.
За Вийона и Верлена,
За Рембо, и все до дна,
Пусть встают под наше знамя
Город, речка и пленэр,
Шарль Бодлер, ей-богу, с нами,
И Гийом Аполлинер.

А за Китса, Лен, налей-ка
Золотого вискаря,
И за Бернса, и за Блэйка,
И за лорда-бунтаря.
Правда есть в ячменных зернах,
Только в правде смысла нет,
Вот и мрет в краю озерном
Всякий мыслящий поэт.

За Камозенса – портвейну,
А за Гете только шнапс.
Пива выкати за Гейне,
Слезы чистые за нас,
Но Бориса и Дениса
Прежде прочих помяни –
Чтоб тянуло нас с карниза,
Много сделали они.

* * *

Тишина – пространство из молчанья
Для тебя как будто создана.
Льется ночь прохладой ожиданья
В горлышко открытого окна.

Как холмы, вздымаются колени,
В складки одеяла лег туман.
Наряжу тебя в цвета и тени,
А слова – они один обман.

Как бы ни стояли ударенья,
Сколь бы виртуозным ни был слог,
Все равно, венец стихотворенья –
Белое пространство между строк.

* * *

А ты со мною помечтай,
Но лучше Блока почитай:
Поскольку вышло так, что Блок
Эпиграф нам и эпилог.

Я там с тобою постою,
Где непрерывно создаю,
И серый зонт под цвет дождя
Беру, под небом проходя.

* * *

Мне стихи не давались, однако,
Я хватал их с чужого стола,
И высасывал сладкую мякоть,
И вгрызался в азы ремесла.
И чужою насытившись силой,
Проклиная свою тишину,
Я вытягивал душу и жилы,
И сплетал их в тугую струну.
И равненье держал я направо,
Где могли бы свистеть соловьи...
Но преследуют горе и слава,
И глаза закрывают мои.

* * *

Мы с тобой на веранде,
Как в ночи мотыльки.
Абордажной команде
Приготовить крюки!
Докурю, и приступим –
Мы одни и вдвоем,
И немного пригубим,
А потом и пропьем.
Я из рода Дантеса –
Жорж, быть может, Эдмон,
И грозой из-за леса
Занят весь небосклон.
Нет у нас перспективы,
И на случай такой
Две плакучие ивы
Отразились рекой.

Евгений В. Лукин

«МЫ ПРОСИЛИ МНОГОГО ОТ ЖИЗНИ, НО СУМЕЛИ И ЕЁ ОТДАТЬ»

Восемь десятилетий назад, 2 сентября 1945 года, закончилась вторая мировая война. Тогда союзники – Советский Союз, Великобритания и США – одержали общую победу над нацистской Германией и милитаристской Японией. В эту победу внесли свой вклад и английские поэты, которые, как и их советские собратья по перу, достойно сражались с врагом. Многие из них пали смертью храбрых. Поэтому английские поэты, павшие на полях сражений, ныне почти неизвестны российскому читателю. Тот, кто отдал жизнь за торжество над всемирным злом, достоин всеобщей памяти. Стихи переведены на русский язык впервые.

Фрэнк ТОМПСОН (1920–1944)

Фрэнк Томпсон учился в Оксфордском университете, где вступил в Коммунистическую партию. С началом войны ушел добровольцем в британскую армию. Для установления связи с болгарскими партизанами в январе 1944 года был сброшен на парашюте в Северной Македонии, схвачен жандармами и после пыток расстрелян в ночь на 10 июня 1944 года.

ЭПИТАФИЯ

Тот, кто видит голубые дали,
Кучевые видит облака,
Обратится тот к земной печали,
Лишь услышит гром издалика.

Так и мы, чья жизнь – в мечтах былинных,
Чьи сердца пылали и цвели,
Оставляя книги на вершинах,
Гордо в сумрак смерти низошли.

Но не надо скорбных слез на тризне!
Радость на камнях должна сверкать.
Мы просили многого от жизни,
Но сумели и ее отдать.

Сидни КЕЙС (1922 – 1943)

Сидни Кейс учился в Оксфордском университете, но, прервав учебу, поступил добровольцем в британскую армию. Был направлен в Северную Африку. Сражался на Тунисском фронте. Погиб в бою 23 апреля 1943 года, прикрывая отступление своего взвода.

НАПУТСТВИЕ

Грохочет барабан – в поход зовет
К земле обетованной и обильной,
Чтоб среди скал найти счастливый грот,
Взойти на золотую гору мира.

Мы юны, чтоб идти в такую даль,
У нас ни компаса, ни знаний, ни сноровки,
Ни даже веры – твердой, словно сталь,
Что двинула отцов на Север дальний.

Друзья, оставьте хлеб и отчий дом,
Доверьтесь целиком слепой надежде.
А кто засомневается потом,
Костями пусть ляжет в сумрачной пустыне.

Идите без оглядки – лишь вперед,
Держите курс на Эверест желанья.
Никто не завоюет тех высот,
Где только облака бредут стадами.

Там божества бессмертные живут.
И вам их ледяные отраженья
Отваги не заметить придадут
Усмешку горечавки или гальки.

Поют о смерти флейты на ветру.
Ступайте к полю битвы роковому
И без опаски встаньте на юру,
Взирая на заоблачную стену.

Вам ворон не пророк, а горе – не беда,
Быть может, здесь свою мечту найдете,
Но вы не обретете никогда
Ни Ханаан, ни золотую гору.

Алан ЛЬЮИС (1915 – 1944)

Алан Льюис окончил Манчестерский университет. С началом второй мировой войны поступил в Королевские инженерные войска и был направлен в Бирму. Принял участие в сражениях против Японии.

ТОВАРИЩ ПО ОРУЖИЮ

Мой дурачок, дружок мой весельчак,
В себе скрывая женскую любовь
И грубое неистовство мужчины,
Дозоришь ты далече, чем донельзя,
Чтоб обрести поближе то, что есть.
Пока ты странствовал без остановки,
Твой лик померкнул как хитон Христа,
От копоти обочин и траншей.

Мой дурачок, дружок мой весельчак,
Ты заповедные скрывая знаки,
Пшеничный хлеб, разъятый на куски,
И веточку непобедимой пальмы,
С каким врагом желаешь помириться,
Воинственным и беспощадным больше,
Чем древний бог суровых иудеев?

Когда в твоих ноздрах роятся пчелы
И мед сочится из твоих очей,
Исполненных неистойвой любви,
Ведущей только к разочарованью,
Какой обет должны мы дать тебе
За то, что ты не дорожил собой?

Найджел ВЕЙР (1919 – 1940)

Найджел Вейр окончил Оксфордский университет. В 1940 году поступил на службу в Королевские ВВС. Сбил 5 немецких самолетов, за что был удостоен ордена. Погиб 7 ноября 1940 года, когда в воздушном бою.

ВОЙНА

Когда цветы в моем саду поникнут,
Когда земля покроется ледком
И птицы от бескормицы погибнут,
Сражусь с врагом я в небе голубом.
И список смерти будет все длиннее,
Глаза привыкнут к боли и слезам,
Чем дольше буду драться, тем сильнее
Грустить по павшим преданным друзьям.

Кит ФУТТИТ (1922 – 1944)

Кит Футтит учился в Оксфордском университете, однако в начале второй мировой войны поступил в Королевские ВВС. Прошел летную подготовку в Канаде и США. Погиб 21 января 1944 года во время самого мощного налета британской авиации на Берлин.

ДВЕ ПАРЫ БАШМАКОВ

Давай задернем шторы
И свет приглушим тут.
Всё к празднику готово –
Случаен наш дебют.

Не будет репетиций,
Подсказок и кивков.
Оставим в коридоре
Две пары башмаков.

Когда бы час за часом
Тобой пленяться мог,
Я позабыл бы Бога
И яблочный пирог.

Когда б любовь разыграла
Симфонией весны,
Мы б возлюбили ближних,
И не было б войны.

Скажи мне, дорогая,
Что любишь ты меня.
Тебе оставлю сердце,
Навеки уходя.

Давай не станем медлить
И тратить лишних слов.
Уж чистят в коридоре
Две пары башмаков.

Перевод с английского

Евгений Степанов

КРУИЗ

В круиз по Средиземному морю я попал на халяву, не заплатив ни рубля.

Я тогда, в девяностые, работал в рекламном агентстве, мы разместили в газетах рекламу одной туристической фирмы, денег у нее не было – взамен «кеша» нам предложили путевку.

Я как один из начальничков подсуетился.

Поехал.

В каюте я оказался с «юношей» тридцати восьми лет, журналистом центрального московского издания, отправившимся путешествовать тоже по бартеру и с одной ярко выраженной целью: восполнить пробел в личной жизни – отдохнуть маленько от семьи.

Публика на корабле разделилась на несколько категорий.

Халявщики. Их от разных рекламных агентств и всевозможных изданий набралось немало.

Банкиры и другие предприниматели. Как говорит тетя Шура из соседнего подъезда – шпекулянты.

Бандиты.

Пожалуй, их на корабле находилось подавляющее большинство.

Если учесть, что вместе с ними ехал и весь обслуживающий персонал, как-то: девочки, артисты и т.д.

Артисты вроде бы работали для всех, но вместе с тем ни у кого не возникало сомнений относительно того, кто их, артистов, реальные хозяева. И кто заказывает музыку.

Такая, значит, тусовка.

Как постсоветские небедные граждане проводили на корабле время? Наверное, так же, как на суше. Пили, ели, танцевали, слушали песни, крутили романы, трахались, играли в рулетку, купались в бассейне...

Бандиты буравили суровыми взглядами мирных людей... Банкиры опасливо озирались по сторонам. В общем, каждый играл свою роль.

Мой компаньон вел себя корректно – из каюты выгонял довольно редко, ночью куда-то уходил, то есть спать мне давал. Стран посетили несколько. Испанию, Италию, Францию, Турцию...

Под конец путешествия они плавно слились в моем сознании в одно большое красивое пятно.

В какой-то единый курортный милый городишко.

А странный случай произошел на Корсике, на родине Бонапарта.

Я, как всегда, ни на какие экскурсии не поехал – я люблю ходить в городе один, иначе просто не успеть сделать хороших фотографий (это мое хобби), посетить то, что хочу именно я.

Так вот, когда все поехали на экскурсию в некое горное селение, где мэр – коммунист (догадываюсь, какая там жизнь!), я отправился на прогулку по Аяччо, столице Корсики.

И едва дошёл до небольшого дома, где жил в свое время Наполеон, увидел черную красивую кошку, которая, как две капли воды, была похожа на мою кошку Монро. Черная спинка, белая грудка, белые конечности лапок, топорщащиеся длинные усы. И точно такой же взгляд – хитрющий, озорной, свободолюбивый. Только эта – корсиканская! – кошка немного прихрамывала.

Я позвал ее:

– Монро, Монро!

Она неспешно подошла. И стала тереться о ноги, точно узнав меня. Я понял, что схожу с ума. Корсиканская кошка в самом деле напоминала мне мою несравненную Монро. Но ведь она осталась дома. Не могла же она со мной поехать в круиз.

Короче, мысли в голове пронесли самые нелепые.

Пока я размышлял – кошка убежала, скрывшись среди старых невысоких домов и узких мощеных улиц.

Растерянный, я вернулся на корабль.

Когда я вернулся в Москву, то был ошарашен еще больше – кошка Монро подошла ко мне, прихрамывая...

Я не на шутку разволновался и обратился к врачу-психиатру, рассказав ему о случившемся.

Врач улыбнулся и сказал, что я переутомился.

– Галлюцинации, – это обычное дело у творческих людей, – заметил он. – Да и кошки похожи одна на другую.

Он прописал мне успокоительные средства и заверил меня, что вскорости я пойду на поправку.

1995, 2020

ПРЕДАТЕЛЬ

В тот год мы всем нашим многонациональным семейством (жена Наташа, наша дочка Настя, ее германско-тамильский муж Кубера, внучка Катинка) зимовали в Болгарии, в любимой, родной и очень удобной для жизни стране.

Несколько лет назад я купил двухкомнатную квартиру недалеко от старинного и боголепного Несебра, в Солнечном берегу, и привозил туда своих домочадцев не только летом, но и весной, и даже зимой.

Зимой в Солнечном берегу мне нравилось как-то особенно – он совершенно отчетливо напоминал доброжелательную Ялту застойной эпохи, которую хорошо показал Сергей Соловьёв в своем легендарном фильме «Асса».

В нашем комплексе «Солнце и сад», в котором летом негде было яблоку упасть, зимой жило всего две семьи – наша и семья Андрея, Светы и их двухлетней дочки Милочки.

Самое удивительное, что управляющая компания, которая обслуживала дом, не бросила нас на произвол судьбы, а вполне сносно следила за тем, чтобы нам и зимой жилось комфортно и радостно.

Садовники ухаживали за розами и туями в нашем приквартирном садике, управляющая Татьяна растапливала по первому требованию сауну, которая размещена в подвале.

Наташа и Настя много работали – переводили по заказу русские книги на немецкий язык, а я ничего особенного не делал, ездил в Бургас, смотрел там, прицениваясь, вместе с риэлторами квартиры (это мое любимое занятие – им я занимаюсь даже тогда, когда денег нет вообще), отвечал авторам по электронной почте и составлял номера своих литературных журналов, которые теперь можно выпускать, не выходя из собственного дома. Лишь бы Интернет (вай-фай) работал.

По вечерам Настя показывала всем нам через компьютер советские, российские и заграничные (изредка!) фильмы и мультики. Мы посмотрели: «Тот самый Мюнхгаузен», «Время желаний», «Акваланги на дне», «Джентльмены удачи», «Невероятные приключения итальянцев в России», «Тимур и его команда», «Друг мой Колька», «Убить дракона», «Брильянтовая рука», «Трое из Простоквашино», «Свинка Пепа» и т.д. Это огромное счастье – близким людям вместе смотреть хорошее кино.

Каждое утро, ровно в девять часов, к нам приходила бездомная кошка-крысоловка.

Серая, зеленоглазая, с темным обворожительным пятнышком на мордочке. Мы ее кормили.

Сначала она приходила одна, а потом стала приглашать на завтрак своего сына, серенького котенка, а потом и мужа, огромного кота-крысолова, и даже белого худющего кота-любownika.

При этом кошка держала свое семейство в аскетической строгости, никому из сородичей не разрешала входить в квартиру – если кто-то переступал порог, сурово кусала. И сама тоже не входила в дом. Я радостно кормил кошачье семейство, им, безусловно, это нравилось, и вскоре они вошли во вкус – стали приходить не только на завтрак, но и на обед, и на ужин.

Я стал понимать, в чем смысл моей жизни. Раньше я этого толком не знал. Один не самый талантливый стихотворец, которого я, по доброте душевной или по глупости, печатал, всегда мне говорил: «Женя, смысл твоей жизни заключается в том, чтобы мне дали Нобелевскую премию». Так, надо признать, говорили многие авторы. Но я им не верил.

А тут я действительно стал понимать, в чем смысл моей жизни. В том, чтобы накормить кошку и ее семью. Я полюбил эту красивую, умную, интеллигентную болгарскую кошку. И она отвечала мне взаимностью. Встречала меня аж у автобусной остановки, а это примерно метров триста-четыре от нашего дома, гордо шла со мной, задрав хвост трубой, до самой квартиры, и всегда провожала – когда я уезжал в Бургас, Несебр или Святой Влас.

Иногда кошка, стремясь показать свое особенное расположение ко мне, приносила к порогу дома пойманных мышек, один раз даже притащила огромного баклана... Как только дотащила? Я старался, как мог, объяснить благодарной подруге, что лучше мне таких подарков не делать, но она свое дело знала туго. Она знала наверняка: за добро надо платить добром.

Строгая внучка Катинка меня контролировала: «Покормил кошку? А котёнка?»

Я старался оправдать доверие подрастающего поколения. А потом пришла пора уезжать домой. Кошка, точно настоящий экстрасенс, это почувствовала. И вообще перестала отходить от квартиры, сидела на порожке день-два-три.

Я договорился с Андреем, что он будет кормить кошку, носить ей еду к нашей квартире на первом этаже. Выделил ему на это дело средства в левах и евро.

...В день отъезда лил проливной дождь, а мы, закрутившись, позабыли заказать такси. Пошли на автобусную остановку, мы с Настей по очереди несли Катинку, промокшие и замерзшие. Кошка бежала за нами.

Я не знал, что делать.

Мое сердце обливалось кровью. И оттого, что мучаются мои родные, совершенно не привыкшие к дождям и холодам, и, конечно, оттого, что мучается оставляемая мной на произвол судьбы кошка, а мне, предателю, нечем ей помочь. Катинка вела себя мужественно, прижималась ко мне (или к Насте) и молчала. Автобус – нам повезло! – подъехал сразу. И мы запрыгнули в него. А кошка осталась. Я до сих пор помню её взгляд.

2016, 2020

ГАЗЕТНЫЙ ИНТЕРВЬЮЕР

К тридцати двум годам у меня уже не было никаких сомнений относительно своей профпригодности к чему бы то ни было. Наверное, это можно было бы перенести. Но самое ужасное, что подобных сомнений не наблюдалось и ни у кого другого. Оказалось, что я могу только одно – делать интервью. Все остальное получалось значительно хуже. Торговать яйцами не получилось, сосками – тоже, заниматься рекламой оказалось не по зубам, работать страховым агентом я долго не смог, быть комсомольским работником – не хватило нахальства, стать религиозным философом – нравственности, музыкантом – слуха, боксером – здоровья, фермером – упорства...

Что же значит делать интервью? Это взять у своих приятелей-журналистов, Сашки Бултыха или Валерки Киркова, телефон той или иной «звезды», договориться с ней о встрече, задать вопрос типа «что вы думаете о нашей сегодняшней жизни?», записать на пленку, обработать и... опубликовать. Деньги пропить вместе с товарищами по журналистскому цеху. Все.

«Звезды» сейчас разговорчивые. Так что вопроса в принципе достаточно одного. А потом можно сидеть и энергично поддакивать.

Понимаю. Ага. Угу. Да-да! – или что-то в этом роде. Если же «звезда» молчалива, все можно придумать самому. Газета наша называется «Кулак – оплот капитализма». И писать нам нужно в основном о селе. Или о том, как «звезды» эстрады (я веду рубрику о популярных людях) любят село, свою малую родину...

Малую родину «звезды» вспоминают обычно неохотно. Охотнее говорят про дачу. И то весьма неординарно. Например, рок-гитарист Ирис Пальме (на самом деле он, кажется, не Ирис, а Коля Малинкин) хоть и признался, что любит трахаться в бане на даче, но про свои агропромышленные возможности ничего не сообщил. Скрыл. Пришлось ему помочь. В опубликованном интервью из-под моего компьютерного пера возникли, в частности, такие слова диковинного Ириса:

– Я – дачник, – сказал Ирис, – люблю выращивать огурцы в морозоустойчивых теплицах. В прошлом году вырастил два центнера с гектара. Все раздал бедным... девушкам. Я ведь сейчас создаю Фонд помощи бедным девушкам...

Редактор Костя Лохматенко одобрил этот пассаж на планерке и даже предложил выплатить мне повышенный гонорар. Нужно, покайся, признаться, что работал я в огромном количестве изданий. В газетах «Тайны вселенной», «Они», «Стольный град», «Семейный очаг»... В газете «Семейный очаг» нужно было все время писать, что «звезды» – примерные семьянины.

Они-то, может быть, и семьянины, но в определенном смысле. Семьи, как правило, однополые. Про это в добропорядочное советское время писать не полагалось. Тоже приходилось выкручиваться.

В «Семейном очаге» я получал стабильные задания от главного редактора Сергея Исакова сделать интервью с тем или иным нужным редакции человеком. Например, молодой певец Дима Наликов дал бесплатный концерт для Благотворительного фонда имени Нельсона Манделы. А «Семейный очаг» был тогда органом именно этой общественной организации. Чуткий к заботам фонда, Сергей Исаков тотчас поручил мне Диму прославить.

Он, увы, на все вопросы отвечал односложно. Существовало только два варианта ответа.

– Да.

– Нет.

Поэтому пришлось проявить некую журналистскую изворотливость.

Например, я говорил:

– Дима, вы, конечно, прочитали массу книг. И я не исключаю, что тома пронзительной публицистики Альберта Анатольевича Ханова (директора Фонда) произвели на вас неизгладимое впечатление, потому что они затронули очень серьезные вопросы морали и нравственности...

Следовал ответ:

– Да.

Меня это устраивало. И текст в печати в итоге выходил следующий:

«Если говорить предельно откровенно, – сказал Дима Наликов, – то больше всего за последние годы меня поразили книги только одного писателя, а именно тома пронзительной публицистики Альберта Анатольевича Ханова, который затрагивает очень серьезные вопросы морали и нравственности».

Впрочем, это было раньше. В милой и далёкой советской газете «Семейный очаг». Сейчас врать приходится все-таки немножко поменьше.

После работы мы, печальные журналисты, не самые меткие снайперы компьютерного пера и аутсайдеры хрипящих диктофонов, как известно, выпиваем. Причем, если во всей стране, кажется, идет перестройка, то в газетном цехе перемен немного. Правда, раньше мы пользовались печатными машинками, а ныне – исключительно компьютерами.

Кстати говоря, компьютеры намного удобнее. На клавиатуре запросто можно расстелить газетку, положить селедочку, на маленькой (не электрической) печатной машинке такую процедуру проделать сложнее.

По вечерам, часов с пяти, я захожу к своему другу, заместителю главного редактора нашего «Кулака» Серёжке Татаровичу. У него уже идет процесс...

Самое главное, когда выпиваешь с Серёжкой, – не останавливать его речь. Иначе Серёжка обидится. А тост его может длиться час, два, три. Серёжка родился и вырос в Грузии. Это нужно учитывать.

Я выпиваю с Серёжкой часов до восьми-девяти вечера, а потом ухожу домой, либо на встречу с очередной «звездой». Когда прихожу на следующий день на работу, наша коммерческая богиня Ленка, как всегда, начинает мне рассказывать:

– Серёга выбил ногой дверь в кабинете Лохматенко.

– Серёга набил морду Арону Дваскину, назвав его лжерусским патриотом... И т. д.

Меня эти рассказы поражают. Мы пьем с Серёгой всегда тихо и мирно. Интеллигентнее друга, чем Серёга, у меня нет. Когда я спрашиваю его о том, что было вчера, он отвечает кратко и печально:

– Не помню. Кажется, день прошел прилично.

Может, Ленка все придумывает? Или преувеличивает?

Иногда к нам в гости забегают офицер налоговой полиции Санёк Саньков. Он тоже раньше работал в «Кулаке» корреспондентом. А теперь успешно делает «ментовскую» карьеру, работает в тамошней многотиражке. Санёк получает на работе офицерский паёк – консервы, колбаску...

Всё тащит в родную «кулачную» редакцию.

Санёк, когда выпьет, произносит один и тот же монолог. Но в разных вариациях. Это зависит от количества, принятого на грудь и от того, какое у него настроение. Но тема – повторю! – всегда одна.

– Идеальным я представляю следующее общество, – считает Саша, – мы, пацаны, мужики, живем на земле, радуемся, созидаательно трудимся, облагораживаем своим присутствием мир, а эти твари (так, извините, пьяный и обезумевший Санёк называет представительниц прекрасного пола) сидят в мрачных подвалах и молчат. Когда нам нужно утихомирить свою голодную похоть, мы шарим рукой в подвале, достаем за волосы этих тварей, утихомириваем похоть, а этих тварей опять опускаем в подвал.

Санёк был два раза женат.

Когда он вспоминает про жён, ощущение такое, что он вспоминает о двух «ходках» на зону...

Я всегда возмущаюсь, когда слушаю Санька, несколько раз мы даже дрались с ним на этой почве, но он, когда напьётся, знает, утверждает, дурень и похабник, одно и то же.

А, вообще, газетчики – люди неплохие. Просто сильно пьющие.

Я УХОЖУ, ИЛИ ОРУЭЛЛ-2025

23.58. До Нового года остается две минуты.

Президент одной страны обращается к своему народу.

Дорогие друзья!

После долгих и мучительных раздумий я принял решение.

Я ухожу.

Я ухожу с поста президента. Потому что очень сильно устал.

Я вдруг понял, что вокруг меня одни жулики и проходимцы, казна разворовывается прямо на глазах. Воруют все.

Причём, что характерно, тащат даже там, где вроде бы и невозможно ничего утащить. Спёрли все снаряды в армии, всех крабов в море, нечестно приватизировали здания и земли, дело дошло даже до диссертаций.

Сплошь и рядом – фальшивки.

А вот остановить этот процесс я не могу. Это ж все мои друзья, мои ставленники.

Раньше я думал, что у меня самый большой капитал в стране.

Ошибался.

Свита оказалась куда проворнее, чем даже можно было предположить.

Не могу сказать, что я совсем бедный. Кое-что я все-таки заработал тяжелейшим трудом, как раб на галерах. И надеюсь, теперь буду обычным обеспеченным пенсионером, пить баварское пиво где-нибудь в Альпах, говорить на любимом немецком языке, воспитывать детей и внуков.

А, может быть, и песни начну сочинять.

На рояле я уже играть научился, вы слышали.

Прошу вас, не судите меня строго.

Я старался.

Но как руководить такой сложной страной, таким необычным народом – я не знаю.

Прощайте.

Живите, как знаете.

Не поминайте меня лихом.

2016, 2020

Лариса Шушунова

ПИСЬМА В ВЕНЕЦИЮ

К десятилетию со дня смерти Иосифа Бродского

1.

Нынче пасмурно, завеса дождевая,
Как обычно в это время в Ленинграде.
Ветер дует, безупречный строй ломая
Концентрических кругов на водной глади.

Извини, что я пишу таким размером.
Оцени размах пера и степень риска.
Лишь махать печально вслед твоим триерам
Мне дозволено в лучах закатных диска.

2.

Лишь стоять на берегу, смотреть на море
Бирюзовое в базальтовой оправе.
Потому что нет закрытых территорий
Для тебя и недоступных нот в октаве,

Потому что мне ландшафты эти снятся
По ночам, не приближаясь ни на волос,
Потому что первый раз я лет в пятнадцать –
Или раньше даже – слышала твой голос.

3.

Пусть и вправду времена не выбирают,
И живём мы далеко не в лучшем мире,
И надежды постепенно отмирают –
Лишь для Слова нет помех в ночном эфире.

Я смотрю в окно. Вода течёт из крана.
Мышь скребётся. На плите горит конфорка.
Ни газет, ни телефона, ни экрана
Нет поблизости. И радостно, и горько.

4.

Десять лет прошло, другое поколение
В жизнь вступило, но я помню все детали:
У приятеля в гостях была в тот день я –
Фильм смотрели и стихи твои читали

В самиздате, – он хранил на книжной полке
Пожелтевшие от времени листочки.
Разговор был основательный и долгий.
До сих пор перед глазами эти строчки.

5.

Я пришла домой, и в тот же вечер – помню –
Телефон. Снимаю трубку: «Всё в порядке?»
Эту новость сообщил, конечно, он мне.
Разговор на этот раз был очень краткий.

«Я ведь мог с ним познакомиться!» – сказал он
(Всё надеялся, что ты приедешь в Питер).
Представляешь, наизусть почти что знал он
Все стихи твои! Тебя лишь мельком видел...

6.

В ней – красотке, что любил ты безответно
Четверть века или сколько, – что нашёл ты
В этой нифме полуобморочно-бледной,
(Столько пищи предоставив прессе жёлтой?)

Ну, подумаешь! По фотке чёрно-белой
Догадаться невозможно. Видно, впрочем,
Что красивая... Но в этом разве дело?
Я ведь тоже ничего так, между прочим...

7.

Мимо дома на углу – ты жил в котором, –
Как люблю я здесь гулять, кружить дворами...
Перспектива, заслонённая собором,
Окружённым орудийными стволами,

Взор влечёт, и теснота проезжей части
Для него не существует, – оторваться
Невозможно и избавиться от власти
Этих призрачно-имперских декораций.

8.

Как ты жил вдали от этого квартала?
Я была в твоей Америке, когда ты
Ещё жив был, но тебя там не встречала.
Помню берег Мичигана, те закаты...

А олени, выбегающие смело
На дорогу, непривычную такую!
Жаль, стихов тогда писать я не умела.
Впечатлений было столько, всё – впустую...

9.

Мне, родившейся в тот год, когда отчизна
Опозорила себя твоим изгнанием,
Право выбора важней, чем дешевизна
Колбасы – прости за пылкое признание,

За плакатный слог простых формулировок,
И за блажь... Но я хотела бы в Союзе
Оказаться вновь! Да, знаю что неловок
Мой язык, и никаких, поверь, иллюзий.

10.

Но хочу я знать тебя в твоём расцвете,
И присутствовать на том процессе гнусном,
И, покинув этот мир, тебя там встретить
(Как сказал твой старый друг в раздумье грустном).

И ещё: я знать хочу не понаслышке
О борьбе с двоякодышащим драконом,
А не только о салютах и о Мишке
Олимпийском над ревушим стадионом.

2006 г.

РАДИОПРИЁМНИК

Многословная, многослойная муть –
О погоде, политике, спорте, культуре.
Надо круглую ручку слегка повернуть,
Чтобы «Радионяню» на радиобурю
Заменить...

Закипают слова взаперти,
За дырявым фасадом, по свету скитаясь
И стучась в перепонки тугие, найти
Тщетно щель в черепных сочлененьях пытаюсь.
Кто повинен в разладе за этой стеной –
Развязавшийся радиоузел? Отвертку!
Тишина.

Только ультракороткой волной
Море жалобно льётся в открытую форточку.
Я не знаю, вернусь ли в родной звукоряд –
В осьмизвучной октаве, вибрируя, длиться.
И не я это буду уже, а стократ
Измененный пароль: «Говорит столица».

* * *

Слова – о сколько в этом звуке
Слилось – не только для меня, –
Как гедонист от крестной муки,
Как всё живое – от огня,

Бегут от рифмы плотоядной,
Кусачих рифмачей кляня,
Но те за этот миг отрадный
Ни ночи не щадят, ни дня.

И всё всегда о том же самом:
«Сей мир непоправимо плох.
Кто в общем хламе личным храмом
Обзаведётся, тот и Бог!»

Но – делать что? – хрестоматийный
Вопрос, как молния мелькнёт.
Чем ужас вытеснить бытийный,
И снять существованья гнёт?

А выход вот – уход, точнее:
Из центра – в тундру языка.
Она красотами беднее,
Но сколь, однако, велика!

Там столько неба для полёта,
И для падения – земли.
Там по неведомым широтам
Несут ветрила корабли

Первопроходцев – окунуться
В густую темень и в метель;
Там – свистни только – все сбегутся
Колонизаторы земель...

И будет новая столица
Стоять у скифов на пути,
И вновь, как встарь, всё повторится:
Фонарь... Аптека... Не пройти.

Из хитрой памяти украдкой,
Меня, конечно, не спросив,
Встаёт на цыпочки цитатка,
Догадки вмиг опередив.

1995г, 2005 г

Владимир Френкель

ДЬЯВОЛЬСКИЙ КАРНАВАЛ, ИЛИ «ВКУС СВИНЦА»

– Ну что, юноша Биркен, карабкайся на небеса, – таким или похожим напутствием, начиная новый ремонт, благословляет меня Коля. Наведение глянца в очередной квартире идет полным ходом, и я уже с самого утра торчу под потолком. Наша работа всегда начинается с верха.

Так начинается роман «Вкус свинца»*. Два его главных героя уже за работой. Это малярных дел мастера Николай Брискорн, который предпочитает, чтобы его звали просто Коля, на русский лад, и его двоюродный племянник Матис Биркен, планирующий получить высшее образование в будущем, но пока занимающийся малярным делом под началом родственника. Живут они оба в Риге, в Торнякалнсе – тогда, в конце 30-х годов 20-го века, это был тихий, сугубо латышский район Пардаугавы (Задвинья). Он и сейчас не сильно изменился. Но тогдашнее время отличалось тем, что политический пейзаж менялся куда быстрее, чем городской. (Впрочем, и теперь политический пейзаж, бывает, приносит малоприятные новости.) Конечно, герои романа еще не знают, что предстоит в ближайшее время – и им, и их родине. Но, возможно, что-то предчувствуют.

Знает всё, конечно, читатель романа, если только он не поражен болезнью нашего времени – беспамятством, приводящем к тому, что люди начинают жить в выдуманном мире. Но это знание, надеемся, не будет препятствовать чтению романа, содержание которого здесь, конечно, пересказывать не станем.

Да и ничего необычного в жизни героев поначалу нет – они живут, работают, строят планы, встречаются с девушками, особенно, конечно, молодой Матис и его друг и одноклассник – Рудис. Скоро он тоже появится в романе. Вот только прошлое героев напоминает им о недавних исторических событиях. Николай Брискорн участвовал в Войне за независимость Латвии, отец Матиса погиб на Первой мировой войне, отец Рудиса – на Гражданской. У них обоих отчимы, у Матиса – местный немец, Вольфганг, у Рудиса отчим – местный еврей, торговец. Очень скоро и это будет важным фактором в надвигающихся событиях.

А эти события надвигаются, но осторожным кошачьим шагом, поначалу не вызывая особого беспокойства, по крайней мере у молодого и несколько легкомысленного Матиса. Николай старше, он уже многое видел и склонен к скепсису.

* *Māris Bērziņš. SVINA GARŠA (2015, Rīga)*

Марис Берзиньш. «Вкус свинца». СПб, изд. «Алетейя», 2020. Перевод с латышского Юрия Касянича.

Пока что, в конце 30-х, СССР навязывает балтийским странам договор, согласно которому в Балтии будут размещены советские воинские контингенты. И это только начало, но герои этого не знают. И Матис полон оптимизма, что неудивительно – он молод.

– Будем островами мира между Россией и Германией... Очень разумно с их стороны, и нам хорошо, – говорит он Николаю.

А тот угрюмо отвечает:

– ...фрицам я не верю. Русским тоже.

И последующие события оправдывают его пессимизм. «Разумный» договор заканчивается оккупацией Латвии Советским Союзом. Да, да, именно оккупацией, заметим мы из сегодняшнего времени. Заметим, поскольку не раз уже сейчас встречаем лукавое утверждение, что события 1940 года – вовсе не оккупация, поскольку военное вторжение произошло мирно, с согласия власти той страны, которую оккупировали. Но если так рассуждать, то и захват Германией Чехословакии в марте 1939 года – вовсе не оккупация, поскольку произошел тоже мирно, с согласия президента страны. Но еще Лондонские соглашения 1934 года, подписанные, в числе прочих стран, и Советским Союзом, определяют, что если захват какой-либо страны происходит даже без боевых действий, под дипломатическим давлением и угрозой таковых, это тоже считается оккупацией.

А Николай Брискорн, возможно, этих Соглашений и не читавший, все равно верно оценивает ситуацию:

Николай, угрюмым взглядом проводив гремящую по Виенибас гатве бронетехнику, сплюнул и отправился красить оконные рамы. Незнание, страхи, тревога нарастают в геометрической прогрессии и стремятся к апогею. Правительство встает и уходит. Приходит новое – толстый Церковный камень, два Медведя и разные другие звери. Вроде бы земляки, но уже в красную телегу уселись. Впереди кучер с густыми усами и трубкой в зубах. Господи, помилуй!

Для тех, кто еще не читал роман, нужно пояснение, и в тексте романа оно есть. Надо отметить заслугу переводчика: для русского читателя даны в примечаниях пояснения не только латышских слов, но и тех или иных местных понятий, неизвестных этому читателю.

Итак: Церковный камень – так переводится с немецкого фамилия Kirchenstein – это Август Кирхенштейн, председатель сформированного советскими оккупантами коммунистического правительства; ну, а два Медведя – это однофамильцы, министры того же правительства: Вилис Лацис, министр внутренних дел, и Юлийс Лацис – министр благосостояния (лацис – медведь по-латышски). О кучере с усами легко догадаться.

Здесь надо бы дать еще одно примечание, характеризующее тот строй, который надвинулся на страны Балтии, и Латвию в том числе.

Писатель Вилис Лацис, ранее вполне правых убеждений, действительно, совершив крутой поворот, уселся в красную телегу и благополучно стал впоследствии председателем советского правительств Латвии и советским латышским писателем. Правда, для этого ему пришлось несколько переделать свои романы, написанные до 40-го года. Что ж, ранее был прецедент: «красный граф» Алексей Толстой тоже переделывал свои романы, написанные в эмиграции, когда в 1923 году вернулся в СССР.

А вот левый латышский журналист Юлийс Лацис, для которого вышеупомянутая телега была вроде бы своей, тем не менее был репрессирован в начале 1941 года и через год умер в советской тюрьме. Почему репрессирован? Да почему угодно: кому-то мог не понравиться, не угодил, кто-то написал донос, или просто подпал под кампанию репрессий. Говорят, революция убивает своих детей? Но начинается она убивать уже отцов, а потом – и детей, и племянников, и внуков, и просто всех, кого заденет и кто ни при чем. Увы, в то время (когда идет повествование нашего романа) Юлийс Лацис еще не догадывается о своей скорой участи. Зато герои романа уже ничего не могут понять в том абсурде, который называется новой властью. Даже оптимист Матис.

– *Мой разум потерял равновесие, как и весь мир. До свиданья, дамы и господа! – я театрально раскланиваюсь и убегаю на встречу с Суламифью.*

– *Про господ лучше позабудь! – предупреждает Вольф. – Одним из самых главных слов теперь будет товарищ. А самый главный – товарищ Сталин.*

– *До свиданья, main kamerad!*

Это Матис говорит со своим отчимом Вольфгангом, который тоже адекватно смотрит на происходящее.

А вот что он говорит самому себе:

Нисколько не удивлюсь, если в один прекрасный день увижу людей, которые ходят на руках, на четвереньках или пятясь задом. Нововведения коммунистической партии выглядят странно, и их так много, что перестаешь обращать внимание.

Да, кроме жестокости новой власти (с этим герои столкнутся сами, но погибнут уже при другой власти, которая в свою очередь оккупирует их страну), именно ее абсурдизм поражает воображение героев, да и читателей – тоже. Похоже, только в своей семье и среди друзей еще можно найти нормальный мир.

Меня не покидает чувство изумления. Как будто я вдруг попал на далекую неизвестную планету. Мир перевернулся. Смотрю на маму, Вольфа, на свою Соле Мио. Они, мне кажется, остались такими же, как прежде. По крайней мере, они.

Но очень скоро и семья не станет защитой от абсурда.

Однако пока еще можно защититься иронией и сарказмом.

– Ха-ха, уголовнички смекнули, какого цвета ветер дует.

– Какой ужас! – восклицает мама, а мне хочется, ерничая, сказать ей, что слово «ужас» пора заменить на какое-то другое. – Что происходит? Теперь бандиты станут хорошими?

– Мадам, вы угадали! – Вольф исполнен сарказма. – В России они правят с тысяча девятьсот семнадцатого года и только набирают силу.

– Я не понимаю, – мой легкомысленный настрой как рукой сняло. – Зачем мы им понадобились? Такая громадная страна...

– Простите за банальности, но это правда – мы им понадобились, потому что аппетит приходит во время еды и цель оправдывает средства.

В общем, герои всё понимают, что происходит и в какой абсурдистский мир они попали. Но надо еще разобраться с самими собой, а это не всегда просто. Мы уже упоминали, что у обоих приятелей – Матиса и Рудиса – отчимы, у Матиса – немец, у Рудиса – еврей. Матис сам говорит об этом.

Мы с ним довольно разные, но так даже интереснее. Пожалуй, только одна линия судьбы нас объединяет – у обоих отцы были стрелками, которым суждено было погибнуть, обоих воспитывали отчимы.

Раньше для них это не было проблемой. Но вот настали новые, советские времена. И что же происходит с евреями? Об этом говорит Рудис:

– Ты только подумай, еврейские школы закрыли, общество тоже, дома национализировали. Вот тебе... зато всякая шваль, без корней в Латвии, теперь на коне...

Это, кстати, полезно знать тем, кто думает, что пришедшая власть была хороша только для евреев. Но нет, каток репрессий этой власти пройдет по всем без разбора.

А пока что неосторожные слова Матиса вызывают резкую реакцию его приятеля:

– ...ты что, не жалуешь евреев? – голос Рудиса тяжелеет. – Скажи, как есть.

Нет, конечно, Рудис рассердился зря. Но в это время у всех нервы напряжены, ведь то, что раньше проблемой не было, становится камнем преткновения. И Матис это понимает.

Как он чувствителен, этот Рудис! Я неосторожно высказался, и тут же пламя полыхнуло. Спорить со старым приятелем не хочется, тем более что я ничего плохого о евреях не думаю. Точнее, я вообще о них не думаю.

И вот тут впервые появляется в романе еврейская тема, но пока еще без евреев.

Однако не только еврейская, но и – немецкая, и теперь уже Матис возражает Рудису, в ответ на его нелюбовь к немцам:

– Только запомни, если бы не немцы, мало что было бы у нас из того, чем мы теперь гордимся. Не было бы ни нашей красивой Риги, ни образованных латышей, ни многого другого.

Всё правильно, всё так. Ведь и давняя немецкая колонизация Ливонии принесла не только гнет и зависимость, но и европейскую цивилизацию. Конечно, это, так сказать, другая сторона медали, но и о ней не надо забывать, говоря о колонизации.

Но для наших героев эти проблемы – не только и не столько история, этот их сегодняшняя жизнь, и проблемы уже стучатся в дверь, и решать их надо сейчас. Хотя бы такую: известно, что еще в 1939 году произошла массовая репатриация балтийских немцев в Германию, но пока далеко не всех. А тут и новая власть разрешила немецкую репатриацию. И для Вольфганга, отчима Матиса, появилась возможность избавиться от новоявленной нелюбимой советской власти. Но тут, вот парадокс, именно немец Вольфганг не хочет уезжать, в отличие от его жены, матери Матиса.

Она ведет себя так, как, по-моему, должен вести себя Вольфганг, зато отчим держится как латышский крестьянин, которого силком хотят выгнать с возделанных им полей.

И вот что он говорит:

– У меня здесь дом, работа. И вообще – вся жизнь. Как ты сможешь оставить эти дубы, которые еще твой дед сажал?

А собственно, что удивительного? Ведь Латвия – родина Вольфганга, и он имеет на нее не меньше прав, чем латыши.

Однако новая власть никого в покое не оставляет, преследует нелепыми подозрениями и обвинениями. Это случится и с Матисом, но у Вольфганга еще раньше кончится терпение:

– Краем уха слышал о себе всякую ерунду, так, смех один, ничего серьезного. Зазнайство, не так ли? Как до меня не дошло, что последние глупости и ложь в этой безумной системе в один миг могут стать серьезными обвинениями?

Да, безумная система приведет Вольфганга к решению все же уехать. А что же отчим Рудиса, Арон Копельман? Вообще-то он бизнесмен, и сам Рудис тоже участвует, с приходом новой власти, в довольно своеобразном бизнесе. Ведь, поскольку социалистическая экономика неизбежно порождает дефицит, то и бизнес становится соответствующим. Ну, те, кто родился и вырос в СССР, знают, что это такое. Зато нашим героям, жившим до прихода советской власти в нормальной стране, многое кажется удивительным, то есть нелепым. Вот что Рудис говорит об этом Матису:

– У коммунистов такие нелепые взгляды на хозяйствование, что я просто диву даюсь, как эта страна вообще может

существовать. А если мы еще приложим руку к тому, чтобы подорвать их тупой рынок товаров, то Советский Союз кончится сам по себе, как снежная баба весной.

Да, пророчество верное, бездарная экономика действительно прикончила СССР, хотя и намного позже, чем думали наши герои.

Но в конце концов и Рудис остался без отчима: Арон Копельман подпал под массовую высылку граждан стран Балтии в Сибирь, за неделю до нападения Германии на СССР. И тут надо отметить некую иронию истории, что вообще характерно для сатанинского карнавала того времени. Если Копельман выживет в советской ссылке или в лагере, то это значит, что высылка его, сущности, спасла от гетто и смерти в расстрельной расправе в Румбуле, уже во время немецкой оккупации. Да, в этом случае советская власть ненароком могла сделать доброе дело, что, конечно, не было ее целью. Такое действительно бывало.

Но вот мы подошли ко второй половине романа, ко времени немецкой оккупации, и тут, пожалуй, воздержимся от цитат и комментариев. Хотя бы потому, что об этом написано гораздо больше, чем о советском *страшном годе* – так его называл народ в Латвии. И потому, что для героев романа и следующий год, уже с немецкой властью, тоже оказался страшным: все они погибли в это время. Да, есть что-то от Шекспира в этом повествовании – в конце романа все главные герои мертвы.

Хотя тут нет ничего от Рока древнегреческих трагедий, могло бы закончиться и иначе. Действие романа перемещается во вторую половину 1941 года, и там же заканчивается. Но в это время и начинает доминировать еврейская тема, которая ранее только упоминалась. Герои романа – Матис, Николай, Рудис – укрывают евреев от уничтожения. Неважно, как и почему они взялись за это дело, возможно, даже случайно, по стечению обстоятельств.

Важно, что это кончается для героев катастрофой: погибают и они, и те, кого они пытались спасти.

Может показаться, что герои родились под несчастливой звездой (значит, все-таки Рок?). Прежде всего, Матис – ему не везет особенно. Когда он с друзьями выходит из дома, чтобы увидеть, как бежит Красная армия и входит в Ригу немецкая, шальная пуля ранит его, и несмотря на оказанную в больнице помощь, Матис до конца повествования не может говорить. И не проходит вкус свинца во рту. Это символ зла, которое длится и длится, кто бы ни захватывал власть в его городе, в его стране.

А в самом конце повествования происходит невероятное. Поскольку ранее, по медицинским причинам, Матис должен был сделать обрезание, его принимают за еврея, и он попадает в гетто. Благодаря этому в романе освещена и жизнь евреев в гетто – недолгая жизнь, поскольку в декабре 1941 года все обитатели гетто

будут расстреляны в недалеко от Риге, в лесу в Румбуле. Матис погибнет там же. И только в момент смерти исчезнет вкус свинца во рту: символ зла, символ дьявольского карнавала. На этом кончается роман.

Надо сказать, что такой сюжетный поворот все же не представляется правдоподобным. Прежде всего, сам факт обрезания никого не делает евреем. Иначе пришлось бы признать евреями миллиард мусульман плюс христиан-эфиопов (Эфиопская Церковь сохранила обрезание). Но дело, конечно, не в этом. Матис родился и вырос в Торнякалнсе. Его там все знают, знают и его родителей. Выяснить, что Матис не еврей, не представляло бы никакого труда. И если бы даже латышская полиция этого по глупости не сделала, это выяснили бы немцы. Хотя бы вследствие немецкой педантичности.

Тут надо заметить следующее. Если сравнить две сатанинские идеологии (и их применение), то нацистская идеология окажется все же менее абсурдной, чем коммунистическая. Хотя бы потому, что она была не лицемерна и свои злодейские цели не прятала под «хорошими» словами о добре и справедливости, как коммунистическая. Иначе говоря, в нацистском безумии была своя система (снова вспомним Шекспира!), тогда как практика коммунистического безумия была полностью абсурдной. То есть кто угодно и почему угодно мог оказаться «врагом народа» в коммунистическом режиме, но в нацистском все же не любой мог оказаться евреем.

Но спишем этот не слишком правдоподобный сюжет на художественную условность. С помощью которой автор мог показать то, что забывать не следует (хотя очень многим сейчас хочется): геноцид евреев во время немецкой оккупации.

Но перед нами другой, основной вопрос: в чем главная тема романа? Геноцид евреев, что занимает основную часть повествования, посвященного немецкой оккупации?

Думается, что все же – нет. Главная тема, как нам кажется, – это обычный, нормальный человек перед нерассуждающей и непреодолимой силой тотального зла. Откуда бы это зло ни происходило. В этом конкретном случае уместно привести слова известного литовского правозащитника и публициста Антанаса Терляцкаса: «Печальна участь народа, у которого нет другого выбора, как между Гитлером и Сталиным».

Да, именно это происходило в то время, которое описано в романе. Конечно, не только с Литвой – родиной Терляцкаса.

И с тех пор зла, в любом виде, не стало меньше. Тот дьявольский карнавал исчез в конце концов, его подавили силой, но сатана не исчез, и время от времени все начинается заново.

Мир во зле лежит, и это вовсе не метафора.

Так что же, человек бессилен перед злом? Однозначного ответа роман не дает, да и вообще такого ответа не существует.

Однако заглянем в конец романа. Нет, роман вовсе не кончается гибелью главных героев. А вот чем:

Я иду по белой, засыпанной сосновой хвоей дороге. Куда, не знаю, но шагать легко, и даже приятно так прогуляться. Впереди вижу перекресток, посреди которого стоят сани. Алвинин Принц, запряжен, мотает гривой, в санях сидит Коля.

– Куда идешь, Матис? – спрашивает Коля.

– Не знаю... куда глаза глядят.

– Садись. Подвезу тебя. Н-но! – Коля натягивает вожжи, конь поднимает голову и трогается.

– Куда едем? – спрашиваю.

– Домой.

Здорово! Как я соскучился по дому! Жеребец бежит во всю прыть, сани скользят по искрящемуся под солнцем простору, воздух приятно освежает – не упомню, когда дышал таким чистым и прозрачным. Едем через реку, скорее всего, Даугаву; свет пронизывает ледяную воду до самого дна, и видно, как шныряют окуни. Приближается берег. Принц легко взбирается на крутой склон, так плавно, ни тебе ухаба, ни кочки. Полозья саней больше не касаются земли.

Тут главное – последняя фраза. Да, полозья больше не касаются земли, и действие, по-видимому, происходит в Царствии Небесном. Но почему же это Царствие так похоже на родину героев? Там всё, к чему они привыкли, что любят: латвийская зима, река, по-видимому, Даугава, и даже окуни шныряют в ее воде. Но, возможно, так и будет: в этом Царствии есть все, что мы любили на земле. Нет только дьявольского карнавала, нет вкуса свинца. Нет зла.

И тут мы вспоминаем слова, с которых начинается роман:

Ну что, юноша Биркен, карабкайся на небеса...

УБИЙСТВО ИЛИ САМОУБИЙСТВО?

Шестого сентября 1960 года в канадском городе Виннипег женщина по имени Дайси вернулась с работы домой и вопреки ожиданиям не застала мужа. Она бросилась искать, потому что ее муж Александр сам позвонил и взволнованным голосом просил прийти пораньше. Дайси заглянула в гараж. Двигатель автомобиля работал, а ее муж находился на водительском сиденье без признаков жизни с веревкой на шее. По заключению коронера, на теле отсутствовали следы борьбы. Ничто не указывало на убийство, поэтому смерть признали суицидом. Дело закрыли и забыли о нем на тридцать лет.

В феврале 1991 года Королевская конная полиция Канады RCMP заново открыла дело о загадочном самоубийстве. Запрос исходил из офиса генерального прокуратора провинции Манитобы, который в свою очередь отреагировал на годичной давности статью в газете Winnipeg Free Press. Автор статьи Дэвид Робертс утверждал, что имел место не суицид, а убийство. Основной причиной называлась месть. Точнее – возмездие...

Палач

Александр Лаак (1907 г.р.) – бывший нацистский преступник, комендант концентрационного лагеря Ягала, действовавшего на территории Эстонии в 1942 – 1943 годах. До войны Лаак служил в эстонской армии в чине младшего лейтенанта. С приходом советских войск в Прибалтику в 1940 году, по эстонским данным, горячо поддержал новую власть. Демонстративно прикрепил красный флаг на свой мотоцикл и так ездил по окрестностям. С приходом немцев переметнулся к ним на службу. Получил звание лейтенанта и стал комендантом концентрационного лагеря. В 1943-м стал комендантом таллинской тюрьмы. После войны Лаак сбежал в Канаду, где в 1960-м году нашел свою смерть.

Лагерь смерти Ягала располагался в Калеви-Лийва, местности недалеко от Таллина. Туда отправляли преимущественно евреев из прибалтийских стран, Польши, Чехословакии и Германии. Всего там было уничтожено по разным оценкам от 3000 (по данным советских следователей) до 10000 заключенных (по данным Эстонской международной комиссии по изучению военных преступлений).

С уверенностью можно сказать, что 3000 погибших является явно заниженным числом. Таковым было количество только тех, кого расстреляли сразу по прибытии в лагерь, как непригодных для работы. Но узников продолжали убивать и в период заключения. Кто-то погибал из-за невыносимых условий содержания.

По свидетельским показаниям, в момент расформирования лагеря Ягала одних заключенных отправили в другие лагеря, а других ликвидировали. Работа эстонских следователей выглядит более правдоподобной. Хотя некоторые исследователи называли от 125 до 300 тысяч убитых, но данная информация не вполне корректна. Общее количество убитых советских и иностранных граждан в Эстонии в период немецкой оккупации составляет около 125 тысяч человек – за все годы и по всем лагерям, а не только в Ягале. Большая часть погибших были евреями.

Как ни странно, будучи в Канаде, Лаак не додумался сменить фамилию. Он был изобличен советским следствием, опознан свидетелями, которые подтвердили его личное участие в уничтожении заключенных. По данным канадской газеты *Ottawa Citizen* за 08 марта 1961 года, со ссылкой на сообщение ТАСС от 29 августа 1960 года, против бывшего коменданта лагеря также были даны показания о ночных пьяных оргиях, изнасилованиях и последующих убийствах девочек. Свидетельские показания дала выжившая Ханна Кленкова из Чехословакии. Советские следователи также допросили Еву Мейснерову и Маркиту Маршеву – они тоже указали на Александра Лаака. Он принуждал девушек участвовать в оргиях, сразу после убийства их родителей. Еще одна свидетельница Рут Кпешкова рассказала, как ее с матерью привезли на поезде в концлагерь. Ее спросили, может ли она идти, и она ответила – да. Так выжила. А мать погрузили в синий автобус, отвезли к траншеям и там расстреляли.

После расформирования лагеря Ягала в августе 1943 года Александр Лаак был назначен начальником Центральной (Батарейной) тюрьмы в Таллине и оставался в этой должности до конца немецкой оккупации Эстонии.

На заключительном этапе войны Лаак вместе с отступающими немцами ушел в Германию, а потом бежал в Италию. В 1948 году при помощи Международной организации по делам беженцев перебрался в Канаду. Бывшему нацисту удалось пройти проверку канадских и британских спецслужб. Впоследствии официальные власти Канады не смогли внятно объяснить, как они проглядели нацистского преступника. Лаак около двух лет провел в Онтарио, а затем поселился в городе Виннипеге на улице Сент Джеймс (St. James) и жил там, по его собственным словам, «мирной жизнью» семьянина.

Работа советских следователей

За неделю до смерти Лаака газета *Ottawa Citizen* от 31 августа 1960 года приводит подробное описание, со слов самого бывшего коменданта, но не называя его по имени, как советские следователи вышли на его след.

«Мать этого человека в возрасте 70 лет была возвращена советскими властями три года назад из Сибири в Эстонию.

Письмо для нее (от Лаака, *прим. автора*) было перехвачено. Так коммунисты определили местонахождение респондента».

Канадская конная полиция RCMP посоветовала Лааку не общаться с прессой, чтобы он не замарал их репутацию. Но Лаак не внял настойчивому совету. Он, его жена Дайси и сын-студент продолжали давать интервью, настаивая на непричастности к инкриминируемым обвинениям и напоминая о том, что проверка канадских спецслужб не выявила преступного прошлого. Газеты тех лет упоминала «чистоту» Лаака, кивая в сторону RCMP. На это следует обратить особое внимание.

Внезапная смерть

Лаак утверждал, что его оклеветали «за службу в эстонской армии и борьбу с коммунистами». Однако вряд ли он чувствовал себя в безопасности. По сообщению The Montreal Gazette от 07 марта 1961 года, он наблюдал в 1960 году аресты своих подельников по преступлениям в лагере Ягала. В Советском Союзе арестовали надзирателя Яна Веика (Jaan Vijk) и заместителя Лаака на посту коменданта Ральфа Герретса (Ralf Gerrets). Обоих (уже после смерти Лаака) признали виновными в массовых убийствах и приговорили к смертной казни.

По информации Мемориального музея Холокоста (США), Вейк проявлял особую жестокость: он подбрасывал маленьких детей в воздух и стрелял в них. На суде Вейк признался в убийствах и назвал в числе организаторов и участников Лаака. (Видео с судебного заседания в Советской Эстонии [1961], Энциклопедия холокоста: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/film/estonian-police-stand-trial-for-war-crimes>). Третий подельник Лаака, его начальник оберштурмбанфюрер СС, глава эстонской политической полиции Айн-Эрвин Мере, который как раз был виновен в убийстве 125 тысяч узников, избежал наказания. Несмотря на то, что Советский Союз требовал его экстрадиции и в марте 1961 года Верховный суд Эстонской ССР заочно вынес Мере смертный приговор, разоблаченный эсэсовец остался на свободе. Великобритания отказалась выдать его на том основании, что считала Эстонию оккупированным Советским Союзом государством. Следовательно, сотрудничество с какими-либо органами власти на этой территории было невозможно. Мере умер собственной смертью в 1969 году. Интересно, что после занятия Эстонии войсками Красной армии, Мере, как и Лаак, активно работал на советскую власть. Выявлял за вознаграждение ее врагов и передавал в НКВД. В 1941 году с такой же легкостью перешел на службу в СС.

Александр Лаак был найден мертвым через восемь дней после его разоблачения в ТАСС. По утверждению газеты The Montreal Gazette от 7 марта 1961 года, приятели покойного сообщили, что он совершил суицид, чтобы «защитить членов своей семьи в Виннипеге и в Эстонии».

Осталась скрытой информация о том, что именно угрожало членам семьи Лаака, и каким образом его самоубийство способствовало их защите.

Еврейские мстители

Существует версия о принуждении нациста к самоубийству.

Журналист Михаэль Элкинс, автор книги «Выкованные в ярости» (*Forged In Fury*), изданной в 1971 году, утверждает, что Александр Лаак был убит Арни Бергом (Arnie Berg), агентом из отряда еврейских мстителей.

Действительно, после войны еврейские мстители из отрядов Аббы Ковнера развязали охоту на фашистских преступников. Так, в 1946 году агенты подпольной организации Ковнера отравили хлеб в лагере Шталаг-13 под Нюрнбергом, где содержались пленные эсэсовцы. Тогда пострадали свыше 2200 арестантов, но смертельных случаев не было.

Элкинс так описывает предполагаемое убийство (страница 302): «Арни Берг прилетел из Южной Америки в Канаду, в Виннипег, чтобы помешать бегству Александра Лаака, который опасался возмездия за сотни тысяч евреев, убитых, когда тот был комендантом эстонского лагеря смерти Ягала. Берг отвел его в гараж дома и сказал, что убьет Лаака и его жену, когда та вернется из кинотеатра. Через пятнадцать минут Лаак стал умолять позволить ему самому «прилично» свести счеты с жизнью. Берг согласился и дал ему веревку... Таким образом смерть была обставлена, как явный случай самоубийства».

За и против версии Элкинса

Без всякого сомнения, Александр Лаак должен был стать желанной мишенью для отряда возмездия. Настоящее имя и местонахождение Лаака были выявлены советскими следователями и преданы широкой огласке.

Однако есть нестыковки в рассказе Элкинса. Самая главная — откуда он мог знать детали произошедшего: разговор о возможном убийстве жены Лаака и мольбах последнего «прилично» покончить с собой? Лаак умер, а Берг (если он вообще существовал) по этому поводу не высказывался.

Практически все исследователи в прошлом допускают одну и ту же ошибку (и я сам ошибался, когда впервые опубликовал часть этого материала в 2017 году).

Говоря о еврейских мстителях, ставят знак равенства с отрядами Ковнера.

Однако отрядов было много, и они не имели централизованного руководства. Элкинс нигде не упоминает какую-либо причастность Ковнера к казни Лаака. Наоборот, руководителем группы Берга назван некий Малахи Валд (Malachi Wald).

Станным выглядит и поведение канадской полиции. Названо имя возможного «заказчика» – допустим, организация Ковнера. Указано имя исполнителя – Арни Берг. Логично предположить, что канадская сторона сделает запрос на свидетельские показания. Абба Ковнер умер в 1987 году. Так что время для вопросов имелось, но даже попытки их задать не последовало.

С другой стороны, с чего бы Ковнеру отмалчиваться? Под его руководством осуществлялись куда более дерзкие операции, чем ликвидация не самого крупного по должности и званию нациста.

Если Арни Берг прибыл в Канаду, то соответствующие записи – даты въезда и выезда – у пограничной службы должны были фигурировать. Соответствуют ли они дате смерти Лаака?

Еще более сомнительным выглядит рассказ Элкинса в разрезе хронологии событий. Разброс от обнаружения преступника до его смерти – всего неделя. Когда бы Абба Ковнер успел спланировать операцию, подготовить, заслать агента и выполнить ликвидацию, не оставив следов? Не удивительно, что RCMP не рассматривала Ковнера как возможного организатора убийства.

Игра с полицией в прятки

Совсем нелепым выглядит поведение исполнителя ликвидации Арни Берга. Ему-то зачем инсценировать самоубийство нациста? Возмездие подразумевает посыл другим. Если речь не идет об особо охраняемом объекте, то ликвидация мстителем проводится таким образом, чтобы было понятно, кто и за что.

Берг находится на чужой территории, постоянно опасаясь разоблачения. У Лаака была жена и четверо детей. Среда бела дня кто-то мог вернуться домой.

Ликвидатор должен был точно знать распорядок жизни семьи Лааков и подгадать удобный момент, а для этого следовало вести многодневное наблюдение за объектом. И уж совсем странно выглядят разговоры с нацистом в духе: «повесься или убью твою жену». Что за нелепость? Агент бы всадил пулю в затылок объекта или нож между лопаток и через минуту покинул бы место расправы. А если планировал убить жену Лаака – Дайси (Daisy или Desi Laak), то вряд ли стал бы сомневаться.

Любая операция еще на стадии разработки имеет четкие цели, какие объекты ликвидировать. Если Дайси Лаак осталась в живых и скончалась в 1980 году, значит, ей ничто не угрожало.

Тут можно было бы поставить точку, сказав, что Элкинс выдумал всю историю с Бергом... если бы не одно увесистое «но». Об этом мы поговорим чуть позже.

Другие свидетельства

Журналистское расследование, проведенное газетой The Jewish Post & News, пролило некоторый свет на обстоятельства жизни Александра Лаака в Канаде.

Изучая доступные материалы, я обратился к главному редактору газеты The Jewish Post & News Берни Белану (Bernie Bellan), и он прислал мне свою статью за август 2014 года, в которой ссылается на воспоминания журналиста Джина Телпнера (Gene Telpner), опубликованные в октябре 1987 года. Телпнер писал, что после иммиграции в Канаду Лаак некоторое время работал на гражданской должности в департаменте национальной безопасности. Газета Ottawa Citizen уточняет – работал с 1955 года.

Могло ли такое быть, это во-первых... и, во-вторых, зачем канадским спецслужбам нанимать какого-то иммигранта? В годы холодной войны с Советским Союзом имели место случаи привлечения бывших специалистов по борьбе с коммунистами. На Западе не понимали менталитет и методы работы коммунистических агентов и подполья, поэтому в консультанты привлекали более сведущих в этом вопросе бывших нацистов. Коменданта концлагеря с большой натяжкой можно считать таким «специалистом». Но в этом случае придется признать, что в RCMP знали настоящую биографию Лаака. Что ж, остается выяснить насколько достоверна публикация в Ottawa Citizen...

Серьезный общественный интерес к случаю предполагаемого убийства Лаака проявился лишь через 11 лет после выхода книги Элкинса «Выкованные в ярости». Эта книга стала настоящим потрясением для Артура Драша, который в 1960-х годах был репортером газеты Winnipeg Free Press, где описывалась смерть Лаака. Его сын и Драш в свое время были одноклассниками и даже играли в одной футбольной команде. В телефонном разговоре Артур Драш рассказал журналисту газеты The Jewish Post & News Майрону Лаву (Myron Love), что беседовал с Лааком после выдвинутых против последнего обвинений. Лаак всячески заперся и отрицал свою роль в массовых убийствах в лагере Ягала. Драш высказался крайне скептически относительно принуждения к самоубийству Лаака израильским агентом.

В 1991 году Майрон Лав опубликовал статью, в которой ссылается на публикацию Дэйва Робертса (Dave Roberts) примерно годичной давности в Winnipeg Free Press, в которой Робертс рассказывает о нападении в провинции Альберта на радиоведущего Кита Рутерфорда (Keith Rutherford). Нападение совершили двое скинхедов «за разоблачение имени Александра Лаака». Один из нападавших якобы называл себя сыном покойного нациста. Вероятно, речь идет о «духовном родстве». В тоталитарных сообществах, как религиозных, так и светских, подобное «родство» в порядке вещей. В статье «Враг внутри» (The enemy within) от 08 мая 1995 года журналист Марси Макдональд (Marcie McDonald) проливает свет на историю с избиением Кита Рутерфорда. В апреле 1990 года Рутерфорда жестоко избили на пороге его собственного дома двое неонацистских молодчиков Дэн Симс (Dan Sims) и Марк Свансон (Mark Swanson).

Действовали громилы по наводке своего духовного наставника Терри Лонга (Terry Long), сообщившего им, что Рутерфорд раскрыл имя Лаака, что побудило последнего повеситься. За нападение Свансон получил восемь месяцев тюрьмы, Симс – год.

Мог ли состоять вожак канадских неонацистов Терри Лонг в кровном родстве с Лааком? Родился Лонг в 1946 году в канадском городе Ред-Дир. Исповедовал нацистскую идеологию. В 1980-х годах уже достаточно засветился, чтобы на него обратили внимание правоохранительные органы и антифашистские организации Канады. Журналисты Маркус Гии и Джон Хоус (Marcus Gee, John Howse) в статье «Кампания против ненависти» (Campaigning against hate) от 01 сентября 1986 года рассказывают, что Лонг в качестве кандидата от партии Концепция Западной Канады (Western Canada Concept) принимал участие в 1982 году в провинциальных выборах Альберты, но проиграл. И тогда он постепенно занялся сколачиванием неонацистских группировок. Однако суда за избиение журналиста Рутерфорда Лонг дожидаться не стал. Он сбежал сначала в Калифорнию, а потом уехал в Британскую Колумбию. Так мог ли он быть сыном Лаака? Определенно – нет. Дети в семье Лааков родились в 1930-х в Эстонии, а сам Лаак объявился в Канаде в 1948-м, то есть через два года после рождения Лонга. Одно ясно: Лонг восхищался Лааком.

С журналистом Майроном Лавом я встретился в 2017 году. На вопрос, были ли какие-то подвижки с 1991 года в расследовании предполагаемого суицида или убийства Лаака, он ответил, что RCMP сразу очень скептически отнеслось к возможности выяснить больше, чем уже известно. Было сказано: «прошло тридцать лет... люди умерли», мол, что вы еще хотите? Манитобские следователи ограничились формальными заявлениями, отправили дело в Оттаву, и там, похоже, расследование заглохло.

Кстати, о ней...

В семье Лааков было четверо детей – три сына и дочь, все рождены в Эстонии.

Бурдмейер (Buerdlmeier) – старшая. Дочь, вероятно, сменила фамилию. Год рождения неизвестен, как и дальнейшая судьба.

Хенн или Анди (Henn / Andy) – 1932 года рождения. О нем известно, что умер он в старости, и в течение жизни не был замечен в экстремизме. Имя и пол третьего ребенка Лааков не установлено. Младший – Ури, он же Джери, он же Геральд (Jüri / Jerry / Gerald) – 1939 года рождения. Как и его брат Анди, умер в преклонном возрасте, и ничто не указывало на его приверженность к насильственным действиям. Дайси Лаак полностью отрицала причастность мужа к массовым убийствам. Трудно поверить в такую «наивность». Она много лет была замужем и собственными глазами наблюдала «карьерный рост» своего мужа в концлагере, и потом – на посту начальника таллинской тюрьмы.

Могла ли Дайси Лаак не знать, чем занимается ее супруг, который в эсэсовской форме каждое утро ходит на службу? Ни от сослуживцев мужа, ни от их жен не знала, что творится за колючей проволокой лагеря смерти Ягала? Удобно порой не видеть очевидного.

Это отдельная тема, почему жены нацистов не понесли вместе с мужьями-преступниками наказание. Вот, какая-нибудь Манька-скупщица идет по уголовному делу как соучастница, и срок мотает за то, что жила с бандитом, принимала от него награбленные побрякушки, красовалась в них и не донесла в правоохранительные органы. А жена палача и душегуба, знавшая, чем ее муж занимается, она кто – невинная жертва? Не сходится. Допустим, в Эстонии она боялась перечить мужу – война, страшно. А чего она боялась в Канаде до 1960 года и после? Она так и не раскаялась. По крайней мере публично об это не высказалась. Зато, отвечая корреспонденту газеты *The Montreal Gazette* в сентябре 1960 года, заявила, что ее мужа оклеветали, и «какие-то внешние силы хотят ему навредить». Ни секунды сожаления о тысячах невинных людей, убитых ее мужем. В том же духе высказывался Александр Лаак, договорившись до того, что никогда не слышал о лагере смерти Ягала.

Остается открытым вопрос

Если не агент Арни Берг, тогда что или кто заставил Александра Лаака так внезапно залезть в петлю?

Немедленный арест ему не грозил, иначе эта информация была бы отражена в документах RCMP. Имени Лаака в канадской прессе при его жизни не называли, а заявления советских следователей могли еще долго рассматривать в международных судах. В конце концов, один раз Лаак сбежал из Эстонии, опыт у него имелся, финансы тоже.

Он жил в частном доме, купленном по данным ТАСС на средства, награбленные у жертв нацизма. *The Montreal Gazette* от 8 сентября 1960 года уточняет, что стоимость дома Лааков равнялась 11000 долларов.

Для понимания, средняя годовая зарплата, например, электрика или техника составляла в год около 3.5 тысяч долларов до вычета налогов. Подоходный налог составлял порядка 30%.

Газета *Ottawa Citizen* за 31 августа 1960 года рассказывает, со ссылкой на Дайси Лаак, что с 1948 года ее муж работал разнорабочим на Онтарийскую электрическую компанию (*Ontario Hydro-Electric Power Commission*), получал мизерную зарплату. Только через 8 месяцев Лаак смог привезти в Канаду семью.

В 1950 году они переехали в Виннипег. Дайси Лаак устроилась гувернанткой, потом стала работать в Манитобском Клубе (*Manitoba Club*). Сын – разносчиком газет.

Косвенно спокойствие Лаака в день смерти подтверждает поведение его жены. Она как обычно в этот день работала в клубе. Однако что-то изменилось с момента ее ухода из дома.

Газета The Montreal Gazette от 08 сентября 1960 года сообщает, ссылаясь на слова Дайси Лаак:

«Он (Лаак) позвонил мне на работу и потребовал приехать. Я отпросилась пораньше и приехала домой. Там не смогла найти мужа. Вышла на задний двор, и там его тоже не было. Мне показалось, что я слышу шум в гараже, я открыла дверь и увидела мужа висящим».

Сын бывшего тюремщика Геральд (Gerald Laak), студент Университета Манитобы, сказал, что его отец был удручен разоблачениями ТАСС и последовавшей публичной известностью.

Эти свидетельства Дайси и Геральда особенно важны, потому что были сделаны сразу после случившегося происшествия. Лаак вдруг чего-то испугался, стал куда-то спешить – возможно, хотел бежать. Вряд ли он видел сиюминутную угрозу. Иначе бы звонил не жене, а в полицию.

Поведение Лаака опровергает версию Королевской конной полиции RCMP о суициде. Потенциальный самоубийца точно не стал бы требовать у жены немедленно явиться домой.

Мнение полиции

Не все очевидно с судмедэкспертизой. По сообщению газеты Ottawa Citizen от 07 сентября 1960 года (на следующий день после обнаружения тела): «Судмедэксперт провинции (Манитобы) доктор И.О. Фрайер (Dr. I.O. Fryer) заявил, что Лаак собственноручно повесился, и дальнейшее расследование проводиться не будет. Первый отчет гласит, что он (Лаак) умер на переднем сиденье собственного автомобиля, при этом мотор был включен».

Не правда ли, любопытная картинка вырисовывается. Экзотический способ покончить с собой, и еще более экзотический комментарий полиции. Вот так, буквально под носом военный преступник, которого только-только опознали, совершает абсолютно нелогичные действия:

Звонит жене с требованием срочно прийти с работы домой, не объяснив по телефону цель спешки.

Бежит с веревкой в гараж, садится в машину и заводит мотор (с какой целью?)

Затем каким-то образом вешается, сидя на переднем сиденье...

Как без посторонней помощи он вообще исхитрился повеситься за рулем автомобиля?

Следователи ничуть не заинтересовались данным вопросом.

Очертим круг подозреваемых

Их всего трое: сам Лаак, Арни Берг и канадские спецслужбы.

Лаак имел возможность покончить с собой, имел средство (хотя и с натяжкой), но не имел мотива. Если он не повесился после того, как насиловал детей и убивал их родителей, то и дальше не стал бы добровольно сводить счеты с жизнью.

Еврейские мстители без всякого сомнения имели мотив, но не имели средства и возможности в такой короткий срок подстроить самоубийство. Иногда по незнанию некоторые комментаторы называют мстителей агентами Моссада. На самом деле мстители действовали сами по себе и вопреки планам израильских спецслужб.

Канадские силовики имели возможность и средства, а также имели мотив закрыть рот засветившемуся нацисту, с которым до этого активно сотрудничали. С другой стороны, Канада – правовое государство, которое не замечено в политических убийствах. Так как новых фактов по расследованию нет и вряд ли появятся, то последнее, на что можно обратить внимание, – на Арни Берга.

Неизвестный Берг (послесловие автора)

Эту статью я написал в 2017 году для журнала «Заметки по еврейской истории». С тех пор осталось ощущение недосказанности, как будто что-то упустил. Я сделал запрос в израильские архивы по имени Арни (Арнольд) Берг и по осколкам биографии из книги Элкинса. Получил ожидаемый ответ – такой человек не значится. Ожидаемо, потому что в предисловии Михаэль Элкинс пишет, что изменил некоторые имена.

Перечитывая «Выкованные в ярости», я обратил внимание, как автор описывает бойцов отряда мстителей. Основных пятеро. Мужчин четверо. Вот они: Малахи Валд (Malachi Wald) – руководитель, Бен-Иссахар Фелд (Ben-Issachar Feld) по прозвищу Посланник, Иуда Клейн (Judah Klein) – Парикмахер, и Арни Берг.

Обо всех Элкинс пишет как хороший интервьюер. Где жил человек, чем занимался, что происходило вокруг. Пишет обстоятельно. Однако львиная доля информации приходится не на биографию самого героя, а на описание событий, контактов, действий еврейского сопротивления. Исключение составляет Арни Берг – о нем Элкинс пишет в совершенно ином стиле, как будто составляет автобиографию. Упоминает множество мелких подробностей: как мальчик рос, сколько у отца было незамужних сестер, как обстояли дела с финансами в семье, уходит глубоко в родословную. Также он передает эмоции Арни. Например, когда упоминает серебряную ложку. Рассказывает, как Арни ездил на поезде первым классом и любовался хорошенькой девушкой. Биография Арни самая объемная из всех. Даже биография руководителя ячейки Малахи Валда не может сравниться количеством мелких деталей с описанием Берга. Все биографии составлены профессионально, по-деловому. И только об Арни говорится с явной личной привязанностью к подробностям.

Я сам неоднократно брал интервью и писал чужие биографии, поэтому знаю: каждый автор в той или иной мере следует выбранному однажды стилю. Отличия укладываются в небольшую погрешность. Стил ь меняется, только если автор пишет о себе или о ком-то очень-очень близком. Именно это изменение стиля бросилось мне в глаза в книге Элкинса. В 2017-м я не стал оглашать свои догадки, потому что тогда еще не получил ответ из Израиля по поводу Арни Берга. Могло получиться странно, если бы Берг оказался реальным человеком.

Кроме стиля, что еще обращает на себя внимание.

– Арни Берг родился на востоке США. Элкинс родился в Нью-Йорке.

– Берг покинул родительский дом в 1936 году и перебрался в Калифорнию, в Голливуд. Элкинс примерно в то же время оказался в Голливуде.

– У Арни были сложности с полицией. Его задерживали за мелкое правонарушение, откатали пальчики и присудили к 30-ти дням в тюрьме. У Элкинса тоже были проблемы с полицией.

– Арни со временем стал представителем одного из калифорнийских профсоюзов. И Элкинс был одним из профсоюзных организаторов в Лос-Анджелесе.

– А вот, пожалуй, самое главное. В ходе Второй мировой войны Арни Берг был завербован Управлением стратегического планирования (Office of Strategic Services) США. Эта организация предшествовала ЦРУ. И Элкинс работал на эту организацию в те же годы.

– Арни работал в Европе. И Элкинс – там же.

– Элкинс подробно рассказывает обо всех операциях, проводимых Бергом. Описывает их с диалогами, как будто сам слышал.

– Во время службы в OSS Арни Берг стал оказывать содействие еврейским организациям, используя, когда требовалось, служебное положение. В 1947 году ФБР заинтересовалось этой деятельностью.

– Берг из США помогал переправлять оружие в Израиль через Тедди Коллека (Teddy Kollek). И Элкинс в Нью-Йорке встречался с Коллеком, будущим мэром Иерусалима.

– Для Берга появилась реальная угроза ареста, поэтому он 1948 году уехал в Израиль. То же самое в то же время проделал Элкинс.

– Арни Берг был призван в израильскую армию Пальмах, в 7-ю бригаду. Вероятно, имеется в виду танковая бригада. В должности командира роты воевал в войне за Независимость Израиля, участвовал в операции «Хирам» в Галилее.

Затем 7-я бригада участвовала в окружении египетских войск в Негеве, в операции «Хорев». 26-го декабря Берг был ранен и после лечения попал к физиотерапевту – своему давнему знакомому Иуде Клейну...

Не удалось найти, является ли этот эпизод частью биографии Элкинса, но Элкинс знает мелкие подробности того периода.

Может ли Арни Берг быть Михаэлем Элкинсом? На сто процентов утверждать нельзя, но уж слишком много у них общего. У Элкинса был американский паспорт, а следовательно, и свободный доступ в Канаду. По работе в отделе специальных операций в OSS Элкинс имел специфическую подготовку. Он сам мог спланировать и провести операцию по устранению Лаака. Однако без участия полиции все равно бы не обошлось. Следователей не мог не насторожить факт внезапного самоубийства нацистского преступника, и они наверняка знали, что самоубийство можно инсценировать.

Кто именно засунул Лаака в петлю, со 100% доказательной точностью сказать нельзя. По моему субъективному мнению, которое никому не навязываю, все три вышеупомянутые версии правильные.

- Лаак действительно совершил самоубийство.
- «Арни Берг» ему в этом посодействовал.
- Канадские спецслужбы оказали «Бергу» содействие, как минимум тем, что сознательно дело замяли.

Можно ли было поступить иначе?

Не проще ли, спросит читатель, было передать Лаака в СССР – это и жест доброй воли, и гарантированная нацисту петля.

Тут есть важное обстоятельство – шла холодная война. Во-первых, как и Великобритания, Канада не могла сотрудничать с эстонскими советскими властями. Во-вторых, СССР бы наверняка бы использовал Лаака в пропагандистских целях для очернения Канады. По той же причине Лааку нельзя было устроить показательный суд в самой Канаде. Политики тогда были умнее современных. Для них имидж своей страны значил больше, чем химерные популистские идеалы, когда свою страну вымазывают грязью, не заботясь о последствиях. Канада, как государство, была заинтересована в ликвидации Лаака даже больше, чем мстители Малахи Валда.

В конечном итоге в этой истории все выиграли, даже сам Лаак, как бы странно это ни прозвучало. Ведь его жена, зная о преступлениях мужа и добровольно следовавшая за ним, сознательно главшая ради него, избежала судебного разбирательства и, после установления степени ее участия, – заслуженного наказания. Жертвы Лаака такого же щедрого, как он, выбора не имели.

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ В ИЕРУСАЛИМЕ

Итак! Смотрю на часы, которые фиксируют десять часов утра по иерусалимскому времени. Я – в своей студии на улице Яир Штерн. Три минуты назад у меня завершился телефонный диалог с Еленой, давним другом и верным редактором, о том, что уже скоро первое июня, и мне нужно в эти дни отправить в «Литературный Иерусалим» очередное повествование. Ну что ж, как сказано, так и делаем. На моем мольберте в студии, где я отвлекся на писание сказа-пересказа, прикреплен неоконченный этюд.

Очередная интерпретация темы «Лучше гор могут быть только горы, на которых никто не бывал». Смотрю на творение «кисти своей» – и начинаю делать историческую для себя запись мыслей и чувств, которые вдруг, неожиданно всплыли в сознании моём. И получается, что я вписываю в «Еврейские тетради» совсем новую страницу. Хотя, конечно, как-то связанную с тем, что рассказывал раньше. «И увидели очи мои...» – и вновь я пишу о прошлом.

Несколько дней назад завершилась «моя противная история», сложенная и уже описанная, опубликованная в предыдущем номере «Литературного Иерусалима». Та самая, что называлась «Зяц в иерусалимском трамвае». Полагаю, что не забыли фигурировавших в сказе-пересказе контролеров, точнее, охотников на безбилетников. Нет, конечно, проезд оплачивать надо, но что положено штрафовать человека, не выслушав его... Тем более тогда, когда порядок оплаты изменяется, в первые же дни. Вот так и случилось, что в возрасте семидесяти восьми лет почтенный старичок Захария-Липа Грузман оказался в сетях «чистых рук» блюстителей «трамвайной невинности». Все попытки что-то объяснить: не знал, мол, что карточку на бесплатный проезд тоже положено проводить через специальный прибор, толку не дали. И я получил от контролера – то ли хапуги, то ли ненавистника ашкеназим – квитанцию, согласно которой обязан уплатить штраф в размере ста восьмидесяти шекелей. Обжаловал его действия и спустя ровно три месяца был вызван в мировой суд Иерусалима – по требованию юриста Городской транспортной компании как неплательщик.

К моему удивлению, никакой предвзятости не было. Встреча с судебным приставом показала мне и руководству «Ситипаса», что справедливость существует. Выслушав обе стороны, судебный пристав постановил, что контролер действовал неверно, выписав штраф человеку, который не знал о новых правилах.

Оказывается, он мне объяснить должен был, как надо действовать, а не штрафовать с издевательской ухмылкой. Моя правота была подтверждена, а издержки по иску было решено направить в бухгалтерию заявителя иска. Да, мне ещё и полагается компенсация за нанесенный моральный ущерб.

Ну да, вроде, всё верно. Но история имела продолжение...

В одно солнечное утро, почти год спустя, у моего старшего сына зазвонил сотовый телефон (именно он представлял мои интересы во время встречи с судебным приставом). И состоялся разговор с юристом фирмы «Ситипас». Сладкоголосая представительница «службы обдуривания» начала охмурять моего Арье – с целью отзыва поданного мной иска. А какую сделку предложила – это нечто! Сын должен оплатить мой проезд в трамвае (всего три шекеля) – и она, юрист, спец в области «трамвайного права», остановит судебный иск по поводу давнего безбилетного моего проезда. И подслатила своё предложение словами, что нарушителя, оформившего штраф в мой адрес, компания уволила. А контролеры больше никогда-никогда не станут приставать ко мне с проверками карты «Рав-Кав». Вот ведь, извините, пройдошистая дамочка! Когда уже у меня на руках было судебное решение о безоговорочной отмене штрафа и оплате морального ущерба, решила всё же попытаться что-то как-то сэкономить деньги. Ну и репутацию сохранить, не без этого.

Ну, мы же репатрианты, как бы, глупые и сразу можем согласиться: один процент из ста, что суд более высокой инстанции примет сторону транспортной компании, но попробовать-то можно?

Мой сын просто не хотел терять времени, которого у него вечно нет. Согласился на отзыв иска, уплатил несчастные гроши за мой проезд. Всё? Дело закрыто? Ну вот, можно продолжать спокойно жить дальше. Обычный иерусалимский день был отмечен тем, что мой близкий нижегородский друг Игорь вновь навестил святой город Иерусалим. Он приехал ко мне в студию в компании с незнакомым мне парнем Сашей, тоже нижегородцем.

Так что мой этюд «Горы Эйлата» пока остался незаконченным, поскольку не устроить друзьям «обеденный перерыв» не позволяли законы гостеприимства. Этюд любовался созерцанием нашего «причастия» с тостом: «За встречу!» Мы наслаждались ядреным пятидесятиградусным самогоном нижегородского разлива и красивым этюдом, созерцая всю палитру его красок. Интернационалисты по воспитанию, мы потребляли «импортный» напиток, закусывая его еврейскими яствами и арабским хумусом.

Бутерброды из питы, хумуса и кошерной колбаски в качестве закуски к первой стопке самогона были ото-то. А ещё угостил друзей уникальным «деликатесом» – рассказом, как когда-то в нижегородской деревне Рожново участвовал в сельском застолье, на котором вся честная компания закусывала первач гороховым киселем на льняном масле. Спасибо Творцу, объединившему хумус, гороховый кисель, самогон и красоты Иерусалима в единый букет радости и счастья, радости от наслаждения жизнью! Помаленьку выпивали, закусывали, запивали «Кока-колой». Говорили о Нижнем Новгороде, Волге-реке, книгах Мельникова-Печерского – «В лесах» и «На горах».

Дух российского прошлого спокойно смешивался с духом прошлого библейского, витавшего рядом около картин в моей студии.

И повлек нас дух...

Как говорят на старонизегородском диалекте, «мы выпивам, закусывам и гулям».

После выпивки с закуской захотелось активного движения. Охладившись в автобусе, пошли мы бродить по Старому городу, дивному и неповторимому. Хорош, ах как хорош он!

Уже более трех тысяч лет живет он под ярким ближневосточным солнышком, звеня и переливаясь.

Я гордился тем, что уже двадцать семь лет живу здесь, и служил добровольным экскурсоводом для своих друзей.

...А что было в 2005 году, я подробно рассказал в третьем томе своих повествований – написал рассказ «Стена плача». Хорош вышел, не хвастаясь скажу!

Даже ярый генетический антисемит Валерий Шамшурин тогда восхитился моим литературным чувством, возникшим в «стенах Старого города».

Угу, передо мной восхищался особым моим стилем изложения и описания мирового духовного центра. Что не помешало ему в Комиссии по присуждению нижегородской премии за лучший рассказ всячески обгадить меня. Ну что с ним поделаешь – калека! Поэт «сталинской эпохи», ханжа и подлец, к сожалению, не является антисемитом-одиночкой. Таковых много, очень много, по сей день живет в Нижнем Новгороде.

Забыть бы о них навеки – но вот вспомнились они мне просто по ходу пешеходной прогулки по улице Виа Долороза, по пути от Стены плача к Храму Гроба Господня.

Игорь уже несколько раз бывал в Иерусалиме и с наслаждением вдыхал дивный аромат, веющий с Рынка пряностей.

А Саша посещал Святой град впервые – и глаза у него разбежались в разные стороны от увиденного, услышанного, потроганного рукой. Он сам признался, что его окутал и пронизал дух всех поколений, живших в стенах иерусалимских. Так и влекло за собой, как «огненный столп» у горы Синай.

Вот так действует на непривычного человека вечность иерусалимских святынь. Людские поколения сменяются одно другим, но дух этих поколений остается веять над Храмовой горой, Куполом Скалы и другими ценностями этого уникального города. Время тогда было мирное, и мы смогли подняться на Храмовую кору.

Саша аж сиял весь, созерцая «конюшни царя Соломона», Царские весы, переливающуюся крышу Кипат а-Села (Храма над скалой). А потом мы спустились по лестнице, омыли руки, мои друзья получили одноразовые кипы – и трепетно двинулись к подпорной стене Великого еврейского Храма.

Рядом напевно молились евреи, молодые и старые, звучал священный язык иврит, впитываясь в камни Стены плача.

Лица моих спутников, да и моё тоже, переполнились святостью, исходящей от этих древних нерушимых камней.

Слава великому Творцу нашему, который повелел мне оставить свой дом и свой город – и переселиться с берегов Волги к близким к реке Иордан местам! Мои сыновья выросли и получили образование уже в Израиле, а новое поколение, мои внуки – уже «сабры», то есть уроженцы здешних мест.

Как-то не сомневаюсь, что в свое время все антисемиты моего родного города получают от Него серьезное наказание. Впрочем, три с половиной года войны, истребляющей лучший генофонд России и, в частности, берегов Волги, – уже начало воздаяния по грехам их.

А я, как и все израильтяне, готовлюсь к празднику Шавуот (по-русски – Пятидесятница). В этом году он состоится первого июня, то есть ровно 3338 лет назад мой народ получил скрижали Завета в горах Синая.

Народ Израиля живет и будет жить вечно.

* * *

И еще пару строк о понятии «Еврейская община Нижнего Новгорода и его окрестностей».

Сегодня такой общественной организации, собственно, уже нет, она существует только на бумаге.

Вспоминается тётя Роза Липинская, все годы жизни приносившая в общину каждый месяц шесть рублей, десятину из своей шестидесятирублевой пенсии. Это была последняя еврейка, исполнявшая трактат Талмуда «Масорет» («Десятина»). А так – «аидыше нэшомэ» – «еврейская душа» давно потерялась в жизни по обширным трудам Ленина и Сталина.

Комсомольцы и коммунисты, работавшие освобожденными секретарями или членами райкомов, бывшими не стали.

Как при советской власти трюндели о коммунизме, так и сейчас гонят туфту о «возрождении еврейской духовности» в древнем городе на Волге.

Друзья ХАМАСа, только напоказ накладывающие тфилин и, спотыкаясь, читающие молитвы, какова вам цена? – долгое-предолгое многоточие.

Еще раз – шалом из Иерусалима!

*28 мая 2025 года.
Иерусалим. Израиль*

ХАЛИФ ОМАР И СВЯТЫНИ ИСЛАМА В ИЕРУСАЛИМЕ

В Старом городе Иерусалима местные гиды с удовольствием показывают русскоязычным туристам площадь, которую они называют площадью старика Хоттабыча.

Эта площадь возле Яффских ворот названа в честь Омара ибн аль-Хаттаба, исторической личности, халифа и повелителя мусульман.

Во времена второго халифа мусульман Омара ибн аль-Хаттаба (590-644 г. г.) мусульмане вели непрерывные войны с соседними державами, в том числе и с Византией. Они нанесли серьезное поражение Византийской империи в битве при реке Ярмук в 637 году.

После этого путь в Иерусалим был открыт, и мусульманская армия осадила город.

Византийцы были не в состоянии защищать великий город, но лидер христианской общины Иерусалима патриарх Софроний согласился капитулировать только в том случае, если сам халиф Омар приедет в Иерусалим и примет ключи от города.

Когда халиф узнал об этом, он тут же покинул город Медина и с одним слугой отправился в Иерусалим.

Прибывшего в Иерусалим халифа приветствовал патриарх Софроний, немного удивленный тем, что правитель мусульман прибыл без охраны и был одет в простую одежду.

Предания гласят, что на одеянии самого влиятельного человека мусульманского мира, когда он прибыл в Иерусалим в 637 году, было 17 заплаток.

Омар лично принял капитуляцию Иерусалима и забрал ключи от города у византийского православного патриарха.

После этого Византия навсегда потеряла святой для них город.

Но халиф пообещал, что все христианские храмы Иерусалима будут сохранены и не будут разрушены мусульманами.

Когда пришло время молитвы, Софроний пригласил Омара помолиться в Храме Гроба Господня, но халиф отказался.

Омар объяснил это тем, что если он помолится в храме, то мусульмане последующих поколений захотят превратить храм в мечеть. Поэтому халиф совершил молитву недалеко от здания храма.

Со временем на месте молитвы халифа в Иерусалиме была построена мечеть Омара, которая сохранилась до наших дней.

После молитвы в сопровождении патриарха Софрония халиф отправился на Храмовую гору, к тому времени превращенную византийцами в мусорную свалку.

Софроний не хотел показывать халифу Храмовую гору, место, где в древности находились Первый и Второй Иерусалимские храмы – святыня иудеев, и где, согласно преданию, пророк Мухаммад вознесся на небо.

Но халиф настоял на своей просьбе.

Прибыв на место, Омар опустил на колени и начал расчищать землю.

К нему присоединились военачальники и простые солдаты. Совместными усилиями территория была очищена от мусора.

«С помощью своих главных военачальников предводитель правоверных совершил благочестивые деяния: он расчистил землю собственными руками и наметил основания величественной мечети, чей тёмный и высокий купол венчает вершину горы Мориа». (*«История рыцарей-тамплиеров, церкви Темпла и Темпла», Ч. Дж.>Addison*).

Халиф Омар разрешил христианам после капитуляции остаться в Иерусалиме.

И впервые за долгие годы римско-византийского изгнания, евреи с разрешения халифа смогли молиться в районе Храмовой горы и возле Стены Плача.

Особое внимание халиф уделял городу Иерусалиму как святыне мусульманского мира. Святость Иерусалима в исламе основывается на первом стихе 17 суры Корана, в котором говорится, что Аллах «перенес ночью своего раба (Мухаммада) от святыни неприкосновенной (святыни Кааба в Мекке) в мечеть отдаленную (Аль-Акса)».

На Храмовой горе, называемой мусульманами Харам аш-Шериф («Священный двор») уже после смерти Омара по повелению халифа Абд аль-Малика в 691 году была воздвигнута величественная мечеть «Купол скалы», расположенная над камнем, с которого, согласно преданиям, пророк Мухаммад вознесся на небеса, и с которого, по еврейской традиции, началось сотворение мира.

Мечеть «Купол скалы» расположена в центре «Священного двора».

Иногда ее еще называют мечетью «Золотой купол».

Это памятное монументальное сооружение, вероятно, построено на развалинах византийского храма, чем и обусловлена форма мечети, напоминающая христианские храмы Византии.

Здание мечети, увенчанное золотым куполом, имеет форму восьмигранника. Длина каждой стороны сооружения – 22,3 метра.

В здании насчитывается 36 окон и имеется четверо ворот, ориентированных по сторонам света. Западные ворота, по преданию, служат для прихода пророков и их встреч с Мухаммедом.

Возле восточных ворот сидел, как утверждает традиция, великий Дауд (царь Давид) и вершил свой справедливый суд. Южные ворота – ближние к Мекке, и правоверные относятся к ним с особым почтением. Северные ворота считаются самыми близкими к раю.

Поэтому возле них кладут умершего мусульманина, чтобы он приблизился к блаженству.

Высота мечети 56 метров, высота купола, возведенного над скалой, – 30 метров, диаметр его – 20,5 метра.

Последняя реставрация купола проводилась в начале 1990-х годов по инициативе тогдашнего короля Иордании Хусейна Второго.

В мечети «Купол скалы» находится кусок предположительно известняковой скалы размером 13 на 17 метров, возвышающийся примерно на 2 метра над уровнем пола (744 метра выше уровня моря).

Он и отождествляется с верхней частью камня мироздания – краеугольного камня Земли в иудейской традиции, и с камнем, с которого пророк Мухаммад возносился на небеса в традиции ислама.

Из литературных источников известно, что в мечети «Купол скалы» под камнем расположена пещера, называемая арабами «святой пещерой», «пещерой бездны», «колодцем душ».

По мусульманской традиции, именно здесь в день Страшного Суда будут собраны души всех умерших.

На стенах пещеры имеются надписи, указывающие места молитв праотца Авраама, царей Давида и Соломона, пророка Элиягу (Ильи), а также место, где стоял ангел Джibraил (Гавриил), когда, по мусульманскому преданию, пророк Мухаммад взлетал с камня на небо.

Камень, не желая расставаться с любимым пророком, тоже начал подниматься в небо, и тогда Джibraил рукой придержал непослушную скалу.

В память об этом событии остались на камне и отпечаток руки расторопного ангела, и трещина, появившаяся после успешного подъема пророка.

К мечети «Купол скалы», которая возвышается над районом Харам аш-Шериф, ведут величественные лестницы. Завершаются лестницы аркадами, построенными в XI веке во времена правления династии Фатимидов. По мусульманским поверьям, эти аркады являются весами Аллаха.

В день Страшного Суда на вершине каждой арки появится пара весов, на которых будут взвешиваться плохие и хорошие поступки всех правоверных мусульман.

После этого будет решаться судьба каждого из них. Считается, что прикосновение к аркадам снимает с человека 99 грехов.

Мечеть Аль Акса находится в южной части «Священного двора», она была построена в 702 году по распоряжению халифа Валида, сына Абд эль Малика.

Именно здесь, на месте мечети Аль Акса, согласно мусульманской традиции, располагалась «мечеть отдаленная», куда был перенесен пророк Мухаммад во время своего ночного путешествия.

Поэтому Иерусалим является третьим святым городом ислама после Мекки и Медины.

Вместе с тем, некоторые мусульманские теологи полагают, что «мечеть отдаленная» находится не на земле, а на небе. Другие считают, что Аль Акса – это мечеть в Дамаске или Самарканде.

Но большинство мусульман придерживаются мнения, что в 17 суре говорится именно о Храмовой горе в Иерусалиме, на которой впоследствии и была воздвигнута мечеть Аль-Акса. В пользу этого предположения свидетельствует и то, что в начале своей пророческой деятельности Мухаммад предписывал мусульманам молиться, обратившись лицом к Иерусалиму.

Однако, убедившись в безуспешности попыток обратить евреев в ислам, пророк указал правоверным поворачиваться во время молитвы лицом к Мекке.

Сильное землетрясение 1035 года разрушило мечеть, но она была вскоре восстановлена и приобрела свой нынешний облик прямоугольного здания, вытянутого с востока на запад.

Эта мечеть стала свидетельницей многих исторических событий. В 1128 году король крестоносцев Болдуин II превратил мечеть в свой дворец.

Через пятьдесят лет султан Салах эд-Дин, изгнав крестоносцев, восстановил статус мечети и установил там древний минбар (кафедру проповедника), привезенный из города Халеба.

В дальнейшем мечеть не раз страдала от стихийных бедствий. В последний раз трагедия произошла в 1969 году, когда её поджег душевнобольной турист-австралиец.

В 1951 году у входа в эту мечеть был убит несколькими выстрелами из пистолета тогдашний король Иордании Абдалла I.

Его внук, наследный принц Хусейн, в будущем король Иордании Хусейн I, отец нынешнего иорданского короля Абдаллы II, находился рядом с дедом и чудом уцелел.

Пуля убийцы попала в медальон на груди принца.

Положение мечети обусловлено направлением молитв правоверных, поворачивающихся в сторону Мекки.

Это было сделано для того, чтобы «камень мироздания», «еврейский камень» в арабском наименовании, расположенный в мечети «Золотой купол», не находился между мечетью и Меккой во время молитвы мусульман.

Нынешняя мечеть Аль Акса – это грандиозное сооружение размером 90 x 60 метров с величественным черным куполом и большим подземным залом.

Перед входом в мечеть расположены фонтаны для омовения ног. Вход в мечеть – на её северной стороне, здесь расположены семь ворот.

Часть колонн Аль Акса – из каррарского мрамора, они были подарены мечети в 1930-е годы итальянским диктатором Бенито Муссолини.

У северного крыла мечети находится Маком Азиз – место, откуда Мухаммад вознесся на небо на своей кобылице Аль-Бурак.

В южной части зала имеется михраб, ниша в стене, обращенной к Мекке.

Отсюда до Мекки ровно 1090 км.

Женщины входят в мечеть через отдельный вход, женский зал расположен в западной части мечети.

Подземные сооружения Аль Акса в плане не совпадают с мечетью, частично они выходят за ее границы в восточной части Харам аш-Шериф.

Подземный зал мечети сохранился, преимущественно, со времен крестоносцев.

Размеры зала 55 на 100 метров, здесь находятся 88 колонн. Крестоносцы дали этому залу название «Конюшни царя Соломона», они были уверены, что именно здесь великий еврейский царь держал своих лошадей.

В настоящее время подземный зал является частью комплекса мечети Аль Акса.

Остатки дворца халифов династии Омейядов (VII-VIII веков) примыкают снаружи к южной стене «Священного двора».

Археологические раскопки дворца Омейядов производились группой израильских ученых под руководством профессора Мазара в 1970-1980-х годах.

В настоящее время предпринимаются попытки реконструкции величественного сооружения.

Выдвигались гипотезы, согласно которым эти руины были не остатками дворца, а комплексом религиозных и жилых строений.

Но сравнение плана сооружений с аналогичными строениями в Сирии, Ираке и других центрах халифата Омейядов позволяет со значительной долей уверенности утверждать, что здесь найдены именно остатки одного из дворцов халифов династии Омейядов.

Дворцовый комплекс Омейядов разделен рядами колонн на многочисленные помещения, в центре его располагается просторный внутренний двор.

Площадь дворцового ансамбля – около восьми гектаров.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Лев Альтмарк, прозаик, поэт. Родился в Брянске. Окончил Литинститут им. Горького. Публикации в журналах «Юность», «Нева» и др. Автор четырнадцати поэтических сборников и тридцати семи книг прозы. В Израиле с 1995 года. Живёт в Беер-Шеве.

Сергей Беляков – историк и литератор. Родился в 1976 году в Свердловске (ныне Екатеринбург). Окончил Уральский государственный университет. Кандидат исторических наук. Лауреат премии Большая книга (дважды), Горьковской литературной премии, премии имени П.П. Бажова, премии журнала «Новый мир» и других. Автор множества научных и литературных публикаций, в том числе пяти книг. Живет в Екатеринбурге.

Валентина Бендерская, поэт. Родилась в г. Бердичев. Окончила Киевский Национальный университет культуры и искусства. Лауреат премии поэта Н. Шпака. Автор семи сборников стихов. Лауреат премии им. В. Набокова Интернационального СП. В Израиле с 1997 г. Живёт в Тель-Авиве.

Лина Блик, прозаик, переводчик. Родилась в Москве. Окончила философский факультет МГУ. Занималась в переводческом семинаре Евг. Витковского. Автор книги прозы. Публикации в журналах «Кстати» и «Литературный Иерусалим». В США с 1989 г. Живёт в Калифорнии.

Сергей В. Волков, поэт. Родился в Ленинграде. Окончил РГПУ. Публиковался в журналах «Звезда», «Нева», «Литературный Иерусалим», «Сибирские огни», и др. Автор четырёх сборников стихов. Член Союза российских писателей. Живёт в Санкт-Петербурге.

Ефим Гаммер, прозаик, поэт, журналист, художник. Родился в Оренбурге, жил в Риге. Окончил Латвийский гос. университет. Автор 29-ти книг стихов и прозы. Лауреат российских и международных литературных премий, обладатель 13-ти медалей выставок во Франции, США, Австралии. Премии имени И. Бунина, Н. Лескова, Б. Пастернака, С. Михалкова, Э. Хемингуэя, А. Ахматовой, М. Твена и «Золотое перо Руси». Публиковался в журналах «Дружба народов», «Нева», «Урал», «Арион», «Новый журнал», «Слово\ Word» и др. В Израиле с 1978 года. Живёт в Иерусалиме.

Роман Гершзон, прозаик, журналист. Родился в г. Станислав (Ивано-Франковск), Украина. Автор восьми книг, лауреат международных литературных премий «Золотое перо Руси», «Добрая лира». В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Анатолий Головков, прозаик, поэт и сценарист. Родился в Москве. Окончил МГУ им. Ломоносова. Автор книги стихов, трёх романов, двух книг прозы. Публиковался в журналах «Дружба народов», «Зарубежные записки», «Иерусалимский журнал», «Новый берег» и др. Лауреат премии журнала «Огонек», издательства «Franc Terier», США, премии имени Искандера. В Израиле с 2016 года. Живёт в г. Кармиэль.

Михаил Горелик, поэт, прозаик. Родился в Ленинграде. Окончил Пединститут им. Герцена. Автор книги прозы и двух совместных сборников поэзии. В Израиле с 2022 года. Живёт в г. Ашкелон.

Лина Городецкая, журналист, прозаик, блогер, автор-исполнитель песен на свои стихи. Родилась в Киеве. Автор двух сборников рассказов, поэтического сборника и сборника публицистических очерков. Обладатель статуса «Человек года» по версии 9 Канала. Публикации в различных СМИ. В Израиле с 1990 года. Живёт в районе Хайфы.

Липа Грузман, прозаик, журналист. Родился в г. Горький. Член Союза журналистов России. Автор пяти томов хроникально-художественной прозы. Лауреат премии Нижнего Новгорода за 2018 год в номинации «Публицистика». В Израиле с 1998 года. Живёт в Иерусалиме.

Ханох Дашевский, поэт, переводчик, прозаик. Родился в Риге. Участник сионистского движения. Автор четырёх книг поэтических переводов и двух книг прозы. Лауреат премии им. Давида Самойлова и Московской литературной премии-биеннале. Член Российского Пен-центра. В Израиле с 1988 года. Живёт в Иерусалиме.

Леонид Колганов (1955 – 2019), поэт и прозаик. Родился в Москве. Автор десяти книг стихов и прозы. Лауреат премий имени А. Ахматовой, Д. Самойлова, медали «Русская Звезда» им. Ф. Тютчева за вклад в литературу. В Израиле с 1992 года.

Евгений В. Лукин, поэт, писатель, переводчик. Родился в Новгородской области. Окончил истфак ЛПИ им. Герцена. Автор 40 книг поэзии и прозы. Член СП Санкт-Петербурга и Союза журналистов СПб. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в Санкт-Петербурге.

Ариэла Марина Меламед, поэт, прозаик, бард. Окончила муз. училище (Харьков), театральную школу (Иерусалим). Автор семи книг стихов и прозы. Лауреат премии «Олива Иерусалима» (проза), нескольких международных поэтических фестивалей. Публикации в СМИ многих стран. В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Евгений Минин, поэт, пародист, издатель. Родился в г. Невель. Окончил Политехнический институт им. Калинина в Ленинграде. Автор пятнадцати поэтических сборников и двух книг прозы. Публиковался в журналах «Урал», «День и ночь», «Дети Ра», «Знамя» и др. Лауреат премии «Золотой телёнок» (Россия), премии «Поэт» (Иерусалим). В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

Алексей Опарин, поэт, переводчик. Родился в Москве. Окончил Московскую консерваторию им. П.И. Чайковского как музыковед. Автор поэтического сборника; участник антологии «Москва поэтическая». В Израиле с 2023 года. Живёт г. Бат-Ям.

Марк Польковский, поэт, переводчик. Родился в Петрозаводске. Окончил физмат университета. Автор пятнадцати сборников стихов. Публикации в различных СМИ. В Израиле с 1991 года. Живёт в Ашдоде.

Валерий Слуцкий, поэт, переводчик. Родился в Ленинграде. Окончил ЛГПИ им. Герцена. Автор шести поэтических сборников и сборника переводов «Из еврейской поэзии XX века». В Израиле с 1990 г. Живёт в поселении Кдумим.

Михаил Спивак, писатель, публицист, сценарист. Родился в г. Кемерово. Окончил технологический колледж в Беер-Шеве. Автор трёх книг прозы. Лауреат литературной премии им. Абая, Международной литературной премии им. Николая Гоголя «Триумф» и др. Публикации в журналах «Невский альманах», «Крещатик», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса», «Литературный европеец», «Литературный Иерусалим» и др. Член Союза журналистов России. Живёт в Виннипеге.

Евгений Степанов, поэт, прозаик, издатель. Родился и живёт в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского пединститута, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ имени М.В. Ломоносова. Публикации в журналах «Урал», «Юность», «Нева» и др. Автор многих книг и публикаций в СМИ различных стран. Лауреат премии им. А. Дельвига и премии журнала «Нева». Президент Союза писателей XXI века, секретарь Союза писателей Москвы, член Пен-Клуба.

Ехизль Фишзон, поэт. Родился в Киеве. Окончил Киевский институт культуры. Автор четырёх сборников стихов. Публиковался в журналах «Иерусалимский журнал», «Артикль» «Литературный Иерусалим» и др. Живёт в районе Большого Иерусалима. В Израиле с 1991 г.

Владимир Френкель, поэт, эссеист. Родился в г. Горьком, жил в Риге. Состоит в СП Израиля и в Балтийской Гильдии поэтов. Автор двенадцати сборников стихов и сборника эссе. Лауреат премий СП Израиля (2008), им. Ури-Цви Гринберга (2002, 2004). Публикуется в Израиле, Латвии, России, США. В Израиле с 1987 г. Живёт в Иерусалиме.

Лариса Шушунова, поэт, прозаик, эссеист. Родилась в Ленинграде. Окончила истфак СПбГУ. Автор трёх книг стихов и одного романа. Публиковалась в журналах «Звезда», «Нева», «Аврора» и др. Лауреат премии журнала «Звезда». Член СП Санкт-Петербурга. Живёт в Санкт-Петербурге.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Ариэла Марина Меламед. Стихи.....</i>	<i>3</i>
<i>Валерий Слуцкий. Стихи.</i>	<i>7</i>
<i>Евгений Минин. Стихи.....</i>	<i>11</i>

ПРОЗА

<i>Михаил Горелик. REX.....</i>	<i>13</i>
<i>Лев Альтмарк. Снаружи и внутри</i>	<i>29</i>
<i>Анатолий Головков. Дочь Флавия.....</i>	<i>39</i>

ПОЭЗИЯ

<i>Валентина Бендерская. Стихи.....</i>	<i>49</i>
<i>Леонид Колганов. Стихи.</i>	<i>53</i>
<i>Ехизель Фишзон. Стихи.</i>	<i>57</i>
<i>Марк Польшковский. Стихи.</i>	<i>61</i>

ПРОЗА

<i>Ефим Гаммер. Мама – первое слово в жизни</i>	<i>65</i>
<i>Лина Городецкая. «Мадам, уже падают листья...»</i>	<i>73</i>
<i>Ханох Дашевский. Из романа «Рог Мессии».....</i>	<i>81</i>

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕРЕВОД

<i>Алексей Опарин. Переводы из Генриха Гейне.....</i>	<i>89</i>
---	-----------

ГОСТИ

<i>Сергей Беляков. Литература и чёрная сотня.....</i>	<i>95</i>
<i>Лиана Блик. И где гарантия.....</i>	<i>103</i>
<i>Сергей Волков. Стихи</i>	<i>107</i>
<i>Евгений Лукин. «Мы просили многого от жизни...»</i>	<i>111</i>
<i>Евгений Степанов. Круиз.....</i>	<i>115</i>
<i>Лариса Шушунова. Письма в Венецию. Стихи</i>	<i>123</i>

ЭССЕ

<i>Владимир Френкель. «Дьявольский карнавал, или вкус свинца».</i>	<i>127</i>
<i>Михаил Спивак. Убийство или самоубийство.....</i>	<i>135</i>

МЕМОУАРЫ

<i>Липа Грузман. Обычный день в Иерусалиме.....</i>	<i>147</i>
---	------------

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

<i>Роман Гершзон. «Халиф Омар и святыни ислама...»</i>	<i>151</i>
--	------------

<i>Коротко об авторах.....</i>	<i>157</i>
--------------------------------	------------